

МАСТЕРА УЖАСОВ

ПРЕМИЯ ИМЕНИ АВГУСТА ДЕРЛЕТА

Адам Нэвилл

РИТУАЛ

МАСТЕРА УЖАСОВ

ПРЕМИЯ ИМЕНИ АВГУСТА ДЕРЛЕТА

АДАМ НЕВИЛЛ

РИТУАЛ

Адам Нэвилл

Ритуал

Adam Nevill
THE RITUAL

First published 2011 by Macmillan an imprint of Pan Macmillan, a
division of Macmillan Publishers International Limited

Печатается с разрешения издательства Pan Macmillan и
литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © Adam Nevill 2011

© Андрей Локтионов, перевод, 2017

© Станислав Галай, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Роман захватывает с самой первой страницы и не отпускает до самого последнего предложения.

The Guardian

«Ритуал» – это один из самых напряженных романов ужасов, выпущенных за последние годы».

SFX

«Ритуал» Адама Нэвилла – это непредсказуемое путешествие в темные пространства ужаса. Тревожная и притягательная книга.

Джонатан Мэйберри, лауреат премии имени Брэка Стокера

Если вы хотите испытать настоящий страх перед темными, непроходимыми лесами, то рекомендуем прочитать «Ритуал».

Geek Syndicate

Часто хоррор теряет свою силу, когда показывает лицо зла, но «Ритуал» при сходных обстоятельствах становится лишь более жутким.

The Sunday Times

*Для Энн и нашего сына, которые делают
мою жизнь не столь ужасной*

*Если где-то на свете и есть боги, то лишь
здесь.*

Элджернон Блэквуд

«Ивы»

Часть 1

Под останками

“Beneath The Remains” – это название третьего студийного альбома бразильской группы Sepultura, выпущенного в 1989 году.

Пролог

На второй день лучше не стало. Хлестал обжигающий холодом ливень, бледное солнце не могло пробиться сквозь низкие серые тучи. И они заблудились. Но именно то мертвое существо, которое они нашли висящим на дереве, в корне изменило их путешествие. Все четверо увидели его одновременно.

Стоило перелезть через очередное упавшее дерево и оказаться в зарослях колючего папоротника, и они наткнулись на него. Запыхавшиеся, мокрые от пота и дождя, не способные разговаривать от усталости, они остановились как вкопанные. Согнувшись под тяжестью рюкзаков, постельных принадлежностей и мокрых палаток, стояли и смотрели вверх.

Над ними, выше, чем можно было дотянуться рукой, висело это мертвое существо. Оно виднелось сквозь еловые ветви, но из-за плачевного состояния останков было неясно, кому они принадлежали.

В свете, проникавшем сквозь полог листвы, мерцали влажные, синего цвета кишки, свисавшие из большой грудной клетки. На окружающих ветвях была развешена шкура, местами изодранная в клочья. Неровный край и скомканный центр говорили о том, что она была выдрана из спины одним сильным рывком. На первый взгляд, голова в этом кровавом месиве отсутствовала. Но при более внимательном взгляде посреди яркой, красно-желтой вакханалии просматривался костлявый оскал челюстей. А чуть выше – глаз, большой, словно бильярдный шар, только остекленевший и неподвижный. Обрамлял все это профиль вытянутого черепа.

Хатч повернулся к остальным. Он вел группу, шатавшуюся по лесу в поисках новой тропы. Идти здесь было его идеей. Лицо Хатча побелело, он не мог произнести ни слова. Потрясенный увиденным, стал выглядеть моложе своих лет. Он был уязвлен, потому что уродливая находка стала единственной за весь поход вещью, которой он не мог дать объяснения. Ни малейшего предположения.

Фил не смог унять дрожь в голосе.

– Что это?

Никто не ответил.

– Зачем? – спросил Дом. – Зачем ты туда это закинул?

Звук собственного голоса немного успокоил, и все пустились в рассуждения. Один Люк продолжал молчать. Разговаривая, они двинулись прочь от существа на дереве, заметно прибавив скорости, но вскоре снова замолчали. Только неестественно громкий звук их шагов выдавал нарастающее беспокойство. Потому что от того существа не пахло. Это был свежий труп.

1

Четырьмя часами ранее

В полдень Хатч остановился и, повернувшись, взглянул на остальных. Три бредущие цветастые фигуры слабо выделялись на фоне туманных просторов скалистого ландшафта. Они шли, растянувшись по равнине из плоского серого камня, разглаженной отступающим льдом несколько миллионов лет назад. Его спутники брели, сгорбившись и глядя под ноги.

Лишь сейчас он понял, что для трехдневного похода годились только они с Люком. Дом с Филом несли слишком много вещей, последний стер себе пятки до мяса. Большую озабоченность вызывало то, что Дом в первый же день подвернул на валуне ногу и уже вторые сутки хромал, морщась при каждом шаге.

Из-за неудобств Дом с Филом потеряли интерес к редким полосам болот, причудливым скалистым образованиям, красивейшим озерам, удивительной долине Маскоскарса, появившейся еще в Ледниковый период, золотому орлу, кружившему над ними, и видам абсолютно нетипичного для Европы ландшафта. Даже в дождь и при плохом освещении от красоты этих мест захватывало дух. Но ко второй

половине первого дня Дом с Филом уже шли, опустив головы и полузакрыв глаза.

– Сделаем привал, парни, – крикнул Хатч остальным.

Люк поднял глаза, и Хатч подал ему знак головой, чтобы тот догонял.

Хатч снял рюкзак, сел и вытащил из бокового кармана карту. Из-за того, что пришлось подстраиваться под черепашую скорость, заданную Домом и Филом, спина у Люка сильно ныла. По стеснению в груди он чувствовал, что раздражение переходит в гнев. Его желваки подрагивали, словно на волю просился длинный жаркий монолог из одних проклятий, который он хотел обрушить на эту парочку, превратившую поход в похоронный марш.

– В чем дело? – спросил Люк, щурясь из-за мелкого морозящего дождя. Его квадратное лицо блестело. От капель дождя и пота на щетине вокруг рта и светлых бровях появилась пена.

– Я решил изменить план.

Люк присел рядом с Хатчем на корточки и предложил ему сигарету. Потом зажег свою красными, как сырое мясо, руками.

– Спасибо, дружище. – Хатч развернул в ногах карту. Он глубоко вздохнул и со свистом выпустил воздух сквозь сжимающие сигаретный фильтр зубы. – Старый план не работает.

– Какая неожиданность, – сказал Люк с кислой миной. Потом отвернулся и сплюнул. – Десять километров за день. Всего-то! Знаю, были трудные места, но эти двое в первый же день скисли.

– Согласен. Поэтому мы должны изменить маршрут. Нужно срезать путь, иначе нам придется самим их тащить.

– Твою мать!

Хатч заговорщицки закатил глаза, но в момент слабости понял, что приветствует подобные тирады. Он все чаще слышал их от Люка с момента встречи у того на квартире пять дней назад. Просто Люку совсем не нравились Дом с Филом, а физические трудности и ужасная погода сделали их отношения еще более натянутыми. Отношения, которые Хатч изо всех сил старался сохранить с помощью своего энтузиазма, терпения и спонтанных оптимистичных прогнозов погоды. Он не принимал ничью сторону, потому что не мог допустить раздора. Это был уже вопрос не спасения встречи выпускников, а безопасности.

Люк поджал губы и прищурился.

– Новые ботинки. Неподходящие носки. Фил даже джинсы сегодня надел. Что ты ему сказал? Боже всемогущий!

– Тссс. Знаю, знаю. Не доканывай их, а то будет хуже. Гораздо хуже. Нам нужно вернуть предохранитель на место. И мне в том числе. О'кей?

– Понял.

– Похоже, я уже придумал.

Люк сбросил с головы капюшон цвета хаки и склонился над картой:

– Показывай.

Хатч ткнул в карту пальцем там, где они, по его мнению, сейчас блуждали, отстав от графика.

– Еще полтора дня под дождем, и все полетит к чертям. Можно забыть про Порьюс. Мы просто не доберемся до него. Но если двинем на юго-восток, здесь. Через этот лес... Его видно отсюда. Видишь? Люк кивнул, взглянув в направлении, куда указывал Хатч. Вдали темнела зазубренная полоса леса, наполовину затянутого белой дымкой. – Если пересечем его здесь, где он сужается, ближе к вечеру, а может даже раньше, выйдем к Стора Лулеэльвен. Пойдем вдоль нее на восток. У устья реки, в Скайте, есть пара туристических домиков. Немного удачи, и к вечеру будем у реки. Если свернем вот здесь. Вечером спустимся вдоль реки к Скайте. В худшем случае, переночуем у реки и к завтрашнему утру доберемся до домиков. В Скайте можем зависнуть на день и раздавить у камина бутылку «Джека Дэниелса». Перекурим. Потом я попробую договориться насчет транспорта, чтобы на следующий день вернуться в Елливаре. И в лесу мы сможем укрыться от дождя, а то он, похоже, не думает прекращаться.

Хатч посмотрел на небо, прищурился, затем перевел взгляд на Дома и Фила. Те сидели молча, съежившись и закутавшись в «Гортэкс». Похоже, они не слышали, о чем шла речь.

– Эта парочка далеко не уйдет. Поэтому, дружище, боюсь, экспедиция закончена.

Люк стиснул зубы. Его лицо напряглось. Он опустил голову, заметив, что Хатч испытующе смотрит на него.

Хатч был потрясен тем, сколько злости прорывалось в Люке последнее время. Их обычные телефонные разговоры, инициатором которых, как правило, был Люк, часто заканчивались гневными

тирадами. Похоже, его друг больше не мог сдерживать свою злость и управлять ею.

– Эй, «управление гневом».

Люк поднял испуганные глаза. Хатч подмигнул.

– Могу попросить об одном большом одолжении?

Люк кивнул с настороженным видом.

– Не будь так строг к толстякам.

– Хорошо.

– Знаю, дело в ваших отношениях. Особенно с Домом. Но им обоим сейчас нелегко. Не только от этого, но и от остального дерьма.

– От какого? Мне они ничего не говорили.

Хатч пожал плечами. Он видел, что Люк недоволен своей неосведомленностью насчет бытовых проблем Дома и Филадельфии.

– Ну... дети, например. У младшего сына Дома какие-то неприятности. У Филадельфии с женой постоянно терки. Так что у обоих не все гладко, если посмотреть. Поэтому будь с ними помягче, вот и все.

– Хорошо. Не волнуйся.

– Кроме того, – сказал Хатч, стараясь сменить тему. – Если срежем сегодня путь, на Стокгольм перед возвращением останется больше времени. Тебе понравится этот город.

– Наверно, – сказал Люк.

– Ну так что?

Люк пожал плечами, выпустив через ноздри дым.

– Сейчас мы хотя бы идем по тропе, которая отмечена на карте. А лес – другая земля. Там нет тропы, дружище. Ни одной.

– Там здорово, поверь мне. Подожди, сам увидишь. Это же национальный парк. Совершенно нетронутый, девственный лес.

Люк постучал указательным пальцем по карте.

– Может быть... но ты не знаешь, что там за почва. Тут, по крайней мере, ровная скалистая поверхность. А там болота. Смотри. Здесь. И здесь.

– Будем держаться от них подальше. Просто пройдем через самую узкую полосу деревьев. Вот здесь. Пара часов, и вуаля... окажемся на другой стороне.

Люк вскинул брови.

– Ты уверен? Никто не знает, что мы здесь.

– Ну и что? В день нашего отправления Департамент охраны природы был закрыт, а в Порьюс я никогда раньше не звонил. Но это не проблема. Такие меры предосторожности действуют лишь в зимний период. А сейчас – начало осени. Ни снега нет, ни льда. Там мы сможем даже увидеть диких животных. Тем более, толстякам не пройти еще два дня по болотистой почве, уже не говоря про каменистую. Срезав путь, мы вдвое сократим расстояние. Продолжать сегодня поход крайне рискованно. А завтра вечером мы будем уже в Порьюсе. Взгляни на них. Они сдулись, дружище.

Люк кивнул, выпустив через ноздри две длинные струйки дыма.

– Ты босс.

2

Четыре часа, двадцать минут спустя

Валежник хрустел под ногами, разлетаясь на куски. Раздвигаемые ветки хлестали идущих сзади. Споткнувшись, Фил свалился в крапиву, но безропотно встал на ноги и бросился догонять остальных, которые к тому моменту уже почти бежали. Они двигались, сгорбившись, опустив головы. Несмотря на бьющие по лицам ветви и развязавшиеся шнурки, продолжали путь. Пока на крошечной полянке Хатч вдруг не остановился. Он вздохнул и уперся руками в колени. Здесь слой сухостоя и гнилых листьев был не таким глубоким, и колючки больше не лезли под одежду.

Люк заговорил впервые с того момента, как они наткнулись на мертвое животное. Он задыхался, но все равно сумел засунуть в рот сигарету. Вот только прикурить ему никак не удавалось. Лишь после четвертой попытки он наконец выпустил дым из ноздрей.

– Думаю, это охотник.

– Здесь нельзя охотиться, – возразил Хатч.

– Тогда фермер.

– Но зачем закидывать на дерево? – снова спросил Дом.

Хатч снял рюкзак.

– Кто знает. В этом природном парке никто ничего не выращивает. Здесь дикая местность. В том-то и дело. Можно мне сигаретку?

Люк вытер глаза. По его щекам текли слезы. Частицы порошкообразной коры проникли под веки.

– Это убитый волком лось или олень. А потом... что-то закинуло его на дерево. Он бросил пачкой «Кэмела» в Хатча.

Тот поднял ее с земли.

Фил нахмурился, уставившись себе под ноги.

– В лесу есть зрители. Рейнджеры. Они бы...

Хатч пожал плечами и закурил.

– Не удивлюсь, если мы – первые люди в этих краях. Seriously. Подумайте, насколько огромен этот лес. Двадцать семь тысяч квадратных километров! Большинство из них – нетронутая природа. Сойдя с последней тропы, мы прошли минимум пять километров, и вряд ли здесь ступала нога человека.

Люк выдохнул дым и продолжил:

– Медведь. Может, медведь его туда закинул. Чтобы никто не съел. В смысле, на земле.

Хатч посмотрел на кончик сигареты и нахмурился.

– Может быть. А в Швеции они большие?

Дом и Фил присели. Фил закатал рукав до локтя, обнажив пухлое белое предплечье.

– Я уже весь исцарапался.

Лицо Дома было белого цвета. Даже губы.

– Хатч! Я засуну эту карту в твою бесполезную йоркширскую задницу. – Он часто разговаривал с Хатчем в подобном стиле. Люк всегда удивлялся вспышкам вербального насилия. Но в этих перепалках не было подлинной ненависти, только фамильярность. Это означало, что у Дома с Хатчем были теперь более близкие отношения, чем у него. А он всегда считал Хатча лучшим другом. Поэтому дружба Хатча и Дома вызывала в нем жгучую ревность. Все они знали друг друга уже пятнадцать лет, но Дом и Хатч были так же близки, как во времена учебы в университете. Даже спали в одной палатке. При таком раскладе Люк и Фил чувствовали себя обделенными. Люку казалось, что Фил чувствует себя так же, как он. Даже если в этом нельзя признаться без взаимных оскорблений.

Дом стянул с ноги ботинок.

– Устроил нам праздник, мудака. Мы заблудились. У тебя же ни малейшего понятия, где мы находимся. Верно, фрукт наструганный?

– Остуди свои ботинки, Дом. Двинем туда. – Хатч указал в направлении, куда они пробирались. – Ты будешь есть горячую фасоль

с колбасой на берегу реки. Там сейчас натягивает палатку и разводит костер квартет шведских красоток. Так что расслабься.

Фил хохотнул. Люк улыбнулся. Дом неохотно присоединился к ним, но уже через несколько секунд искренне хохотал. Смеялись все. Над самими собой, своими страхами и над тем существом на дереве. Смех помог им отстраниться от всего, он был необходим.

3

Реку они не нашли, а аппетитная мечта о шведских девушках и горячей фасоли с колбасой померкла, как сентябрьский свет, а потом и вовсе исчезла вместе с надеждой выйти из леса в тот же день.

Пока трое из них сидели на корточках в тишине – Люк в стороне от Дома и Фила, поедавших энергетические батончики, – Хатч снова уставился на карту, наверное, в пятый раз за последний час. Он прочертил грязным пальцем намеченный короткий путь между тропой Сорстубба, с которой они сошли в полдень, и тропой у реки. Снова сглотнул паническую дрожь, появившуюся в горле с наступлением сумерек.

Еще утром он мог точно указать на карте их местонахождение. И когда они были в Елливаре, и в округе Норрботтен. Но к концу дня, когда проглядывающее сквозь верхушки деревьев небо начало темнеть, он уже не был уверен, в какой точке разделяющего две тропы леса они находятся. Выбирая этот маршрут, он не ожидал такого количества оврагов и непроходимых зарослей.

Ерунда какая-то. Они даже приблизительно не следовали выбранному курсу. Чувство, что они двигаются в верном направлении, покинуло его больше двух часов назад. Как будто лес вел их. Нужно было идти на юго-запад, но когда они углубились в лес на четыре километра, их словно стало тянуть на запад, иногда даже на север. Они могли продвигаться лишь через редкие заросли и там, где между древними деревьями открывался проход, поэтому долго шли в неверном направлении. Он должен был это учесть.

Вот, дерьмо!

Хатч оглянулся через плечо на остальных. Может быть, пора принять новое решение: вернуться туда, откуда пришли. Но если он даже найдет дорогу назад, к тому времени, как они вернутся туда, где были в полдень, стемнеет. А значит, им снова придется проходить

мимо того дерева, с висящим животным. Он чувствовал, что эта идея не понравится Дому и Филу. Люку все равно. Хотя лес, похоже, тревожил и его. Признаком этого были начавшиеся разговоры с самим собой. И с тех пор, как они углубились в лес, Люк непрерывно курил. Тоже плохой знак.

Физические нагрузки хотя бы отвлекали от догадок насчет того, как труп оказался на дереве. Хатч никогда не видел ничего подобного. Не читал и не слышал о таком. За все двадцать лет занятий туризмом. Люка открытие тоже привело в замешательство. Похоже, его друг все еще мучается разгадкой тайны. Они думали об одном и том же: кто смог так уделать такое крупное животное? В голове Хатча мелькали образы медведей, рысей, росомах, волков. Никто из них не подходил, но это был кто-то из них. Наверное. Может, даже человек. Эта мысль тревожила еще больше, чем мысль о диком звере. Кто бы ни нанес такие повреждения туше, он был рядом.

– Подъем, мужики.

Люк бросил окурок и поднялся на ноги.

– Иди на хрен, – сказал Дом.

– Вот-вот, – добавил Фил.

Дом поднял глаза на Хатча. У уголков рта на его грязном лице прорезались глубокие морщины, в глазах читалось страдание.

– Мне нужны носилки, Хатч. Нога не сгибается. Я не шучу. Она совсем онемела.

– Уже близко, дружище, – сказал Хатч. – Река должна быть где-то рядом.

4

В четырех километрах к востоку от того существа на дереве они нашли дом.

Но до этого они четыре километра пробирались через плющ, крапиву, сломанные ветки, океаны мокрых листьев и непролазный колючий кустарник. Как и везде, привычная чередка времен года была нарушена. На смену самому дождливому в истории Швеции лету пришла поздняя осень. Могучий лес только начинал яростно сбрасывать отмершие части. И все отметили, что тьма была, хоть глаз выколи. Солнечный свет едва проникал под полог густой листвы. От этого у Хатча лишь усиливалось чувство, что лес сжимается вокруг

них. В поисках света и открытого пространства они лишь сильнее отклонялись от намеченного курса.

Ко второй половине дня, когда из-за усталости они могли лишь брести и ругаться на хлеставшие и царапавшие ветки, лес стал таким густым, что двигаться в одном направлении можно было не больше нескольких шагов. Они мотались взад-вперед, обходя более крупные препятствия, вроде гигантских доисторических стволов, рухнувших много лет назад и покрытых скользким лишайником. Ходили зигзагами, уклоняясь от бесчисленных колючих веток, торчащих из земли корней и терновых кустарников, заполнявших все свободное пространство. Верхние ветви деревьев усиливали их страдания, направляя на них бесконечные потоки холодной дождевой воды.

Но около семи часов вечера они наткнулись на то, что уже не ожидали увидеть. На тропу. Она была узкой, но ее ширины вполне хватало, чтобы двигаться гуськом, не шатаясь и не цепляясь за ветки спальником или рюкзаком.

К этому моменту Хатч понимал, что всем уже безразлично, куда ведет тропа, и они пойдут по ней даже на север, только из-за возможности идти наконец прямо. Даже если эта тропа вела на восток или еще дальше на запад, а не на юг, лес впервые нарушил монотонность путешествия. Позднее Хатч смог бы точно разобраться, где они находятся, выбрать южное направление и попытаться компенсировать отклонение от курса, до сих пор навязываемое лесом. Кто-то был здесь до них, и эта тропа наводила на мысль о том, что этот кто-то шел по ней туда, куда стоило идти. Подальше из темной, душащей глуши.

Тропа привела к дому.

Их рюкзаки промокли насквозь. Вода ручьями текла с курток, пропитывая брюки. Джинсы Филя почернели от влаги. Еще в Кируне Хатч сказал ему не надевать джинсы на случай дождя. Вода капала с манжет рукавов на исцарапанные, покрасневшие руки. И нельзя было сказать, дождь пропитал их толстовки и белье под куртками «Гортэкс», или пот от разгоряченных тел. Все были грязные, промокшие, измотанные, и ни у кого не хватало наглости спросить Хатча, где в лесу разбить палатку. Но эта мысль была у всех на уме, он знал это. По обе стороны от тропы шел подлесок высотой по пояс. Страх Хатча начал сменяться паникой, вызвав в животе неприятное, знакомое с

детства ощущение. Он вдруг осознал, что совершил какую-то страшную ошибку, подвергающую опасности жизни трех его друзей. И тут они наткнулись на дом.

Темное осевшее здание притулилось в задней части лужайки, густо поросшей сорняком и крапивой. Со всех сторон его окружала стена непроходимого леса.

– Там никого нет. Давайте зайдем, – сказал Фил хриплым от астмы голосом.

5

– Мы не можем просто так вломиться, – сказал Люк.

Фил хлопнул Люка по плечу, проходя мимо.

– Можешь взять себе палатку, дружище. А я ночую здесь.

Фил сделал по лужайке всего несколько шагов. Какой-то инстинкт помешал остальным догонять его, и Фил в конце концов со вздохом остановился.

Они видели сотни подобных stugas во время их железнодорожного путешествия из Муры через Елливаре, на север, в Йокмокк. Все окраины городов Северной Швеции были застроены десятками тысяч простых деревянных домов. Исконных жилищ сельских жителей, до их переселения в города в течение прошлого столетия. Люк знал, что шведские семьи отдыхают в таких ломах долгими летними месяцами. Так сказать, возобновляют связь с землей. Эти вторые дома были чем-то вроде народной традиции. Но не этот.

У него не было ярко-красных, желтых, белых или пастельного цвета стен, которые они привыкли видеть у сказочных шведских домиков. Не было ни аккуратного белого забора, ни ровно подстриженной лужайки. В нем не было ничего милого, причудливого или уютного. Никаких острых уголков, ни аккуратных окошек на двух этажах. Там, где должна была быть симметричность, был перекосяк. Плитка местами отвалилась. Вздувшиеся и почерневшие, словно от пожара, стены давно не знали ремонта. Доски у фундамента отошли. Окна, некогда запертые на зиму, не открывались уже несколько лет. Казалось, в нем ничего не ловило и не отражало падавший на поляну водянистый свет. И что-то подсказывало Люку, что внутри дом был таким же сырым и холодным, как сумрачный лес, в котором они заблудились.

– Что дальше, Хатч? – Дом высунул из блестящего оранжевого капюшона круглое, напряженное от недовольства лицо, нервно моргая. – Какие мысли?

Хатч прищурил глаза. Они были бледно-зеленые, с длинными черными ресницами, слишком красивые для мужчины. Глубоко вздохнул, но даже не посмотрел на Дома. Потом, будто не слыша своего друга, заговорил:

– Дымоход есть. На вид вполне рабочий. Мы сможем развести огонь и быстро согреемся.

Хатч подошел к небольшому крыльцу, пристроенному к двери, такой черной, что она буквально сливалась с передней стеной дома.

– Хатч, я не знаю. Давай не будем, – сказал Люк. Это было неправильно. Ни сам дом, ни идея вторжения ему не нравились. – Давайте пойдем дальше. До восьми еще будет светло. У нас есть час, за это время мы сможем выбраться из леса.

Люк почти физически ощущал исходящее от Дома и Фила напряжение. Фил быстро развернул свое массивное тело, шелестя мокрой курткой. Его рыхлое лицо побагровело.

– Да что с тобой, Люк? Хочешь вернуться? Не будь тупицей!

К Филу присоединился Дом. Когда он открыл рот, капля слюны попала Люку на щеку.

– Я не могу больше идти. У тебя-то все в порядке, не твое колено размером с мяч для регби. Это из-за тебя и этого йоркширского засранца мы вляпались.

У Люка закружилась голова, его бросило в жар. Им придется остаться здесь на ночь, потому что Фил был таким толстым, что не мог долго ходить. Ноги подвели его в первое же утро. С того момента он ныл не переставая. Даже в Лондоне он передвигался только на машине. Он прожил там пятнадцать лет и ни разу не пользовался подземкой. Как такое возможно? Дом был не лучше. В свои тридцать четыре он выглядел на пятьдесят. И всякий раз, когда ругался, Люк скрипел зубами. Дом был руководителем отдела маркетинга крупного банка, а разговаривал, как уличная шпана. Что случилось? Раньше он был сверхбыстрым боулером, чуть не попал в высшую лигу. Он путешествовал по Южной Америке. С ним можно было курить «травку» ночи напролет. Теперь Дом был обычным пузатым «женатиком», с головы до ног одетым в шмотки из «офицерского

клуба». Он фыркал, хихикал либо просто игнорировал Люка всякий раз, когда тот рассказывал об очередной подружке или каком-нибудь потрясном лондонском баре.

Люк вспомнил испытанный шок, когда ему пришлось буквально заставлять себя общаться с Домом и Филом во время их встречи в Лондоне, вечером накануне отлета. Они с Хатчем посмеялись над его «коммуналкой» в Финсбери-парк, затем перешли на обычный стеб, будто эта троица виделась каждую неделю в течение последних пятнадцати лет. Может, так и было. С самого начала он почувствовал себя лишним. К горлу подступил комок.

Наверняка Хатч видел его лицо.

– Вождь, – сказал он и заговорщицки подмигнул Люку, как взрослый, пришедший на помощь ребенку, которого дразнят на игровой площадке. От этого лицо Люка вспыхнуло еще сильнее, но он тут же переключил гнев на себя, обратив его против своих ядовитых мыслей. Хатч тепло улыбнулся. – Не думаю, что у нас есть другой выбор, дружище. Нам нужно обсохнуть. В палатке это сделать не удастся. Весь день мокнем.

– Тук-тук, мы заходим, – крикнул Фил и присоединился к стоявшему у входной двери Хатчу, проявив невиданную доселе активность.

Люк уже не мог смотреть на покатые плечи Фила и его интеллигентскую, торчащую из синего капюшона рожу. Сейчас он по-настоящему ненавидел его внешний вид, поэтому решил: когда вернется в Лондон, будет избегать даже ежегодную совместную пьянку.

– Ты можешь оставаться на улице с волком, который уделал того лося, – сказал Дом, усмехнувшись.

Избегая смотреть Дому в глаза, Люк снова обрел дар речи. Его даже слегка шокировал жесткий, агрессивный сарказм, исходящий из собственных уст. Но ему было все равно, что говорить. Просто он хотел, чтобы другие знали о его чувствах.

– А может, мы скормим ему тебя с твоим бесполезным коленом, а сами двинем в Скайте?

Идущий за Хатчем и Филом Дом вдруг замешкался. Досада и удивление, на секунду отразившиеся на его лице, сменились яростью.

– Типичная глупая болтовня умственно отсталого человека. Оставайся на улице, тупица, можешь мерзнуть тут хоть до смерти. Если кто и будет по тебе скучать, то какая-нибудь шлюшка. Это суровая реальность, если ты еще не заметил. А я хочу вернуться домой целым и невредимым. Потому что несу ответственность за других людей.

Хатч снова отпрянул от двери, почувствовав, что раздражение друзей переходит границы.

– Подождите, джентльмены, пожалуйста. Если не остынете, я возьму кедровую ветку и отстегаю вам задницы.

Фил издал грязный смешок, прозвучавший неуместно рядом с этим домом, но не стал оборачиваться. Он постучал в дверь и толкнул ее.

От злости Люк не мог ни сдвинуться с места, ни вздохнуть. Он смотрел перед собой, избегая чужих взглядов. Дом, как ни в чем не бывало, вернулся за Хатчем к дому. Он даже рассмеялся.

– А тебе бы понравилось. Шлепать хорошеньких парнишек по задницам в лесу.

– Точно. И заодно свой размах проверю. Тебе достанется с левой.

– Замка нет. Но дверь заклинило, – сказал Фил.

Хатч снял рюкзак.

– Ненадолго. Отойди в сторону.

Люк вытащил сигаретную пачку из бокового кармана промокших штанов. Руки тряслись. Анализировать ситуацию было некогда, но он не мог ничего поделать. Не мог не думать об их компании. Потому что путешествие обернулось провалом. Не из-за погоды. Он пошел бы, даже если бы знал, что все дни будет лить дождь. Он был сильно взволнован возможностью снова зависнуть со своими друзьями и ждал этого шесть месяцев после свадьбы Хатча, где была впервые озвучена эта идея. Но поход стал невыносимым – он почти никого не узнавал. Люк уже начал сомневаться, знал ли он когда-нибудь этих людей. Пятнадцать лет – долгий срок, но какая-то его часть продолжала цепляться за мнение, что это его лучшие друзья.

Здесь он чувствовал себя по-настоящему одиноким. Больше их ничего не связывало.

Как только дом был вскрыт, Хатч, Фил и Дом стали рыться в рюкзаках в поисках фонариков: за выбитой Хатчем дверью царила непроглядная тьма.

Каждый удар его ноги по хлипкому дереву заставлял Люка вздрагивать. Мысль о том, что дверь сейчас откроется, вызывала у него нервозность. Нежелание присоединиться к остальным усугублялось дурным настроением после стычки с Домом, отчего Люк снова почувствовал себя дураком. А еще ему было стыдно за акт вандализма. Он остался на лужайке под дождем, в то время как другие толкались у двери.

Как и все остальные, он валился с ног. Мокрый, голодный и абсолютно несчастный. Он просто хотел, чтобы все кончилось – их мотание из стороны в сторону, дождь, темный неприятный лес. Но они не должны были опускаться до вторжения в частную собственность. С этим местом что-то не так. Все ли они продумали? Ведь до того трупа на дереве всего несколько километров. Может, звучит нелепо, но им нужно убираться отсюда как можно дальше, пока не наступили сумерки.

Рассудок у всех помутился. Никому больше нельзя доверять. Так или иначе, этого уже не забыть и не простить.

Люк медленно направился к черному дому. На звук голосов. Остальные были внутри и говорили все одновременно. Кто-то смеялся. Фил. Люк выбросил сигарету в заросли сорняка и решил присоединиться к ним, заставил себя вернуться в братство.

Вдруг у него за спиной раздался шум. Оглушительный треск откуда-то из-за деревьев.

Люк обернулся и уставился на стену темного леса, из которого они только что вышли. Кроме серебристых, падавших с листвы капель дождя и хаотично покачивающегося меж толстых стволов папоротника, ничего не двигалось. Но жуткий треск ломающегося ствола по-прежнему звенел в ушах. Отзвук эха, похожий на глухой стук камня, отскакивающего от деревьев, казалось, удалялся все глубже в лес.

Что могло так сломать целое дерево? Он даже представил себе бледные сочные волокна и щепки, торчащие из-под коры толстой ветки, вырванной из почерневшего ствола.

Люк сглотнул и вдруг почувствовал себя слабее и ничтожнее, чем когда-либо. Он не мог сдвинуться с места. В ушах стучало. Он стоял неподвижно, парализованный страхом, словно ожидая, что из леса выскочит нечто и бросится на него. На мгновение Люк почувствовал жуткую ярость и силу лесного существа, его жажду разрушения. Почувствовал и чуть не уверовал в него.

В небе раздался раскат грома, прокатившийся над верхушками деревьев и исчезнувший в сырой пелене над домом. Шум дождя в деревьях напоминал уже не барабанную дробь, а настоящий камнепад.

– Эй, дружище! – крикнул Хатч. – Зайди сюда. Ты должен это видеть.

Люк очнулся и удивился сам себе. Это изнеможение доконало. Сыграло шутку с разумом. Темные деревья, среди которых они находились весь день и вечер, оставили в его душе мрачный осадок, отразившийся на мыслях и чувствах.

Он должен двигаться. Сосредоточиться на чем-то.

Люк направился к двери. Ступив на порог, он увидел выглядывающее из проема бледное лицо Хатча и снял кепку.

– Ты слышал это?

Хатч посмотрел на небо.

– Знаю, это гром гремит. Не найди мы это место, гроза добила бы наших толстяков. Мы бы их точно потеряли.

– Достал уже, Йоркшир! – крикнул из темноты хибары Дом.

Несмотря на беспокойство, Люк не смог сдержать нервный смехок. Его рот тоже растянулся в глупой ухмылке. Хатч повернулся и пошел обратно в дом, где по темным стенам уже скользили лучи фонариков.

– Нет, не гром. Деревья. В лесу. Разве ты не слышал?

Но Хатч уже не слушал его. Он вернулся к парочке в дом.

– Что там у тебя, Домжа?

– Куча всякого христианского дерьма, – услышал Люк голос Дома. Потом он бросил последний взгляд на лес и переступил порог.

Нельзя было сказать, как давно это место необитаемо. Или что за люди здесь жили.

Желтый свет фонариков с трудом проникал в глубь тесной лачуги. Первое, что заметил Люк, это черепа. А еще распятия.

К дощатым стенам большой комнаты первого этажа ржавыми гвоздями были прибиты пятнистые головки мелких птиц, белок и горностаев. Более крупные черепа рысей, оленей и лосей в основном свалились со стен и разбились о деревянный пол. Один или два таких все еще ухмылялись из-под низкого потолка, где удалось удержаться их пористым костям.

Среди черепов на стенах висела как минимум дюжина распятий. При ближайшем рассмотрении, хотя никто подолгу не задерживал на них взгляд, сделаны они были из перевязанных бечевкой пучков веток. Большинство покосилось, а некоторые даже висели в перевернутом положении. С потолочных балок, касавшихся макушек, свисали две пустые и ржавые масляные лампы, раздраженно поскрипывающие, стоило их задеть.

Под полом сновали мыши, недовольные тем, что их потревожили. Хотя в их поведении угадывалась какая-то чрезмерная смелость и уверенность.

Хатч вернулся из флигеля в главную комнату.

– Там всякие инструменты. Какая-то неприятная на вид коса... Похоже, этому месту лет сто. Он подошел к маленькой железной печке. Похлопал грязными руками по ее круглому «брюху». – Заржавела вся, но, похоже, сухая.

Фил проверил на прочность напоминавший козлы стол, надавив на него двумя руками. Тот заскрипел. Дом занял единственное сиденье – грубо сколоченный деревянный стул, стоявший во главе стола – и, морщась, пытался снять ботинки. – Хатч, взгляни-ка. Я не могу шнурки развязать. Боюсь посмотреть, что там. У меня колено, как бурдюк с гвоздями. Мне нужен волшебный спрей, который был у тебя утром. Потом сможешь развести огонь.

Сидя на корточках, Хатч скривился и посмотрел на Дома через плечо.

– Я на полном серьезе подумываю оставить тебя здесь утром.

Весь дом скрипел и покачивался, как деревянный корабль, застрявший во льдах.

– Эта хибара вообще надежная? – спросил Фил.

Хатч чертыхался над печкой. А потом, не поворачивая головы, ответил:

– Я бы не стал проверять ее на прочность.

Люк снова посветил фонариком на стены и потолок. Он был самым высоким и, пытаясь избежать удара о низкие балки, приложился головой об одну из железных ламп.

Фил, Дом и Хатч расхохотались.

– Ты в порядке, дружище? – запоздало спросил Хатч. – Нехороший был звук.

– В порядке. – Люк посветил фонариком на узкую лестницу, ведущую на второй этаж. – Там уже был кто-нибудь?

– С таким коленом, – проворчал Дом, – я с места не двинусь, пока Хатч не вызовет помощь, и в саду не приземлится вертолет шведских ВВС. Верно я говорю, ты, никчемный йоркширский засранец? А своей картой можешь растопить огонь, пользы больше будет.

Тут уже засмеялись все. Даже Люк не удержался. Хотел или нет, но он снова испытал к Дому симпатию. Он был слишком чувствительным. А этот форсированный марш по жуткому лесу доконал его. Ноги продолжали нести его вперед, словно он все еще карабкался по каменистым склонам и перелезал через валежник. Все просто устали.

– Не хочу показаться дураком, но...

– Это был бы подвиг, – пробормотал Дом, стягивая второй ботинок. – Хатч, где твой спрей?

Люк посмотрел на Дома. – Отвали. – Затем повернулся к Хатчу. – Но я определенно слышал что-то там. В лесу.

Дом скривился.

– Не начинай эту чушь. Тут и так все хреново, без твоего дерьма.

– Я не вру. Это было похоже на... не могу описать. Какой-то грохот.

Но никто его не слушал.

– Хочу себе новые ноги, – Фил встал в одних носках. – Пойду проверю спальни.

– Моя та, что с ванной, – сказал Хатч. Он ковырял дверцу печки перочинным ножом, купленным в Стокгольме в туристском магазине. Недешевая штука, как и все в этой стране. Люк тоже купил себе такой, потому что ему нравилась идея отправиться на природу с ножом. Дом отказался от покупки, сочтя нож слишком дорогим, и сказал, что если

потребуется, возьмет у Хатча. Фил потерял свой в самом начале похода: оставил его на месте первого лагеря.

Снаружи раздался раскат грома, словно железными пластинами ударили по камню. Следом полыхнула молния, похоже, где-то совсем рядом с домом. Она осветила пыльный деревянный пол у дверного проема. Фил задержался на первой ступени лестницы, потрогал пальцем одно из распятий и, словно обращаясь к самому себе, произнес:

– Думаете, они вас обезопасят? Как бы не так.

8

Фил буквально скатился с лестницы. Их внимание привлек даже не топот его ног а тяжелое дыхание.

Снизу на него уставились три пары выпученных глаз. Лучи трех фонариков осветили подножие лестницы.

Слетев по ступеням, Фил упал на колени. Пересев на задницу, он отполз от лестницы в сторону.

В голове Хатча возник образ висящего на дереве куска мяса.

Дом скинул ноги со стола.

– Какого черта?

Люк, который сидел у двери и смотрел на дождь, до сих пор не веря, что они собираются провести здесь ночь, вскочил на ноги. Он пригнулся, словно в ожидании удара. Открыл рот но не смог произнести ни слова.

Хатча от страха накрыла глупая зевота.

Фил попытался закричать, но из него вырвалось только какое-то скуление.

– Там что-то есть! – судорожно сглотнул он.

Хатч посмотрел на потолок и понизил голос до шепота.

– Ты шутишь.

– Идем, – сказал Дом.

Хатч поднял руку.

– Шшш.

Дом и Фил шарили у стола в поисках ботинок. Опустив голову, Дом спросил что-то шепотом у Фила. Тот быстро повернулся к нему.

– Я не знаю! Я видел это. В кровати.

Несмотря на абсурдность заявления никто не рассмеялся. Никто не мог даже сглотнуть. Сама идея существования в этом месте кровати должна была сбросить напряжение, но каким-то образом лишь усилила его.

Хатч поднял обе руки грязными ладонями наружу.

– Тихо! Остынь. Просто успокойся. Здесь никого не может быть. Посмотри на пыль. Когда мы входили, следов нигде не было. Это невозможно.

Пухлое бледное лицо Филя нервно подрагивало. Он с трудом выпалил.

– Оно там. Наверху.

– Что именно? – потребовал ответа Дом.

– Животное? – спросил Люк.

Хатч посмотрел на Люка.

– Иди погуляй.

Люк нахмурился.

– Нож, – сказал Хатч и поднял свой вверх.

Дом надел один ботинок, а другой, валявшийся на полу, пытался нащупать голый ногой.

– Ерунда какая-то. Полная ерунда.

Хатч вытянул вперед шею.

– Послушай, это не может быть животное.

Дом натянул второй ботинок и поморщился.

– На хрен. Я пас.

– Дом, прекрати! Слушайте. – Хатч медленно подошел к подножию лестницы.

Люк отошел от двери, чтобы выпустить Филя и Дома.

– Осторожнее, Хатч. Вдруг там медведь.

Хатч покачал головой.

– Он бы уже спустился к нам.

Хатч посмотрел на Филя и Дома, стоявших на крыльце и вглядывавшихся в глубь дома. Порыв влажного воздуха и запах сырой древесины в помещении усилился, словно выгоняя непрошенных гостей.

– Фил, там наверху дыра или что?

– А?

– Дыра? В крыше? Разбитое окно? Это было какое-то животное?

Фил сглотнул.

– Оно сидело там. И смотрело на меня.

– Что именно? – спросил Дом.

– Не знаю. Я видел в свете фонарика чьи-то глаза. И что-то черное. Что-то большое. Но оно не двигалось. Просто сидело и смотрело на меня.

Дом откинул голову назад.

– Господи Иисусе. Не могу поверить!

Хатч бросил на него сердитый взгляд.

– Дом, остынь. Если бы там было что-то живое, мы бы давно его засекли. Вы же слышали мышей под полом, а они совсем маленькие.

Хатч посмотрел на Люка, пытаясь внушить свою мысль. Но по красноречивому выражению его лица понял, что убедить в отсутствии жизни в доме никого не удалось. Дождь барабанил по стенам так громко, что заглушал даже звук шагов.

Хатч посмотрел на потолок.

– Мы не можем вернуться в лес. Через час температура упадет, а мы все промокли. Мы замерзнем.

Какое-то время никто не разговаривал, все только переглядывались.

Внезапно Люк ухмыльнулся.

– Тогда ты первый.

9

Было невозможно подниматься по лестнице бесшумно, как бы им того ни хотелось. Доски шатались под ногами. Скрипели и даже гудели при каждом осторожном и неохотном шаге. Хатч шел первым, держа в одной руке фонарик, а в другой нож. Люк двигался за ним по пятам, но так, чтобы можно было развернуться и броситься по лестнице вниз, если Хатч хотя бы вздрогнет. Крошечная рукоятка ножа колола пальцы. Люк ослабил хватку.

– Видишь что-нибудь? – прошептал он, всматриваясь в узкий туннель из черного дерева, сквозь который они неуклюже протискивались. Здесь пахло, как в загаженных кошками и заваленных мусором старых сараях, которые он исследовал в детстве.

– Не-а, – сказал Хатч напряженным голосом, будто затаив дыхание.

У Люка сердце готово было выпрыгнуть из груди при виде того, что выхватывал из тьмы свет его фонарика. Старое почерневшее

дерево покрывали длиннобородые лики, которые на самом деле были лишь узорами из белесых древесных волокон. Такое должно находиться под музейным стеклом, а не в окружающей их тьме. Внезапно Люк проникся уважением к Филу, отправившемуся наверх на свой страх и риск.

Мысль о людях, некогда живших здесь, в сыром лесу, без электричества, вызывала у Люка невероятную тоску, буквально вытягивающую всю душу. Эти люди были просты, стары и находили утешение в вере. Если один из них умирал, другой жил один в таком отчаянии, представить которое даже на мгновение было равносильно смерти.

Люк попытался стряхнуть с себя это жуткое чувство. Страх давил на него. Нет, это место не для людей. Он чувствовал это инстинктивно. Прибивать черепа на стены было равносильно безумию. Даже холодный черный воздух, казалось, окутывал и пропитывал их каким-то особым смыслом. Думать об этом было глупо и нерационально, но воображение подсказывало, что дом населен чем-то незримым. Здесь они чувствовали себя маленькими, хрупкими и незащищенными. Здесь им не были рады.

Хатч заглянул за лестничный изгиб. Люк увидел в свете фонарика его профиль. Никогда раньше он не замечал у Хатча такого выражения лица. Он выглядел бледным и изможденным, словно получил дурные известия. Широко раскрытые печальные глаза блестели от слез.

– О'кей, – прошептал Хатч. – Тут еще несколько ступеней, а потом идет комната. Похоже на чердак. Вижу нижнюю часть крыши. Здесь довольно сыро.

– Помедленнее, Хатч. Помедленнее, – прошептал в ответ Люк. Когда последние ступени застонали под ботинками Хатча, он на мгновение засомневался, сможет ли их преодолеть. Но, задержав дыхание, заставил себя пойти следом.

Хатч, опережавший его на три шага, вдруг остановился. Опустив плечи и вытянув вперед голову, Хатч уставился на что-то перед собой. Люку, стоявшему на двух последних ступенях, было не видно, на что именно. Хатч сглотнул. Потом Люк тоже это увидел. Он смотрел на то, что свело Фила с ума.

– Что? – прошептал он. – Хатч, что?

Хатч покачал головой. Он сморщил лицо, словно был готов расплакаться. Снова покачал головой и вздохнул.

Люк не хотел смотреть, но, тем не менее, почувствовал, что ноги сами несут его наверх.

– Все в порядке? Все в порядке? Все в порядке? – прошептал он, лишь потом осознав, что трижды спросил одно и то же.

Еще одного вида крови он сегодня не вынес бы.

– Что-то здесь не то, – сказал Хатч каким-то детским голосом. Люк уставился на профиль Хатча. Преодолев последнюю ступеньку, он встал рядом с другом и развернулся всем телом к комнате. И увидел то, на что были направлены их фонарики.

10

Оно то выступало из тени, то снова исчезало в ней.

В дальнем конце чердака, между двумя сводами покатой крыши, прямо и совершенно неподвижно сидел силуэт. Тесное пространство вокруг него было заполнено тьмой, но слабого света фонариков хватало, чтобы различить пыль и серебристую паутину на старой черной шкуре. Его отблеск отражался в клочках волос, отсыревших от капавшей с кровельных балок дождевой воды.

Один луч упал на то место, из которого выступала фигура. В мутном песочно-желтом свете проявилась небольшая деревянная коробочка размером с детскую колыбель. Она походила на сколоченный из дерева гроб, то ли потемневший от времени, то ли выкрашенный в черный цвет.

Другой фонарик, тот, что был у Люка, высветил рога, росшие над двумя темнеющими пустыми глазницами. Кость была коричневатого цвета, длинная и толстая.

Из туловища торчали две тонкие задние ноги, согнутые в коленях и заканчивающиеся копытами. Казалось, что рогатая тварь уперлась копытами в стенки гроба перед тем, как выбраться наружу.

Черные губы растянулись в злобной гримасе, обнажив длинные желтые зубы. Вся область ниже ноздрей казалась странным образом влажной. Грудь была покрыта маленькими розовыми и окруженными мехом сосками. Это было самая отталкивающая деталь, хуже, чем пасть цвета слоновой кости, которая, как казалось Люку, вот-вот раскроется и захлопнется, щелкнув зубами.

Тонкие черные передние конечности или руки были подняты на уровне плеч и согнуты в локтях. Почерневшие ладони вывернуты и обращены к потолку, будто существо возносило молитвы, прежде чем встать, или держало раньше в руках предметы, ныне отсутствующие.

Люк не мог вымолвить ни слова. Не знал, как реагировать и что думать. Он просто стоял и молчал в пугающей близости от существа, заполнявшего тесное пространство чердака.

Хатч заговорил лишь после того, как луч его фонарика выхватил из тьмы какие-то бледные предметы, лежащие на полу.

– Кости.

Люк опустил глаза и увидел повсюду крошечные кости. Они валялись вокруг деревянного гроба, словно брошенные на пол после того, как с них было обглодано все мясо. Похоже, это были кролики и крупные птицы со сломанными крыльями и тонкими, как бумага, черепами. Некоторые из них были все еще покрыты серым безволосым пергаментом кожи.

– Вон там. – Хатч осветил фонарем царапины на своде крыши. В дереве были глубоко вырезаны похожие на детские каракули символы и круги. Такие же, как на рунических камнях, которые они видели в Гаммельстаде. Надписи были нанесены беспорядочно, а на некоторых балках – на разной высоте, длинными рядами, подобно китайским письменам.

– Что... – Люк не смог закончить предложение. Любые вопросы сейчас казались нелепыми. Откуда им знать, что они значат и почему они здесь?

Хатч двинулся вперед. Люк вздрагивал от каждого его шага, будто в любую секунду могло произойти нечто страшное. Под ногами Хатча хрустели кости. Подняв фонарик чуть выше, Хатч навел его на торс и морду торчавшей из коробки твари. – Если оно пошевелится, у меня сердце не выдержит.

– Козел?

– Похоже.

– Боже.

– Как раз наоборот.

– Не понимаю.

– А кто понимает? Здесь был какой-то храм. Для жертвоприношений. А это, похоже, Козел Мендеса.

– Чего-чего?

– Это чучело. Тут, сзади, – Хатч наклонился вперед, и Люк затаил дыхание, – уже мышцы поработали.

Люк покачал головой.

– Что мы делаем?

– Безумие какое-то, – сказал Хатч сам себе. – Только представь, какими чокнутыми были эти ублюдки.

Люк не понимал, что Хатч имеет в виду.

– Эти маленькие руки – человеческие. Мумифицированные. Они пришиты. – Хатч повернулся к Люку. В свете фонарика Люка глаза Хатча светились. – Сумасшедшие извращенцы. Кресты на стенах внизу и гребаный козел на чердаке. Пришитые руки какого-то мертвеца. Нагромождение аллюзий. Это безумие. Шведское безумие. А все из-за темноты и длинных ночей. Они любого сведут с ума.

Люк повернулся.

– Пошли вниз.

– Фил был прав. Это кровать.

– Не пудри мозги.

Хатч покачал головой.

– Я видел такие в музее жилищного строительства в Скансене. В свой первый приезд. А еще в Норвегии. Раньше эти маленькие деревянные кровати встраивали в комнаты, потом заполняли сеном. Днем накрывали крышкой и превращали в скамейку. Люди в то время, похоже, были маленького роста.

– Кто хотел бы полежать в такой?

– Этот парень, – ухмыльнулся Хатч и посветил фонариком прямо в злобную морду козла.

– Хатч! – позвал Дом снизу. – Хатч!

Хатч кивнул в сторону лестницы.

– Давай. Двигаем отсюда.

Люк боролся с искушением преодолеть всю лестницу в два прыжка.

Позади него вспышка фотоаппарата Хатча осветила чердак.

11

– Не выдумывай, – сказал Дом. После употребления львиной доли «Джека Дэниелса» язык у него заплетался. Они хлебали из пластиковых кружек, съев половину оставшейся еды: последние четыре банки колбасы с фасолью, а до этого первое блюдо – порошок куриный суп с лапшой. Трапезу каждый закончил двумя глазированными батончиками из овсяных хлопьев. Но этого было недостаточно. Проглотив суп, набив животы горячей фасолью и даже вылизав дочиста миски, чего раньше никто не делал, они остались голодными. Это был самый трудный день, хотя пройдено было меньшее расстояние, чем накануне.

Голые ступни Филадельфии блестели от антисептика. Дом подставил под ногу с распухшим коленом рюкзак Хатча. Боль медленно пульсировала в уставших мышцах, легкие горели от одышки. Стоило развернуть спальные мешки, как усталость камнем навалилась на них. Никогда еще Люк не чувствовал себя таким измученным. Он не знал, что тело может быть таким вялым и тяжелым. Еще одного подобного дня он бы просто не вынес. У Филадельфии и Дома был такой вид, будто этот день их последний.

Еды оставалось еще на день. Немного чайного цвета виски плескалось в маленькой бутылке, которую Дом тащил с собой с самого Елливаре. Предполагалось, что они откроют ее на берегу какого-нибудь удивительного голубого озера, у костра, под розовеющим сумеречным небом. Таков был план.

Люк наблюдал, как Хатч заталкивает последнюю ножку стула в дверцу железной печки, вокруг которой они сгрудились. Он пошевелил в очаге старым деревянным брусом, подняв сноп искр. Все закашляли от вырвавшегося из печи едкого дыма. Труба была почти полностью

закрыта. Тлеющие в маленькой печке останки сиденья, давшего основные угли, смогли прогреть лишь часть земляного пола. А потом на смену сквозняку из-под двери и из щелей в полу пришел ночной холод, пахнувший сырой землей и гнилым деревом.

Фил и Дом пустили стул на дрова, несмотря на возражения Люка. У нас что, проблем мало? И он не мог смотреть, как Хатч отправляет в печь четыре распятия. Пока Хатч ломал их на куски, Люк молча надеялся, что ему удастся избежать возможных будущих проблем, вызванных этим актом осквернения.

Хатч смерил Дома неодобрительным взглядом, потом откинулся назад, упершись в колени друга.

– Полегче с выпивкой, Домжа. Тут вообще-то на четверых. Это твой последний глоток. Я почти не пробовал.

Фил задумчиво улыбнулся.

– Нужно оставить последний глоток, чтобы отпраздновать наш выход из леса.

– А я бы не оставлял. Такую хрень можно пить, только если ты промок и замерз. – Казалось, Хатч чего-то недоговаривает. Будто его предчувствия могут оправдаться уже на следующий день.

Все сидели, навалившись на свернутые спальные мешки, брошенные поверх пенопластовых ковриков, расстеленных на грязном полу лачуги, и жадно поглощали горячий воздух, исходящий из крошечной дверцы печи. Наслаждались им даже с риском опалить лица и тяжелеющие веки. Это был первый источник тепла за последние два дня.

Над печкой, на оттяжке палатки, натянутой с помощью четырех гвоздей, некогда удерживавших на стене черепа животных, дымилась в темноте их промокшая одежда: четыре потрепанных толстовки и четыре пары грязных брюк. Водонепроницаемые куртки висели на дальней стене, за их спинами. Вещи из промокших рюкзаков были развешаны по всей комнате на остальных гвоздях, с которых Дом снял все черепа и распятия – еще одна деталь, вызвавшая у Люка непонятное чувство тревоги.

Он почувствовал, как тепло от виски поднялось из живота и ударило в голову. Он был измотан и благодарен за этот буфер временного забвения, или, по крайней мере, его иллюзию.

В успокаивающе мерцающем свете огня, за пределами которого тонули во тьме почерневшие от времени бревенчатые стены, Люк увидел, насколько постарели лица друзей. Его собственное, наверное, выглядело не лучше.

Ключья щетины Дома отливали серебром. У него начала появляться седина. Даже челка была черно-белой. Вокруг глаз появились темные круги, отчего те выглядели постаревшими. У него было трое детей на попечении, плюс крупный ипотечный кредит. О своих нынешних делах он не рассказывал ничего определенного. На расспросы Люка во время их лондонской встречи ответил лишь: «Все отлично. Лучше не бывает». Отсутствие конкретики было, похоже, ключом к разгадке. За исключением пары слов о школе, которыми они с Филом обменялись в первый день их пребывания в Стокгольме, Дом ни разу не упомянул о своей жене. Гейл была костлявой, несчастного вида женщиной, с которой Люк впервые познакомился на свадьбе Хатча.

Что-то случилось. И Люк чувствовал это. Сперва Дом напился в дупель на свадьбе у Хатча, затем ночью перед их отъездом в Швецию, потом – в Стокгольме и, наконец, в Елливаре перед походом. При каждом удобном случае он буквально принуждал других к попойке. На это у Люка и в Лондоне не было средств, уже не говоря о Стокгольме. Он едва наскреб на поход и подозревал, что Хатч предложил кемпинг, чтобы ему не оказаться в пролете. Но несмотря на бахвальство и напористость, Дом был крайне чувствителен. Люк не ошибся. Он помнил со студенчества, как быстро тот ломался после любовных неудач. Они жили все вместе в третьем номере Хэзелуилл Террэйс, в Бирмингеме. Для него это были лучшие годы жизни. Как и для всех, наверное.

До этого похода он не мог припомнить, когда у Фила было такое лицо: не розовое и блестящее, будто его натерли щеткой. Щеки отвисли, а обычно румяное лицо почернело от копоти. Над бровью выгнулась дугой воспаленная царапина. Иногда Фил поднимал руку и трогал ее пальцем с ухоженным ногтем. Его блондинистая шевелюра тоже утратила мальчишеское величие. Она была по-прежнему густой, но, взмокшая от пота и дождя, прилипла к черепу. Вокруг рта и глаз Люк заметил темные морщины, похожие на надрезы, сделанные на свежей выпечке.

Во время их встречи в Лондоне Фил почти весь вечер пытался «разогреться». Он появился с кислой миной, его голос был низким и глубоким. Он почти ничего не говорил, пока к десяти вечера все не напилось. А еще его живот. Большой и выпячивающийся вперед, он вызвал у Люка легкий шок во время их первой за двенадцать месяцев встречи на свадьбе у Хатча. Пока они все зависали в Лондоне перед походом, он так и не смог привыкнуть к этому пузу. Белое и волосатое, оно проглядывало между пуговиц его растянутой голубой рубашки. А луковицеобразная задница больше напоминала женскую. Хотя все собирались перед походом отправиться в спортзал, Фил с Домом не предприняли ни малейших усилий.

Фил действительно пошел вразнос. От некогда самого модного среди них щеголя не осталось и следа. Его джинсы были натянуты так высоко, что виднелись носки. Внешний вид его больше не волновал. Но почему? Что-то тяготило Фила. Он разбогател, работая застройщиком в Западном Лондоне. Выиграл в карьерную лотерею. Так почему же был такой кислый? Причина в его жене, Мишель. Люк был в этом уверен. Мишель чокнутая, это все знали.

Когда Фил познакомился с ней на последнем курсе университета, она была та еще штучка. Потрясно выглядевшая, но капризная. Страдающая расстройством питания, маниакально злющая и очень ревнивая. Люк запомнил ее высокой неприятной тварью с длинными и костлявыми ногами и руками. О чем Фил думал? Тем не менее, он пошел дальше и после университета женился на ней. Теперь у них было две дочери и большой дом в Уимблдоне. Плата за учебу в частной школе, две машины, квартира на Кипре, практически второй кредит на муниципальный налог и взаимная, со слов Хатча, ненависть.

Люк никогда не был у них дома. Ни разу не навестил, пока жил в Лондоне. Он не пришелся по вкусу Мишель. Ей не нравилось, что он из себя представляет, так, по крайней мере, ему казалось. Одинокий и все еще живущий как студент, человек без четких целей и принципов. Таким она его воспринимала. Мечтатель и неудачник. Жена Фила презирала его. Возможно, даже побаивалась, видя в нем источник искушения для мужа. Отчасти ее неодобрение передалось и Филу. Он жестче и пренебрежительнее других относился к его образу жизни и пестрому послужному списку. Фил всегда считал своим долгом унижить его, когда дело касалось денег. Он слишком много слушал

свою жену. Однако это была лицемерная позиция. Так, он при встрече ни разу не «проставлялся» и не расплачивался за такси. А с момента их прибытия в Швецию уже три раза успел раскрутить на выпивку. Двое других, казалось, ничего не замечали, либо их это не волновало. А Люка происходящее задевало. При всех своих деньгах Фил не покупал приятелям выпивку и, казалось, при любой возможности высмеивал трудное финансовое положение Люка.

А может, Фил знал, что Люк переспал с Мишель за год до их с Филом знакомства? Точно! Это ведь он представил их друг другу. Да, Люк был близок с девушкой, которая стала женой Фила. Он решил с ней расстаться на следующее утро после Пасхального бала. Шестнадцать лет прошло, но он помнил, как она кошкой шипела под ним, закатив глаза. И как кончила, доведя их обоих до бесчувствия. К своему стыду, тогда он не только изо всех сил пытался найти, что ему в ней нравится, но и осознавал, что испытывает к ней неприязнь.

Только Хатч, казалось, по-прежнему поддерживал себя в отличной форме, хотя был самым старшим. Он занимался альпинизмом, нырял с аквалангом в Северном море, а у себя дома объездил всю местность на горном велосипеде. Он был мастером спорта международного класса по маунтинбайку и владел велосипедным магазином под Хелмсли. А в прошлом году участвовал в Парижском марафоне.

Несмотря на то что Хатч нашел для друзей убежище, развел огонь и пообещал вывести из этого богом забытого места к полудню следующего дня, Люку он казался чем-то обеспокоенным. Хатч не прекращал свой добродушный стеб с того момента, как они вернулись из верхней комнаты. Старался, чтобы его юмор и энтузиазм передались нервничавшим друзьям. Но если Люк не ошибался, Хатч был чем-то встревожен. Если не напуган. И это беспокоило Люка больше, чем собственные подозрения насчет дома и леса.

Фил ерзал в своем спальном мешке.

– Я так устал, что голова не держится. Не представляю, как смогу тут спать. У меня уже вся задница в синяках.

– Если хочешь, наверху есть кровать, – предложил Хатч, сделав глоток из кружки.

На что все одобрительно хрюкнули, оценив его нездоровое чувство юмора.

Дом паялился на огонь.

– Думаете, нам кто-нибудь поверит? Насчет этого?

– Я все сфотографировал, – сказал Хатч. – Есть сигаретка, Люк?

– Все, кроме той штуки на дереве, – сказал Дом с таким серьезным выражением лица, что Люк начал смеяться, вытянув руку с зажатой между пальцами сигаретой. Филадельфия это тоже завело, он поперхнулся от хохота.

Хатч улыбнулся и взял у Люка сигарету.

– Если хотите, можем вернуться утром. – Он подмигнул. – Уверен, твоим детишкам понравится ее рассматривать под разными углами.

– Можешь ее в рамку поставить, – сказал Фил. Его лицо растянулось в улыбке, а глаза заблестели в красном свете пламени.

– Думаете, та штука связана с этим местом? – Люк посмотрел на пол, адресуя вопрос всем.

– Я бы не стал их связывать, – сказал Фил. – Особенно если мы собираемся провести здесь ночь.

Все засмеялись, и Люк вдруг почувствовал, как его тело заполняет теплота симпатии к друзьям. Вероятно, даже любви. Он недовольно поморщился, вспомнив свой обет никогда больше не видеть Филадельфию, и вспышку злости на Дома. Дело в ситуации. Это она сделала их беспричинно эмоциональными.

– Что думаешь? – спросил Дом.

Люк посмотрел на него снизу вверх. Сощурился, ожидая встретить сарказм.

Дом улыбнулся.

– Без балды. Правда, что думаешь?

Люк пожал плечами и поднял брови.

– Не знаю. То есть я не могу придумать разумного объяснения, кто мог так выпотрошить животное, другого слова не придумаешь...

Лица друзей помрачнели, поэтому он изменил тон, голос стал легче и доверительнее.

– А еще на дерево подвесил. Так высоко. Я ничего не знаю ни об этих местах, ни о дикой природе Швеции, кроме того, что читал в Интернете и в путеводителе. Это Хатч эксперт.

Хатч вздохнул.

– Ну, я бы так не сказал.

Дом взъерошил Хатчу волосы.

– Я бы тоже, йоркширский засранец.

– Но, – сказал Люк. – Вы разве не чувствуете...

– Что? – спросил Дом.

– Что здесь что-то не так.

Фил хохотнул.

– Не бзди, Шерлок.

– Представьте, что вы не заблудились, а просто гуляли днем по этому лесу.

Дом рыгнул.

– Хорошая, но жестокая мысль в данный момент времени.

– Разве не почувствовали, что здесь что-то не так? Что здесь тревожно? – Люк заметил, как пристально Хатч смотрит на него, но не мог понять, что выражает его лицо. – Сама атмосфера. Деревья. Тьма. Это не похоже ни на один лес, в которых я бывал. А я бывал в лесах. В кемпинге с Хатчем в Уэльсе, Шотландии и Норвегии. И нигде у меня не возникали подобные ощущения. Лес, который мы увидели в первый день нашего пребывания здесь, тоже не был таким. Таким... жутким. И темным.

Остальные молча смотрели на него.

– Вероятно, мы все запрограммированы на первобытном уровне, со времен рептилий, бояться лесов. Но здесь что-то другое. С того момента, как мы вошли в этот лес, я почувствовал, что страх беспричинный. – Люк сделал длинную последнюю затяжку и бросил окурок в крошечную дверцу печки.

– К черту, – сказал Хатч.

– К черту, – пробормотал Дом.

– К черту, – зевнул Фил.

Люк откинулся назад, подложил руки под затылок, и голову тут же обдало холодным воздухом, гулявшим за пределами исходившего от печки тепла. Он посмотрел на потолок. – А теперь еще этот дом. Здесь жили какие-то сумасшедшие. Нормальные люди сюда не пойдут.

– А никто и не ходил, – с закрытыми глазами пробормотал Дом. – Поэтому и тропинок нет, да, йоркшир?

Хатч вздохнул и потер свое грязное лицо.

– Должен сказать, что и я никогда не видел подобного. Просто этот лес вдруг изменился. Вначале он не казался густым, а потом будто поглотил нас и не хочет выпускать. – Он зевнул. – И я совсем не хочу здесь задерживаться.

– Очень интересно. Спасибо, что поделились. – Дом спихнул с себя ноги Хатча и вытянулся, готовясь ко сну.

– Взорванная пустошь, – сказал Люк, улыбаясь. – Проклятый лес. Фил поднялся на ноги.

– Мне нужно отлить. – Спотыкаясь и громко топая, он исчез во флигеле, где хранились ржавые инструменты.

– Нет. Пожалуйста, – сказал Люк, еле сдерживая страх.

– Филлерс, ты засранец! – крикнул Хатч, хихикнув.

– Срать на улице! – добавил Дом.

– Да не сру я, – пробубнил Фил откуда-то из темноты. – Еще.

Хатч с Домом разразились хохотом.

Люк покачал головой, еле сдерживая улыбку.

– Не могу поверить, что это мои друзья. Жжете мебель и распятия, мочитесь прямо в помещении. Совершенно неприемлемое поведение для отцов и мужей.

Дом сел, чтобы расстегнуть свой спальный мешок.

– Скажи, где ты сделал это. Мне тоже надо отлить. Надо ссать в одном месте.

Когда толстяки улеглись в свои спальные мешки, Дом уже через несколько минут захрапел. Фил лежал неподвижно. Было слышно лишь его хриплое дыхание. Люк не спал. Он лежал в своем спальном мешке, приподнявшись на локте. Хатч завернулся в кокон из красного нейлона и широко раскрытыми глазами смотрел на огонь, в который натолкал столько сухого дерева, сколько смог отодрать от стен, перед тем как все легли спать.

– Хатч?

– Ммм?

– Прости, что громко разговариваю, но каков наш план?

Хатч повернул к нему голову и усмехнулся.

– Понятия не имею.

Люк тихо рассмеялся.

– В этом походе есть свои плюсы. Теперь мы годами сможем рассказывать о нем в гостях. Это место за гранью добра и зла.

– Вот уж точно. Если дождь закончится и выглянет солнце, может, будет не так страшно.

Люк кивнул.

– Может, и не будет.

Хатч зевнул сквозь улыбку.

– Вот и я так думаю.

Затолкав в рюкзак последний комплект неношенной и сухой одежды, Люк сунул его под голову. Попробовал подползти к печке, не потревожив Фила, но в итоге принял позу эмбриона.

– Когда мы были на чердаке, у меня родилась бредовая мысль. – Люк знал, что эта мысль не придется по вкусу тем, кто еще не спит, но не мог удержаться и не озвучить ее. – Что если тварь наверху была прообразом твари, закинувшей труп на дерево?

– Я все слышу, – сказал Фил сквозь сон.

Хатч хихикнул.

– Конечно, это ужасно. Но мы все знаем, – он подмигнул Люку, – что подобных вещей не бывает. К сожалению, альпинисты тоже видят в горах всякое, когда страдают от недостатка кислорода. А еще заблудившиеся в море моряки. Истощенные солдаты. Здесь то же самое. Когда мы оторваны от привычных вещей, воображение играет с нами злые шутки. Изоляция. Долгая зимняя тьма. Вот в чем причина. – Он посмотрел на потолок. – Кто-то здесь определенно съехал с катушек.

– Я, наверно, тоже съехал бы. Это место разрушило мою давнюю мечту жить одному, в лесной хижине. Но та штука на дереве...

Хатч зевнул с полузакрытыми глазами.

– Это какое-то животное. Я не эксперт по диким зверям, но нечто подобное делают медведи. Что-то вроде заначки. Я лучше буду спать. Предлагаю травить байки завтра, когда окажемся в туристском домике на берегу реки.

Люк кивнул.

– Точно. Спокойной ночи.

12

Прутья, пронзающие щеки и пытающиеся добраться до глаз. Прутья, протыкающие горло. Ощетинившиеся фаланги, торчащие из ветвей и пробивающиеся из-под земли. Прутья повсюду.

Ты бросаешься всем весом вперед, во тьму. Опустив голову, чтобы защитить лицо. Выставив перед собой руки, пытаешься схватить пучки острых прутьев и отбросить их в стороны. Но они, как шипы, проникают под рукава и воротник, в носки. Заставляют тебя буксовать,

но ноги не находят опоры. Потому что ты не чувствуешь под собой землю, темную глину, из которой растут прутья. Твои ноги погружаются в хрустящий папоротник, острые колючие шипы и ломкий валежник. Ты по колено проваливаешься в маленькие расщелины, из которых не можешь вытащить усталые ноги.

И висишь там. Глотаешь ртом воздух, как утопающий. Голова кружится от истощения. Обессиленный, словно умирающий, ты висишь в переплетении ветвей и прутьев. И ждешь. Ждешь его.

С легкостью преодолевая непролазные заросли, оно пробирается через крошечную тьму, начинающуюся в футе от твоих глаз. Холодный пот, стекающий по спине, вызывает у тебя дрожь.

Быстро? Все кончится быстро?

Ты еще не видел его, но тьма уже рисует тебе образы, составляя их из фрагментов существа, которого ты видел в другом месте и в другое время. Возможно, тебя пронзят его рога. Колющий удар в плотное мясо туловища и яростная встряска. Потом тобой займутся зубы. Острые желтые зубы. Старые, цвета слоновой кости, они щелкнут со звуком ломающейся ветки. Длинные зубы, готовые рвать; влажно поблескивающие, торчащие из черных собачьих десен.

Поэтому держи глаза закрытыми. Ты не захочешь видеть эту пасть так близко. Перед укусом, прежде чем рога погрузятся в мягкие ткани твоего тела, его пятнистые губы растянутся в радостном возбуждении. Просто знай это.

Ты слышишь, как оно идет. Бычий рев сменяется громким сопением, исходящим из влажных ноздрей. Ты слышишь собачий рык. Представляешь себе раскрывающиеся челюсти, и на смену рыку приходит дьявольский лай, кружащий вокруг тебя часами. Этому одинокому охотнику, сводимому с ума солеными, висящими в холодном воздухе минералами твоего страха, не терпится окунуть свою черную морду в твою кровь. Ты чувствуешь, как напряжено перед последним броском его тело.

И ты кричишь. В окружающую тьму. Кричишь, пока горло не начинает саднить. Но кричать бесполезно, потому что никто тебя не услышит.

Воздух вокруг замирает или даже исчезает в вакууме ожидания. С закрытыми глазами ты представляешь, как наливаются силой его мышцы. Становятся крепкими, словно корабельные канаты. Длинная

шея вытягивается вперед, сквозь тьму, сквозь твой разум. Появляются два пятнистых костяных копыта. Черные рога, запятнанные кровью предыдущей жертвы.

Поток зловонного горячего воздуха, по-звериному пахнущего испорченным мясом, накатывает сзади. Он исходит от фигуры, высокой и могучей, чье пугающее незримое присутствие заставляет трепетать каждый нерв твоего тела. Ты начинаешь биться в прутьях, как в силках. Они похожи на вертела, на деревянные стрелы. Твердые, как кость. Прутья повсюду.

Ты просыпаешься в темноте и скулишь. Дрожишь, словно только что вылезший из холодной воды. Твои легкие закачивают в себя воздух, десятилетиями скапливавшийся в старых подвалах. Запах заплесневелой древесины и барханов пыли, покрывающей лишенные света места.

Где ты? Или это просто ветер касается твоего лица?

Ты весь в синяках. Спина и плечи болят от жесткого деревянного пола, на котором ты лежал, уставившись в темноту. Ты шевелишь руками, и раздается шорох. Это спальный мешок. Спальный мешок, который сполз с пенопластового коврика на грязные деревянные доски и сбился у тебя в ногах. Задышавшись, ты садишься. Твои ладони касаются шершавого дерева под тобой.

Люк. Меня зовут Люк. Я лежу на полу дома. Того, что мы нашли в черном лесу.

Его дыхание замедляется. Он уже не задыхается. Прутья исчезли. И его никто не преследует. Это лишь сон, и ничего больше. Но все тело болит, словно исцарапанное кустами ежевики, шипами и древесной корой, такой же колючей, как обросшие ракушками корпуса старых лодок. Может, это со вчерашнего дня? После долгого, безумного и изнурительного похода по сырому бескрайнему лесу.

Он оглядывает комнату, видит красноватое свечение, исходящее из печи, и вспоминает, что Хатч растопил ее накануне вечером. Трудно сказать, сколько сейчас времени, потому что ставни и дверь наглухо закрыты и свет не проникает на лестницу с безоконного чердака. Где его часы?

И где остальные?

Около себя в тусклом красноватом свете он видит лишь пустые спальные мешки, валяющиеся рядом с рюкзаками и высыпавшимся из

них мусором.

Он сидит неподвижно, боясь шевельнуться, и слушает. Напрягая слух, пытается расслышать что-нибудь в темноте.

И тут раздается звук. Слабый, но все же отличимый от стука дождя по стенам и случайных скрипов, исходящих от покосившегося дома. Всхлипы. Кто-то плачет. Наверху. Люк смотрит на темный потолок и сглатывает подступивший к горлу комок страха.

13

Ты рыдаешь, стоя на коленях. Всхлипы сотрясают твою грудь, а глаза уже все выплаканы. Пересохшее горло содрано в кровь, голос кажется чужим. Ты плачешь, потому что это конец. Твоя жизнь заканчивается в темном, смердящем, бессмысленном месте. Здесь нет справедливости, и бежать некуда. Но твои страдания совершенно его не трогают. Оно величественно сидит на убогом деревянном троне, с длинными рогами, которые носит будто корону, и смотрит без малейшего сострадания. Твое унижительное положение лишь придает ему сил. Его лапы воздеты к потолку в омерзительном триумфе.

Твое нижнее белье промокло насквозь. Ноги липкие от влаги.

Кто-то зовет тебя. Откуда-то сзади.

– Хатч, Хатч, дружище! Что это? Где остальные?

Голос звучит знакомо, но Хатч не отвечает, потому что слишком поздно, и он должен ждать здесь своего конца. Уже скоро.

Чья-то дрожащая рука на плече.

– Проснись, Хатч, проснись. Это сон. Дружище, это сон. Ты не знаешь, где находишься. Проснись сейчас же! Все позади. Давай, дружище.

Хатч поднимает голову, стараясь не смотреть на стоящую перед ним жуткую черную фигуру. Открывает глаза на звук голоса, ощущая, как высохшая соль трескается на пыльных щеках.

Люк!

При виде знакомого лица он морщится и пытается заплакать, но слез не осталось. Во рту горячо и солоно от рыданий. Но почему? Почему он здесь, в одних мокрых шортах, дрожит и рыдает в темноте? Он собирается умереть. Страх преследовал его давно. Хатч закрывает глаза и пробует воссоздать сон из своих мыслей.

Осознание собственного безрассудства пронзает его, согревая щеки и тело.

– Какого черта? – Он поворачивается, чтобы посмотреть на то, что напугало его. Во мраке, еле освещенном полосками света, проникающими сквозь трещины в потолке, он видит силуэт. Длинные конечности и рога. Застывшее в ожидании тело.

Но оно не живое. Нет, это не животное. Всего лишь чучело, объединенное мышами. Пережиток безумия, забытый на ветхом чердаке брошенного дома. Хатч поднимает на Люка глаза и качает головой.

Люк смотрит на него. В его глазах смущение и страх.

– Нам надо убираться отсюда. Немедленно.

Хатч кивает и пытается опереться на друга. Тот берет его под руку и помогает встать на ноги.

– Остальные, – говорит Люк. – Мы должны найти остальных.

14

Дома они нашли на улице, стоящим на коленях в высокой сырой траве. На нем были лишь трусы и футболка. Остекленевшими глазами он смотрел на деревья. Все его тело дрожало от утренней прохлады.

Никто не решался к нему прикоснуться. Хатч и Люк никогда не видели его таким. Потемневшие губы на вымазанном грязью лице, бледном то ли от холода, то ли от увиденного или приснившегося, как и им. Вокруг глаз странные красные круги, небритые щеки в разводах от слез. Он не обращал на них никакого внимания. Просто стоял неподвижно и что-то бормотал себе под нос. Хатч с Люком дрожали рядом, еще не оправившись от собственного потрясения, и жались друг к другу.

Взъерошенные, с дикими глазами, они проследили за взглядом Дома, пытаясь понять, что он увидел среди темных деревьев. Но там не было ничего, кроме черного леса, сырой зелени и пробивавшихся из зарослей беловатых проблесков бересты.

Хатч заговорил первым:

– Домжа, Домжа.

Тот, похоже, слышал Хатча, потому что, не поворачивая головы, сказал:

– Оно подвесит нас там, на деревьях.

Может быть, Дом просто не оправился от сна, но какое-то время все молчали. Пока Люк не повернулся лицом к лачуге.

– Нужно найти Филадельфию.

15

Филадельфию нашли в кладовке. Совершенно голый, он стоял, сгорбившись, в углу грязного тесного помещения. Его грузное, почти светившееся в темноте тело съежилось при их появлении в дверном проеме. Глаза были прикованы к чему-то невидимому, находившемуся у них за спиной и чуть выше. При этом выражение его лица было таким напряженным, что никто не устоял перед соблазном обернуться и посмотреть в направлении, в котором смотрел друг. Руки Филадельфии были вскинуты вверх, но как-то неуверенно. Возможно, он поднял их, чтобы отогнать что-то прочь. Однако опорные мышцы ослабли, когда он осознал собственную беспомощность.

– Филадельфия, дружище, пойдём. Все будет хорошо. – Хатч, сам уже успевший оправиться от потрясения, подошел к Филадельфии. Медленно и осторожно, но уверенно.

Губы Филадельфии дрожали, как у напуганного ребенка. Он что-то бубнил себе под нос, так, что слов было не разобрать. Когда Хатч коснулся пальцев его руки, Филадельфия заскулил и уронил голову на грудь.

– Все хорошо, дружище, – Хатч взял его за руку и осторожно вывел из флигеля. От Филадельфии пахло застоявшейся мочой и сырým деревом.

Дом накинул на него куртку, а Хатч вывел из лачуги в тусклый свет раннего утра.

Лес вокруг заросшей лужайки казался после грозы обновленным. Высокая сырая трава и свежий прохладный воздух привели Филадельфию в чувство. Он вернулся в их мир, издав три громких тяжелых всхлипа, звучавших неестественно и странно. Филадельфия никогда не издавал в их присутствии подобных звуков. Он стоял перед друзьями и моргал, полуприкрыв свою наготу. Несчастные глаза смотрели вопрошающе, но не получали ответа. Трое друзей лишь вернули ему ощущение неловкости и загадочности. Никто больше не мог выдерживать его пристальный взгляд.

Хатч повернулся спиной к лачуге.

– Давайте собирать вещи.

Люк пошел впереди.

– Аминь.

– Подождите, – сказал Дом. – Что за хрень здесь происходит?

Люк кивнул в сторону лачуги.

– Я же говорил вам, что это плохая идея. Кто знает, что мы потревожили. – Он собирался развить мысль, но передумал.

Фил с Домом уставились на Люка. Их лица исказились в отчаянной попытке осмыслить услышанное.

Хатч задержался на пороге и оглянулся через плечо. Его лицо было выпачкано копотью и грязью, глаза казались неестественно большими.

– Еще будет время поговорить об этом, когда мы выберемся отсюда.

16

– Может, нам сюда? – Дом наклонился вперед, торопливо раздвигая руками заросли молодых деревьев и крапивы, пытаясь отыскать проход в угрюмом и безмолвном лесу.

Тропа, которая привела их сюда, из прогалины шла на север, в направлении, противоположном тому, что им требовалось. Напряженная обстановка, общее отчаянное желание побыстрее уйти из этого дома, казалось, пропитали все тело Хатча и проникли в его мысли. Он старался избегать взглядов друзей, пока молча обдумывал решение.

Они опять сбились с пути. Им нужно двигаться в юго-западном направлении, чтобы исправить отклонение от курса, допущенное накануне вечером. Опушка самой узкой части леса была не больше чем в шести-семи километрах от них, но только если они шли на юго-запад, а потом в какой-то момент свернули на юг. Хатч не хотел вести их с самого утра на север. Учитывая, что из-за больной ноги у Дома хватит подвижности максимум на полдня.

– Дайте мне мачете, и двинем, – сказал Хатч, стоя у южной границы лужайки, чуть в стороне от Дома.

– Куда? – голос Дома сорвался на визг. – Как мы отсюда выберемся, черт побери?

С западной границы участка прибежал Люк и встал у Хатча за спиной.

– Что нового?

Хатч выглянул из-за ствола мертвой ели.

– Там ничего. Один мусор. Коряги да бревна. Даже стоячие деревья мертвые. В пятнадцати футах ничего не видно. Даже хуже, чем вчера. «Будто все это появилось за ночь», – хотел он закричать в порыве параноидального отчаяния, передавшегося ему от всех. – Мы никогда отсюда не выберемся. Попробовать можно, но за час мы пройдем футов десять.

Дом схватил в пучок куст карликовой ивы и дернул, оскалив зубы.

– Почему? Почему так? – Ветка наклонилась к нему и замерла, окрасив руки жгучим зеленоватым соком. Дом отбросил ветку, в отчаянии пнув здоровой ногой, и сморщился от боли. – Черт! Какого хрена ты гнал нам про этот сраный маршрут? Кто пройдет через такое дерьмо?

– Это девственный лес.

– Что? Это мертвый лес, Хатч. Здесь нет ничего девственного.

Хатч посмотрел на усталое лицо Люка.

– Люкерс, брось нам сигарету.

Люк протянул Хатчу пачку «Кэмела». Хатч наклонился к огоньку «Зиппо». Сделал длинную затяжку, вытер пот со лба, затем посмотрел на тыльную сторону ладони и поморщился.

– Какой-то маленький засранец только что укусил меня. Комары.

– Если бы не сырость, я спалил бы тут все нахер, – сказал Дом, уперев руки в колени. На его лице было выражение безысходности. – Расчистил бы выход огнем. Выжег все это чертово местечко.

Хатч выдохнул облако ароматного дыма. Посмотрел на свои руки. Кончики пальцев все еще дрожали. Он сглотнул.

– Этот лес никогда не обрабатывали. Никогда не рубили. Вот в чем дело.

Под грязью, в тех местах, где прошлой ночью пробежали ручейки слез, лицо Дома побелело от гнева. Никто не умывался уже два дня.

– Какого черта ты завел нас сюда, если мы не можем здесь пройти?

– Я не думал, что мы застрянем. Я просто хотел немножко посмотреть. Это же дальний север. Думал, срезав путь, увидим что-нибудь оригинальное.

– Охеренно здесь оригинально. Так оригинально, что никто в здравом уме не припрется сюда на выходные.

– За исключением немногих. Да и то, не в эту часть леса. Думаю, в такую глушь заходят лишь ученые и специалисты по охране

окружающей среды. Мы же здесь случайно. Потому что захотели срезать. Мы просто хотели быстро пересечь лес.

– Иди в жопу! Мы застряли, Хатч! Как крысы в ловушке!

Хатч вздохнул. Посмотрел на Люка, ища поддержки, хотя сам редко предоставлял ее. Чтобы не «создавать клику», чего, по его мнению, хотел Люк. Когда Хатч снова открыл рот, его голос звучал слабо и неуверенно.

– Эти национальные резервы служат для того, чтобы сохранить остатки настоящего биоразнообразия, Дом. На будущее. Такого почти нигде нет.

Люк посмотрел вокруг, словно видел все впервые. Хатч снова затянулся сигаретой. Он отогнал внезапное желание рвануть напролом на юг. В голове возник темный силуэт из сна – неприятное воспоминание, которое он пытался забыть всеми фибрами души. Он сделал глубокий вдох.

– Это один из остатков северного лесного пояса. Он тянется от Норвегии до России. Появился после Ледникового периода. Столько ему лет. Норвежская ель может прожить даже пятьсот лет. Шотландская сосна – шестьсот. Можете себе представить? За прошлый век этот лес сократился на девяносто процентов. Все было вырублено и распахано. Но в национальных парках остались подобные места, поэтому все заросло грибами и лишайником так, что не пролезть. Здесь сохранили места обитания. Для птиц и насекомых. Для диких животных. Тут полным-полно редких видов. Тот лес, который мы видели из поезда по пути сюда, культивируется. Ему максимум лет сто. Леса постарше уже вырубают.

На мгновение Люк даже почувствовал признательность Хатчу. Он тщательно продумывал каждое путешествие. Целиком вкладывался в то, что организовывал. Всегда хотел показать товарищам нечто особенное. И в том, что они заблудились, была именно его вина. Но даже если так, – напомнил себе Люк, – в этой древней глуши, по крайней мере, уже бывали люди. Те же шведы, например. Он хотел напомнить об этом Дому, но передумал. Потому что приходилось признать: его самого это уже не утешало.

– Тут это на всех деревьях, – слышался с другой стороны поляны голос Фила. С тех пор как они надели свою грязную, пропахшую

дымом одежду и собрали вещи, прошло двадцать минут. – Идет по кругу. Вокруг дома.

Люк, Хатч и Дом повернулись в сторону Фила. Он стоял у северного края лужайки, рядом с узкой тропинкой, ведущей во тьму. Все молча переглянулись.

– Что там, дружище? – крикнул Хатч.

– На старых деревьях. С отмершими ветками.

– Что он несет? – спросил Дом.

Хатч пожал плечами.

– Парень реально не в себе.

– Думаешь, он свихнулся?

– Думаю, после этой ночи мы все свихнулись. Если бы Люк не разбудил меня, я бы так и торчал на чердаке. На коленях перед козлом.

Люк прыснул со смеху. Смех прозвучал неестественно громко в неподвижном воздухе, среди окружающих лачугу деревьев. И неуместно, как хохот в церкви.

Хатч улыбнулся.

– Боже, парни. Что мы будем рассказывать людям, когда вернемся домой?

Дом хлопнул Хатча по затылку. Его лицо растянулось в напряженной, натянутой улыбке.

– Для начала мы должны туда попасть, ты, никчемный йоркширский засранец. К черту девственные леса и грибы Ледникового периода. Я хочу снова почувствовать под ногами асфальт.

Хатч увернулся от второго шлепка.

– Пошли посмотрим, чего хочет этот толстяк.

17

– Что тут, дружище? – спросил Хатч Фила. Тот, наклонившись вперед, положил грязную ладонь на темную кору толстого ствола дерева.

С тех пор как его разбудили, Фил был немногословен и игнорировал любые вопросы касаясь того, как он оказался голым в крошечном грязном помещении, которое накануне вечером все использовали под уборную. Все, кроме Люка, выходявшего по нужде на улицу. Люк, Хатч и Дом тоже были слишком измотаны морально и физически, чтобы делиться впечатлениями. Каждый молча признавал,

что подобное можно обсуждать, лишь оказавшись в безопасном месте. Но на Фила эта ночь, похоже, повлияла сильнее, чем на остальных.

– Вот. Видишь? И такое на всех деревьях по эту сторону. Примерно в метре от земли полоска коры по диаметру ствола содрана. Красные пальцы Фила указывали на ряды каких-то вырезанных в дереве знаков, потемневших от времени, но вполне отчетливо видных.

Хатч наклонился и провел по ним пальцем.

– Что это? – спросил Люк.

Дом раздраженно вздохнул и посмотрел на небо.

– Руны, – сказал Хатч. – Помните руны на камнях, которые мы выдели в Гаммельстаде? – Он бросил взгляд через плечо на Дома и Фила. Еще мы с Люком видели такие в Скансене и Люнде пару лет назад.

– Это невозможно, – сказал Фил с постаревшим лицом, будто слова Хатча подтвердили его наихудшие опасения.

– Возможно. Хорошая находка, Филлерс. Бьюсь об заклад, эти деревья тоже очень старые. Тысячу лет назад над ними поработали викинги.

– Не могут они быть такими старыми, – сказал Люк, становясь рядом с Хатчем.

– Это точно. Но после викингов кто-то еще знал, как ими пользоваться.

Люк положил указательный палец на один из знаков.

– Похоже на «В». Сколько этим деревьям лет?

– Это шотландская сосна. Довольно большая. И давно мертвая. Но такие живут лет шестьсот.

Дом вскинул руки вверх, зашуршав непромокаемой курткой.

– О'кей. О'кей. Так каков наш план, команда времени? Я бы сказал, что руны на этих старых ублюдочных деревьях стоят в самом низу нашего списка приоритетов, парни.

Хатч с Люком отошли от дерева.

– Это все неправильно, – бормотал себе под нос Фил. – Неправильно.

– Да уж, – сказал Хатч. Затем посмотрел на небо, такое белое, что ярче могло быть только солнце. По курткам и рюкзакам застучал дождь. – Отлично.

Хатч вытащил из нагрудного кармана куртки запотевший пластиковый бумажник. Внутри находилась карта. Он опустился на колени и вытащил ее из футляра. Развернул наполовину и положил сверху компас.

– Так, ребята. Думаю, мы где-то здесь. На приличном расстоянии от верхней точки этой лесополосы. Вчера я пытался привести вас сюда, поэтому можем снова выйти на тропу Каппоапэ. Утром пройдем по ней и окажемся рядом с рекой Стора Лулеэльвен. Еще пару часов вдоль нее на восток до Скайте, и найдем домики, где можно переночевать. И филиал комитета по охране окружающей среды. Но мы не сможем пробираться дальше на юг через заросли. Это место такое старое, что если здесь и была когда-то другая тропа, ведущая на юг, она давно заросла. Если же подлесок не поредет, мы выберемся из леса только к вечеру.

– Ну, так что? – спросил Дом.

Хатч прищурился и нервно поиграл желваками.

– Мы не можем рисковать, идя той северной тропой.

Фил ничего не сказал. Он стоял в стороне и смотрел их на ночное пристанище.

– Подожди, подожди. Дай-ка мне карту, – потребовал Дом.

Хатч убрал ее подальше от протянутой руки.

– Что ты собираешься с ней сделать, хромая лошадь?

– Дай посмотреть, ты, йоркширская задница. Дом выхватил карту из рук Хатча и развернул ее в паре футов от лица.

Люк опустил голову и сжал пальцами щеки.

– Может, вернуться туда, откуда мы пришли?

Дом покачал головой.

– Нет. Если вернемся, только через день окажемся там, где были вчера в полдень.

– Но это лучше, чем заблудиться снова, – сказал Люк.

На его замечание никто не среагировал. Хатч и Дом напряженно смотрели друг на друга.

У Дома дрожал подбородок.

– И еще день потребуется, чтобы вернуться в туристский домик, из которого мы ушли два дня назад!

– Согласен, – сказал Дому Хатч. – Или за это же время доберемся с твоей больной ногой до Порьюса. Поэтому, думаю, нужно проверить,

куда ведет тропа, по которой мы пришли. А затем посмотрим, сможем ли мы где-нибудь свернуть с нее на юг.

Дом нахмурился.

– Она идет прямо с запада на восток и приведет нас на запад. Но куда именно?

– В Норвегию, – сказал Люк.

Дом хлопнул картой по бедрам.

– А нам нужно на юг, Хатч. Чтобы выйти с другой стороны этого гребаного леса.

– Да ну! Но мы не можем пройти его насквозь, тупица. На юг отсюда нет тропы. А еды у нас хватит максимум на день. Учитывая, сколько калорий нам придется израсходовать за время сегодняшней прогулки по джунглям, нам потребуется все до последней крошки. Допустим, если выберемся отсюда к вечеру, придется разбить лагерь у реки. И завтра полдня будем маршировать натошак. Но это в худшем случае. Поэтому без паники. Только мы должны сейчас сделать правильный выбор. Нужно действовать решительнее. Уверен, если пойдем по этой тропе, она приведет нас примерно к точке выхода. В каком-то месте свернет на юг, если повезет. Скайте не может быть так далеко. День-полтора максимум.

Люк снова закурил.

– Мы не можем... не можем больше рисковать, блуждая по этому лесу, Хатч.

– Дай закурить, дружище, – сказал Хатч.

Люк сунул Хатчу в рот сигарету. Себе вытащил новую из пачки. Хатч, прищурившись, посмотрел на Люка сквозь дым.

– Тропа должна куда-то вести. Она была проложена в лесу давным-давно. Мы не знаем, откуда она идет. Просто вчера случайно на нее наткнулись и пошли по ней на восток. Изначально мы вошли с крайней западной точки узкой лесополосы. Я повел вас на восток, чтобы скорректировать маршрут. На западе снова начинается чаща и простирается километров на тридцать в глубину. Но если будем держаться тропы, которой пришли, идти будет быстрее и легче. Мы избежим того бурелома, из-за которого Домжа вчера хныкал как ребенок. Если нам потом удастся где-то свернуть на юг, к вечеру мы выберемся из леса.

– Но тогда... – Люк закусил кончик пальца.

Хатч посмотрел на него, удивляясь, что Люк снова противится его идее.

– Что? – В его голосе звучало раздражение.

– Что если лес к югу от тропы поредеет. А пойдя по тропе на запад, мы попадем в новые, неизвестные нам земли. Если пойдём в этом лесу в каком-то другом направлении, не значит, что найдем выход. Вчерашний крах тому подтверждение.

– Зачем прокладывать тропу, которая будет бесконечно петлять по лесу? – спросил Хатч. – Должна быть точка входа и выхода. Разумной альтернативы нет, шеф.

– Думаю, есть. Это крайне неприятно, но нужно вернуться туда, откуда мы пришли. И попробовать снова начать оттуда, где вчера ошиблись. Либо пойти по той тропе на север. Вдруг она выведет нас к верхнему краю леса?

– Да иди ты на хрен! – крикнул Дом. – Мы уже сыты по горло! Чтобы еще день тащиться через гребаные валуны, да еще туда, откуда мы пришли. Лучше уж день ходьбы в противоположном направлении, и мы в Порьюсе.

– Но мы знаем, что тропа, по которой мы пришли, выведет нас из леса. А эта километра через три может закончиться тупиком. Либо приведет напрямик в Норвегию. Стоит нам ступить на нее, как она поведет нас в совершенно другом направлении.

Хатч выпустил изо рта новый гейзер серого дыма и поморщился.

– Мы так заплутали, дружище, что я не знаю, сможем ли найти свои вчерашние следы. И эти двое не потащатся обратно через чащу. Нужно двигаться дальше. Фил, как твои ноги?

– Неважно, – ответил тот, не поворачивая головы, и натянул капюшон.

– Хреново, как и мое колено, – огрызнулся Дом.

Люк повернулся лицом к Дому.

– Если бы ты ходил в спортзал, как мы договаривались...

– О, послушайте этого джентльмена без определенных занятий. У меня трое детей, дружище. Попробуй походи в спортзал, когда работаешь шестьдесят часов в неделю, а еще тянешь на себе семью.

Хатч поднял обе руки.

– Парни. Парни. Мы сейчас впустую тратим время. А когда выйдем на тропу, у нас появится хоть какая-то цель. Если тропа никуда не

приведет, пересмотрим план: снова рванем через эту чащу на юг, либо попробуем вернуться тропой, которой пришли вчера, как предлагает Люк. Это единственный вариант, учитывая состояние, в котором находятся некоторые из нас, и трудности, с которыми сопряжено передвижение по данной местности.

Наконец Фил, не оборачиваясь, заговорил:

– Последнее, что я хочу, это провести здесь еще одну ночь.

18

Медленно удаляясь от лачуги и ведя под руки Дома, Хатч продолжал мучиться вопросом, почему не может прогнать неестественно яркие образы из сна. Раньше он не страдал лунатизмом.

Он помнил сон до мельчайших подробностей, словно это был фильм, увиденный накануне вечером в кинотеатре. Хатч пытался нащупать в тусклых и грязных воспоминаниях некий знак. Хоть какой-то смысл, объяснение, почему он вылез из спального мешка, поднялся по лестнице на чердак и преклонил колени перед мерзким гнилым чучелом.

Рядом с ним, в темноте первого этажа дома, стояли две фигуры. Вот с чего начался сон. Старые лица с грязными зубами приказали ему подняться наверх. Сказали, что кое-кто его ждет. «Не заставляй его ждать, – сказали они. – Твоя одежда в костре».

И он начал подниматься. Все выше и выше по черной деревянной лестнице. Он отчаянно не хотел идти наверх, но чья-то воля не давала ему развернуться и спуститься вниз. Он вспомнил, что при попытке прекратить восхождение онемел и потерял способность дышать. Поэтому пошел наверх. И оказывается, в это же время он действительно поднимался по лестнице.

– Не так быстро, Хатч! – попросил шедший рядом Дом.

– Ммм? Извини, – Хатч сбавил шаг.

Подошвы его босых ног были черными от грязных старых ступеней. Вытянув руки, он пытался удержать равновесие на скользком дереве. Он был совершенно голый. Его тощее бледное тело бил озноб. Он ощущал себя маленьким мальчиком, ковыляющим в ванную. Да, во сне он был гораздо моложе и отчаянно нуждался в покровительстве и защите.

В доме не было окон, только слабый красноватый свет шел оттуда сверху. Свернув с лестницы, он проковылял на чердак и открыл рот, чтобы позвать на помощь. Но не смог издать ни звука. В легких не было воздуха, словно он запыхался от бега.

Он стоял в этом красном месте, не поднимая головы и не отрывая глаз от своих грязных ног. Грязных и мокрых. Теплая моча стекала по ногам, щекоча бедра и икры.

Он старался не смотреть вверх, потому что с ним на чердаке находилось нечто. Оно сопело от возбуждения, потому что чувствовало исходящий от него запах мочи и страха.

Кости. На полу лежали кости. От их вида ему стало еще хуже. Особенно от тех, с прилипшими серыми кусочками. Некоторые из маленьких скелетов настолько почернели, что было непонятно, чьи они. Он шел по грязным доскам, стараясь не наступать на кости, но некоторые все же хрустели под его грязными ногами. По мере приближения к источнику сопящего звука кости становились крупнее.

А потом он почувствовал запах. От смрада навоза, бычьего пота и серы заслезились глаза. Вырывающийся из козлиной пасти пар пробил его на кашель. Мерзкий привкус стоял во рту, когда его разбудил Люк.

Еще во сне он слышал стук. Совсем рядом. Словно деревом стучали по дереву. Прямо перед ним. И он не смог удержаться от соблазна взглянуть на источник этого глухого стука.

Черные копыта. Они снова возникли в его памяти. Большие и острые, пожелтевшие на концах. Широкие, как у лошади, они стучали по деревянному ящику, в котором сидело оно. Сидело и стучало ими от возбуждения. Черный край деревянного ящика был весь сколот и покрыт царапинами.

Радость существования росла с приближением его мягкого белого тела. Уже так близко. Он слышал влажное сопение и глухое ржание, исходящие из огромной жаркой пасти. Она щелкала желтыми зубами, будто капкан.

Прямо перед ним, в передней части ящика, имелся небольшой полукруглый вырез. Так, чтобы он поместил в него свою шею, свесив голову в невыносимый мускусный смрад, исходящий от полудьявола-полуживотного. Под усеянное розовыми сосками волосатое брюхо. А потом эти копыта ударят тебя, как молот обеденную тарелку.

На грязной соломе, между черными тощими конечностями твари, валялись кусочки черепа. Длинные передние ноги продолжали издавать безумный стук.

Туловище твари было слишком большим для этой маленькой колыбели. Он слышал, как ее страшные рога царапают балку под потолком.

И пошел против своей воли в слепящий смрад. Его крики потонули в ускоряющемся стуке копыт. В стуке без ритма по покрытому рубцами черному дереву. Ему казалось, что он все еще слышит отголоски этого стука, поэтому не может унять дрожь в руках.

Он лег горлом в истертое полукруглое углубление в передней части маленького ящика. Тощие передние ноги стали подниматься все выше и выше. К самому потолку. Замерли на полсекунды, прежде чем стремительно ринуться вниз.

И тут рядом возник Люк. Он тряс и будил его.

– Смотрите! Вон там! И там! – голос Люка вывел его из задумчивости. Прищурившись, Хатч всмотрелся в деревья. Туда, куда показывал присевший чуть в стороне от него Люк.

Желудок Хатча сжался.

19

Они уже два часа шли на запад по сильно заросшей тропе, когда Люк заметил в подлеске два здания.

Когда ему никто не ответил, он повернул голову и посмотрел на отставшую троицу. Они шли, расталкивая локтями жесткие мокрые ветки деревьев, заполонившие собой почти все свободное пространство. И Дом, и Фил хромали. Хатч приотстал, чтобы помогать Дому перелазить через упавшие стволы, в последнее время все чаще попадавшие на пути.

Все утро Люк шел впереди. Идти первым было лучше – первым увидишь выход. Постоянно ждешь, что деревья расступятся и лес кончится. Ты лучше мотивирован продолжать движение.

– Смотрите, – Люк повысил голос, чтобы его услышали сквозь шум стучавшего о полог листвы дождя. Он указал на два здания, неясными силуэтами темневших среди деревьев.

Деревянные доски на стенах вспучились от влаги и почернели от земли до самых окон. Сложно было сказать, закрыты окна ставнями или нет. На крыше одного из зданий виднелось нечто, напоминающее каменную трубу, пока не скрылось за сеткой листвы.

– Что это, шеф? – отозвался Хатч. – Какая-нибудь приличная забегаловка?

– Или большая страшная росомаха, – добавил Дом.

Люк ждал, пока остальные его догонят.

– Еще два дома.

Хатч тяжело дышал, после того как помог Дому перебраться через очередной упавший ствол. Он посмотрел туда, куда показывал Люк.

От домов их отделяли густые заросли крапивы с черными колючими стеблями. Пространство над крапивой было заполнено двадцатиметровой непролазной сеткой из березовых и ивовых ветвей.

– Просто продолжаем идти, – сказал Дом. – Мы не знаем, что в тех домах.

Люк кивнул.

– Даже думать не хочу. Интересно, зачем они здесь?

Хатч положил руку Люку на плечо.

– Угостишь сигареткой?

– Конечно, – Люк полез в боковой карман своих непромокаемых брюк.

Хатч взял сигарету в рот.

– Наверное, брошенное поселение.

– Где жили другие чокнутые ублюдки, – сказал Дом.

– Здесь давно никого не было, – Хатч посмотрел себе под ноги. – Эта тропа соединяла дома с другим местом. Видите? – Он приподнял ногой покрывало папоротника. – Тут остались следы от колес повозки. Их все еще видно по краям тропы.

Люк снова встал в полный рост, хрустнув суставами в коленях. Он представил себе неприветливый интерьер этих зданий. Сырой, темный, пораженный спорами плесени. Представил, каким отчаянием пропитано неуютное, давно покинутое людьми место.

– Как там впереди? – спросил Хатч, нарушив задумчивость Люка.

– Все так же, – ответил тот.

Хатч застонал и потер ладонями лицо.

– Небольшой у нас прогресс, парни.

– Иди на хрен, – сказал Дом. Согнувшись пополам, надавил грязными руками на поврежденное колено. Оторвав ногу от земли, как хромая лошадь, сморщился от боли. Фил ничего не сказал. Он просто стоял и смотрел в сторону заброшенных зданий.

Люк сделал глубокий вдох-выдох.

– Почему бы вам, парни, не передохнуть? А я пойду вперед и проверю, что дальше. Вдруг там выход.

– И пока я отдыхаю, постарайся расчистить дорогу от этого дерьма. А то мы все равно что ползем, – сказал Дом.

Люк улыбнулся.

– Чем, туристской ложкой?

Хатч хихикнул.

– И убедись, что края ровные.

Люк двинулся вперед, гораздо быстрее, чем шел все утро. Из-за заданного Домом медленного темпа у него разболелась спина, а раздражение быстро сменилось злостью и полным упадком духа. Порой ему казалось, что тропа оборвалась. Если он встретит преграду, которых здесь немало, просто развернется и двинет назад, закрыв лицо руками от хлестких, острых ветвей. Идти было тяжело, одно ухо кровоточило. Но ему не требовалось постоянно останавливаться и ждать, пока Хатч, придерживая ветки, помогает пройти под ними Дому и Филу. И он больше не слышал бесконечные стоны Дома.

Фил был по-прежнему немногословен. Он онемел от боли в стертых до волдырей пятках. Либо настолько устал, что не мог связно излагать мысли. Либо до сих пор не оправился от ночного потрясения. А может, все сразу.

Через двадцать минут после отрыва Люка от остальных тропа начала петлять между древних стволов, то поднимаясь, то спускаясь.

Перелезть через крутые, покрытые скользкими корнями холмы оказалось весьма утомительным занятием для его суставов. Выглядело так, будто поваленные деревья встречаются каждые двадцать футов.

Люк не думал, что в груди может так сильно болеть. А он считал, что находится в хорошей физической форме. Несмотря на курение, тренировался три раза в неделю и бегал по выходным, но к такой

нагрузке оказался не готов. Он старался не думать о том, как себя чувствовали Дом с Филом.

Они заблудились словно кучка жалких любителей. Как те идиоты, которые пытаются лезть на гору без надлежащей тренировки и правильного снаряжения. Или лохи, решившие пересечь океан, за которыми снаряжают поисково-спасательную экспедицию. А потом этих людей еще чествуют как героев. Почему, если они доставляют другим столько проблем? Он поверить не мог, что они ведут себя так же глупо.

Люк наклонил голову и ринулся сквозь папоротник. Стиснув зубы и преодолевая боль в груди и ногах. Он не собирался сдаваться. Хватит! Он хочет увидеть небо. Кусочек неба и немного открытого пространства, где можно передвигаться без труда.

Люк зацепился подмышкой за какую-то ветку и отлетел назад, приземлившись на задницу. Схватив ветку, попробовал сломать, но руки оказались бессильны перед гибкостью дерева.

Он остался сидеть, хватая ртом воздух. Хатч настаивал, чтобы они держались «примерно» юго-западного направления. Но Люк интуитивно чувствовал, что тропа снова ведет его на северо-запад. Он не стал ближе к краю леса, чем они были вчера вечером.

Он не мог больше оставаться в этом душном сыром лесу, давящем, сбивающем с ног, разрывающем кожу. Горло горело. Высыхающий пот выделял соль, кожу между ног и на поясе под ремнем натерло. Хотелось сорвать с себя одежду.

Измученные мышцы в ногах начала сводить судорога. Нужно выбираться из этой чащи. Если подлесок не поредет, он пойдет назад и найдет остальных. Потом они вернутся по своим следам туда, где вышли на эту тропу днем ранее. Или, если необходимо, вернется он один. И пойдет за помощью. Независимо от того, согласится Хатч или нет, инстинкты подсказывали, что время пришло. Время для решительных мер. Один из них отправится за помощью.

Люк был зол на Хатча с его нелепым и необоснованным оптимизмом. «Боже, Хатч! О чем ты думал?» Стиснув зубы, он стал вспоминать все принятые Хатчем решения, ввергшие их в бездну неприятностей. Его губы зашевелились, и он принялся костерить своего друга, зная, что впоследствии будет стыдиться своих слов.

Люк закрыл глаза. Попытался успокоиться и привести мысли в порядок. Вспышка ярости медленно угасла, оставив лишь дрожь в теле.

В мокрой зелени, где он сидел, было темно. До поверхности лесной почвы света доходило мало, но дождь находил дорогу. Лес буквально промок насквозь. Голова кружилась. Люк достал из кармана куртки энергетический батончик. В желудке ныло от голода. У них вообще осталась нормальная еда?

Он представил себе, что случится, если он не двинется с места. Найдут ли тело, скрытое под этими кустами, сорняками и крапивой? Или его кости будут дочиста обглоданы кишасщими здесь насекомыми и рыщущими в поисках пищи грызунами? Он так отчетливо увидел останки своей грязной туристской одежды, выцветший рюкзак и бурый, ухмыляющийся сквозь темную листву череп, что подскочил от испуга. Промокшая от просочившейся влаги поясница ныла. Черная почва буквально высасывала из тела все тепло.

Он поспешил встать и бросился вперед, движимый отчаянной надеждой, что каким-то чудом лес вот-вот кончится. Но удалившись от остальных далеко за пределы слышимости, он начал беспокоиться, что сошел с тропы и ломится сквозь подлесок в другом направлении. Туда, где, как ему казалось, заросли были реже. Иногда он останавливался и убеждался, что следует по еле заметной тропе. В противном случае ему никогда не найти остальных. Здесь не было ориентиров, повсюду бесконечное однообразие.

Желудок горел от жажды, во рту пересохло. Остатки воды кончились час назад. Если они не хотят слизывать дождевую воду с листьев деревьев, им нужно до конца дня найти какой-нибудь ручей. Люк сомневался, что у остальных что-то осталось во фляжках.

Через полчаса он наткнулся на гранитный постамент. Стоячий камень, увитый плющом.

20

Хатч все сильнее чувствовал, как тихо стало вокруг, хотя решил не делиться этим наблюдением с Филом и Домом, ковылявшими позади него по быстро сужающейся тропе. Лес будто замер в ожидании.

Стоило им отойти от заброшенных домов, как птицы перестали щебетать. Ветер стих. Лес вокруг погрузился в полную тишину. Было

слышно только шарканье ног, слабый шум дождя и шорох листьев о непромокаемую ткань.

Эта тишина вызвала реакцию, ответное действие. Неожиданно для себя Хатч с тревогой уставился на заросли по обе стороны исчезающей тропы. А вдруг они снова изменили направление? Он не был уверен. Местами тропа словно распадалась. Обманчивые просветы подталкивали их то в одну, то в другую сторону от еле просматривавшейся тропы. Чтобы разглядеть ее среди зарослей шиповника и бледно-зеленого папоротника, ему часто приходилось напрягать зрение.

Свет почти не проникал сюда сквозь плотный полог листвы. Хатч забеспокоился, что Люк может заблудиться. Он остановился и вытер пот с глаз. Неожиданно он разозлился на себя за то, что отпустил Люка одного.

– Стоп.

– А? – спросил Дом, задыхаясь от ходьбы.

Фил остановился, хрипло дыша. Хатч услышал, как тот с силой вдохнул в себя содержимое ингалятора.

– Что такое? – прошептал Дом.

Хатч поднял компас, направив его в сторону от красного, взмокшего лица Дома. Северо-Запад. Ему хотелось закричать. Они снова сбились с курса. Бродили по лесу зигзагами, все глубже погружаясь в него. Это происходило постепенно, а потому незаметно. Но когда и как такое случилось? Он заметил бы. Не тащи он на себе неповоротливую тушу Дома, он был бы более внимательным.

– Ничего хорошего. – Он покачал головой.

– Что не так?

– Направление. – Он отпустил Дома и хлопнул руками по бедрам. – Черт.

21

Сперва Люк подумал, что это обнажение горной породы природного происхождения. В первый день похода они видели множество валунов и даже скал, торчавших из зеленой земли. Но стоило ему обойти вокруг камня и сорвать с одной стороны кусок мокрого плюща, как он увидел полустертые руны. Они покрывали всю

поверхность камня и были окружены овальной рамкой, густо заросшей окаменелым лишайником.

Люк присел на корточки и стал поворачиваться кругом, вглядываясь в окружающие заросли. Сквозь сетку из сухих веток и буйно разросшегося сорняка он увидел в двадцати футах от себя еще один стоячий камень, за ним еще один.

Отступив в сторону и присев еще ниже, Люк снова заметил вьющуюся между камней тропу. Только идти, выпрямившись, по ней было нельзя.

Он попробовал двинуться вперед, но тут же зацепился рюкзаком за ветку и застрял. Ругаясь сквозь зубы, дал задний ход. Потом с кряхтением сбросил ношу с плеч в лиственный перегой и грязь.

Опустившись на четвереньки, пополз вперед по природному туннелю. Но тропа ли это? Да. Он протянул руку и провел кончиками пальцев по борозде, оставленной колесом телеги. Похоже, туннель проложили мелкие животные. Он лег лицом вниз, ощутив под собой холодную влажную почву.

Он будет ползти, сколько сможет, и посмотрит, не станет ли тропа впереди свободнее. Но это будет его последняя попытка. После восхода солнца они шли уже четыре часа, но к краю леса не приблизились. Убедившись, что тропа кончается у этих стоячих камней, он вернется и расскажет остальным, что пришло время обратиться к последнему средству. К его плану, которому могли следовать уже четыре часа. Если бы они нашли дорогу, которой пришли накануне, выбрались бы из леса еще засветло.

Преодолев двадцать футов ползком, Люк заметил, что серый свет стал ярче и предел видимости расширился. Он достиг конца природного туннеля и смог даже поднять голову.

Вскочил на ноги и рванул сквозь редкие побеги на просвет. Выбравшись из зарослей колючего кустарника и крапивы, Люк оказался на просторной поляне, поросшей невысоким подлеском и карликовыми березами.

Дождь падал серебристыми шипами капель. Сквозь верхушки мокрых, нависших над поляной елей виднелись рваные куски неба, безрадостного и потемневшего от дождя. Белым оно бывало лишь часов в пять утра, а потом серело. Тропа терялась в подлеске. Она должна была там быть, потому что вела к какому-то зданию.

Люк остановился как вкопанный. Перед ним, на другой стороне поляны, стояла старая церковь. А там, где он только что полз, находилось кладбище. Судя по тому, что могилы были отмечены стоячими камнями, тоже очень старое.

22

Никто не проронил ни слова, когда Люк вернулся без рюкзака. Он неся назад сломя голову. На левой щеке горела глубокая царапина, кровь натекла на подбородок и уже запеклась. Он даже не заметил, что хлестнувшая по лицу ветка рассекла верхнюю губу, отчего зубы покрылись алой пленкой. Дом и Хатч просто смотрели на его дикие глаза, мокрое, израненное лицо, на его бесплодные попытки что-то сказать.

По дороге с кладбища Люк испытал вспышку необузданной ярости. Он начал колотить кулаками ветки, преграждавшие путь назад. Даже остановился, чтобы раздавить какие-то маленькие поганки. Потому что возвращаться к остальным было тяжелее, чем покидать их, словно лес препятствовал этому. Люк вспомнил свой сон, и воспоминания не были приятными. Раз десять он останавливался, чтобы отцепить от куртки острые обломки веток. Теперь она была порвана под мышкой. Люк не помнил, что этот подлесок раньше был таким труднопроходимым. Препятствия из растительности, о которые он постоянно спотыкался, вызывали у него вспышки головокружительной ярости, знакомой и всегда болезненной. Он проклял лес, проклял Хатча, проклял Дома, проклял этот мир и свое унижительное положение в нем. Он буквально кипел от ярости. С каждым шагом его мысли все сильнее омрачались образом старой разрушенной церкви посреди зловещего сырого леса.

Когда он нашел остальных, поверить не мог, как медленно они двигались и какое ничтожное расстояние проделали с момента его ухода. Он почувствовал, что вернулся в то же самое место, где их оставил.

Люк выпрямился и сказал, отдышавшись:

- Я думал, что потерял вас.
- Что случилось? – спросил Хатч.
- А?
- Твое снаряжение. Где оно?

– Я его скинул. Оно мешало мне идти.

Дом посмотрел на Хатча и нахмурился, словно этот безумный поступок подтвердил его давнюю уверенность насчет Люка.

– А спать ты в чем будешь?

– Я оставил его на время. Чтобы быстрее вернуться к вам, парни.

– Зачем? – сказал Хатч с беспечностью, рассердившей Люка. – Нашел что-нибудь?

– Затем...

– Затем зачем? – спросил Дом.

Да что с ними? Что за неторопливая прогулка? Дом с Хатчем вообще улыбались чему-то при его появлении. Ему даже показалось, что он слышал издали их смех.

– Вы вообще воспринимаете это всерьез? – спросил он и тут же пожалел об этом, увидев удивленные лица Дома и Хатча. Фил стоял позади них. Лицо у него было уже не такое бледное, но он смотрел на Люка со смесью недовольства и осторожности. Капюшон куртки наполовину съехал с головы, придав ему нелепый вид.

– Конечно, воспринимаем, мудила, – рявкнул Дом. – Думаешь, я получаю от этого удовольствие?

– Дом, – тихо сказал Хатч. Но в этом упреке, хмуром и флегматичном лице Дома, в доброжелательной улыбке Хатча было нечто, отчего у Люка в глазах вдруг потемнело от ярости. Он почувствовал себя невесомым и не слышал ничего, кроме жаркого шипения в ушах. Его голос, казалось, исходил откуда-то из-за пределов его головы. К своему смущению, он не узнавал его. Будто слышал в записи.

– Если еще раз назовешь меня так, я тебе глаз на жопу натяну.

Он словно наблюдал за собой со стороны. Как сделал три шага к Дому, лицо у того побелело и напряглось, будто его заставили смотреть на что-то неприятное.

Отчасти Люк осознавал, что действует инстинктивно. Эту ярость он принес с собой из леса, бесконечного и сырого леса, который никогда их не отпустит. Она требовала выхода.

– Слышал, меня, сука? – закричал он в лицо Дому, увидев, как капля слюны брызнула тому на щеку.

– Люк! – крикнул Хатч из-за его спины. – Ты чего?

Но Люку было необходимо выпустить пар. Он обеими руками со всей силы толкнул Дома назад. Тот потерял равновесие, упал всем весом на больное колено, и боком свалился в кусты. За спиной у Люка что-то зашуршало, и крепкие пальцы схватили за плечо. Он отлетел от Дома, в какой-то момент даже оторвавшись ногами от земли. Силы словно оставили его на мгновение. Он барахтался, пытаясь встать, пока Хатч не отпустил его в нескольких футах от тропы.

– Пиздец тебе! – Дом с трудом поднялся на ноги – толстозадый, рубашка из штанов вылезла, движения неуклюжие и скованные. Но когда он двинулся на Люка, хромота куда-то исчезла. Хатч отлетел в сторону. Глаза Дома были налиты кровью. Его веснушчатый кулак медленно протянулся и соприкоснулся с губами Люка. Раздался шлепок. Это было больше похоже на толчок, чем на удар, но верхняя губа тут же онемела. «Это что, удар?» – подумал Люк.

Какое-то время они смотрели друг на друга, пока Люка не осенило. Этим ударом ему дали понять, что он должен и впредь принимать насмешки Дома, критику, быковатую напыщенную речь и пренебрежительное отношение к себе. Но он больше не намерен принимать эту роль, назначенную ему в иерархии их компании.

Он отвел левую руку назад, насколько позволяло плечо, задержал там на мгновение, а потом отпустил как пружину. Дом не успел заслониться, и кулак Люка с громким шлепком ударил ему под правый глаз.

Голова Дома дернулась назад, на лице появилось выражение недоумения и отвращения. Второй кулак зашел с другой стороны. Люк смотрел, как его рука стремительно размахивается и наносит Дому жесткий удар в челюсть. На этот раз он метил именно в челюсть.

Дом тут же свалился на землю, даже не пытаясь смягчить падение руками. Потому что прижимал их к лицу.

Хатч с Филом отшатнулись от Люка, уставившись на него как на опасного незнакомца. Они были шокированы и напуганы. Но он хотел продолжить взбучку. Ему не нужна была быстрая победа. Он упивался экзекуцией, нанося Дому удар за ударом.

Рукам совсем не было больно, и внезапный выход энергии, удвоенный с падением Дома, вызвал у него бурный прилив эйфории. Его тело словно перестроилось в тугую, крепкую и четкую структуру. Зрение вернулось в полном цвете. Слух прояснился, словно из ушей

вытекла теплая вода после ванны. Он осознал, что его учащенное дыхание перешло на хрип.

Дом сидел, раскинув ноги, уронив голову на грудь, и зажимал обеими руками рот. Его лица никто не видел.

Дом плакал. Плакал от злости.

– Я больше ни на минуту не останусь с этим ублюдком! – воскликнул он.

Сидя на поваленном дереве, Люк слышал доносившийся из-за деревьев высокий и пронзительный голос Дома.

– Пусть валит в другую сторону... Не, я пас... Это не на вас напал этот ублюдок... Этот неудачник чокнутый. Он всегда был таким. Вот почему не может и пяти минут удержаться на одной работе. Вот почему он всегда один. Логично? Мудак он. Не собираюсь больше терпеть этого тупого ублюдка. Кому нужен этот инфантил? Не, с меня хватит.

Тут на Люка снова нахлынул страшный жар. Он вскочил и бросился к тому месту, где Хатч и Фил успокаивали Дома. Он до боли стиснул зубы, но, опасаясь, что вот-вот их сломает, взял себя в руки и разжал челюсти.

– Продолжай, жирный говнюк! – проревел он.

Фил и Хатч шарахнулись в сторону.

Дом поднял обе руки вверх и закричал:

– Отвали!

На этот раз он так быстро ударил между вскинутыми ладонями Дома, что тут же почувствовал, как в основании шеи что-то хрустнуло и налилось огнем. Три удара пришились Дому в лицо, и Люк почувствовал, как нос под его кулаком уходит в сторону и ломается, словно дужка в воскресном жарком. Четвертый и пятый попали в макушку и затылок, и Дом рухнул в кусты. Свернувшись в клубок, он обхватил голову руками. При последнем ударе Люк повредил себе мизинец и костяшку. Он сунул руку под мышку и отошел в сторону.

– Еще одно слово. Еще одно слово... – Он пытался говорить, но у него перехватило дыхание, голос дрожал от волнения.

– Господи Иисусе. Господи Иисусе. Успокойся же. Черт! – говорил скороговоркой Хатч. Вцепившись в плечи Люка железной хваткой, он пытался увести его прочь.

– Еще одно слово от него услышу, и ему конец. Клянусь.

Они вместе отошли в сторону. Хатч держал его за локоть. Дом продолжал лежать, свернувшись в клубок. Фил присел рядом и тихо говорил ему что-то, но Люк не слышал, что именно.

– Боже, Люк. Послушай себя. Ты разговариваешь, как быдло. Это не ты. Какого черта?

Люк сел на поваленный ствол, где недавно сидел. Руки у него тряслись так сильно, что Хатчу пришлось взять у него пачку и прикурить две сигареты. Для себя и для него.

– Успокойся. Расслабься. Остынь. Мужик, что на тебя нашло?

Люк молчал. Он просто курил быстрыми затяжками, пока его не затошнило. Вместе с мокротой и никотиновой смолой в пустой желудок просочилось столько кортизона и адреналина, что его чуть не вырвало. Он расстегнул куртку до пояса и наклонился вперед, полной грудью вдыхая холодный влажный воздух. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким опустошенным. Его начал колотить озноб.

– Похоже, отпуск подошел к концу, – сказал Хатч после нескольких минут молчания.

Люк расплылся в улыбке, но со стыдом понял, что смеется в полной тишине. Хатч тоже улыбался, слабой и вымученной улыбкой. Он покачал головой.

– Не знал, что ты такой, шеф. Видит бог, я давно хотел накостылять Дому, но такие, как мы, не должны так себя вести. О чем ты думал?

Посмотрев на Хатча, Люк прочел в глазах друга разочарование. И стойкое отчуждение. После подобного события ничего не вернуть. Уже никогда не будет как прежде. Он знал, что их дружбе пришел конец.

– Черт, – сказал он и покачал головой. Замолчал, сделал несколько судорожных глотков, еле сдерживая слезы. К горлу подступил комок. Какое-то время он не мог говорить, потом встал и пошел прочь от мертвого поваленного дерева.

– Что я здесь делаю? – сказал Люк, уходя дальше по тропе. Хатч шел за ним, опустив голову, с бледным и грустным лицом. Его явно тяготила сложившаяся ситуация и навязанная роль родителя, принимающего все решения.

– Да, я не мог позволить себе эту поездку, но я не дам называть себя неудачником. – В груди у Люка защемило. Он хотел оправдать свои действия, вызванные обидой на Дома, но не смог.

Хатч посмотрел на небо и зажмурился от падающих на лицо дождевых капель.

– Вернись-ка я лучше к легкораненому.

– Он ничего не знает обо мне. Ничего. И никто из вас не знает.

– Да он ничего и не имел в виду. Как и все мы.

– Я что, придурок?

Хатч посмотрел себе под ноги и вздохнул.

– Ты тоже так считаешь. Все нормально. Так и скажи. Мне уже насрать. Я готов хоть сейчас уйти, Хатч.

– Хватит нести чушь. Мы уже сыты по уши.

– Я собирался пойти за помощью.

– Да, мы еще не дошли. Да, забуксовали. Но я хочу, чтобы вы все немного остыли. Иначе ни к чему хорошему это не приведет.

– Извини. Я просто не сдержался.

– Брось!

Они не могли смотреть друг другу в глаза. Они смотрели на землю, на небо, на бесконечные деревья и кусты вокруг, которые были им совершенно безразличны.

– Хатч, я прошел несколько километров. Достиг конца тропы. Весь ободрался, чтобы найти выход. А когда вернулся... я так разозлился. И не сдержался. Потому что... вы почти не сдвинулись с места. Будто в этом не было никакой необходимости.

– Херня все это, и ты это знаешь.

– Я хотел...

– Они не могли идти. Они оба сломались. Я просто пытался их подбодрить. Поддерживал разговор и пытался отвлечь.

– А я все изгадил.

– Абсолютно.

Люк вздохнул. Потрогал свое лицо там, куда Дом нанес удар. Даже не болело, просто опухло.

– Мне нужно много чего тебе сказать.

Хатч повернул голову в сторону.

– Нашел выход?

Люк покачал головой.

– Не. Все гораздо хуже. Гораздо. – Он пнул ногой куст.

Хатч зажмурился и застонал. Потом открыл глаза и вздохнул.

– На следующий год арендуем караван.

– Я уже собирался плюнуть и повернуть назад, когда наткнулся на кладбище.

Он снова привлек внимание Хатча.

Люк кивнул.

– Там были плиты или стоячие камни. Называй, как знаешь.

– Рунные камни.

– Рунные камни. Все заросшие. В кустах, под которыми я полз. А с другой стороны от них стоит церковь.

– Что за херню ты несешь?

– Правда. Какая-то старая церковь. Типа той, что мы видели в Скансене. И лес вокруг нее чуть более редкий.

23

– Странно. Очень странно, дружище, – сказал Хатч Люку, семенящему за ним по пятам через кусты, словно маленький ребенок за мальчиком постарше.

– Что?

Хатч остановился у груды камней, сваленных вокруг небольшой возвышенности посреди заросшего кладбища. На утопающих в зелени камнях лежала наклоненная плита. – Это кромлех. Бронзовый век.

Люк покосился на Хатча, зажав фильтр сигареты онемевшими губами.

– Это была крыша, – Хатч похлопал по плоскому наклонному камню, лежащему на вершине груды. Такие камни воздвигали на кургане. Это могильный холм. Вот почему они так расставлены. Камни под этой плитой служили боковыми панелями, но упали. А там, – Хатч указал прутом на другой небольшой холм за курганом, – еще один кромлех. Или дольмен. Это старые, очень старые могилы, дружище.

Внезапно он повернулся и указал прутом на дальнюю часть просеки, на заросли белоствольных берез и ежевики, окружавших обнажение больших, округлых, серых от оленьего моха камней. До этого они обошли все вокруг в поисках других рунных камней. – А это частично разрушенная коридорная гробница. Большая, несомненно. Футов двадцать в длину. Видишь те два вертикальных камня? Похоже на вход. Явный признак, что это коридорная гробница. Такие есть по всей Швеции. И дольмены тоже. Но, как правило, они не встречаются

в одном и том же месте. Коридорные могилы относятся к железному веку.

Он оглянулся с каменным лицом.

– А если помотришь вокруг, эти длинные плоские камни, о которые мы спотыкаемся, части вертикальных каменных гробов, построенных гораздо позже. Полагаю, мы видим лишь малую часть рунных камней. Остальные скрыты деревьями. Но, держу пари, они образуют круг. Окружающий периметр – гораздо более старое место, так как тут есть кромлехи и коридорная могила.

– Взгляни еще на деревья. Тут есть каштаны. Дубы. Рябины, а еще березы. Они словно служат ограждением. Границей для создания внутреннего покоя. Такие есть у христианских погостов. То есть эти деревья были посажены позже. Вероятно, за последние несколько столетий, когда была построена церковь. Удивительно. Какая находка!

Люк молча смотрел на напряженное, заинтересованное лицо Хатча.

– Могилы каменного века построены, наверное, за три тысячи лет до нашей эры. Они такие старые, что похожи на груды камней. Я прошел бы мимо, если бы не увидел рунные камни и церковь. Кромлехи и коридорная могила были почти полностью засыпаны. Либо разрушены. И видны лишь их фрагменты, понимаешь? Но в какой-то момент все это будто законсервировали. Не недавно, но где-то в последние несколько столетий. Они бы так не сохранились, если бы о них не заботились. Кто-то присматривал за этим местом около четырех тысяч лет, когда церковь еще не стала заброшенной, а каменные могилы опрокинутыми.

Люк внимательно посмотрел на Хатча. Словно ожидая финального резюмирования, которое пролило бы свет на то, как это поможет им выбраться из леса. Он не хотел, чтобы энтузиазм Хатча закончился рефреном, что они заблудились в лесу с неисследованным захоронением, которому четыре тысячи лет. И что они потратили сегодня шесть часов, чтобы прийти к нему по старой тропе. Тропе со следами от колес телеги, ведущей от тех затерянных среди деревьев, жутких домов. Хатч подмигнул ему.

Пошли в часовню.

Каменный ярус у фундамента просел в черную землю, а следующий ярус сполз вниз, накренив строение к земле. Прямые углы и линии выгнулись. Все здание перекошило. Крыша отсутствовала.

Некоторые балки с шиферной плиткой сохранились, обнажившись как кости почерневшей грудной клетки. Трехоконные переплеты с обеих сторон зияли пустотой. С железных шарниров свисали остатки сгнивших деревянных ставень. Другие видимые металлические части почернели либо насквозь проржавели.

В двадцати футах от разрушенного крыльца часовни молча сидели на своих рюкзаках деморализованные и обессиленные Фил с Домом. Дом снова закатал штанину и придерживал грязную повязку, наложенную Хатчем на распухшее колено. Рот у него был разбит, а из рассеченной нижней губы по грязному подбородку все еще текла кровь. Кончик носа покраснел и распух, верхняя губа была малинового цвета. Из ноздрей торчали кусочки туалетной бумаги.

Стоя у крыльца часовни, Люк, чувствуя дискомфорт, понял, что они с Домом оказались так близко друг от друга впервые с момента драки. Он едва мог поверить в случившееся, стыдился инцидента и был обеспокоен своим душевным состоянием. Он был обессилен, сахар в крови понижен... он почти не спал последние трое суток... и все же. Это он напал на Дома. На Дома, своего друга.

Вплоть до сего момента Люк держался тропы, ведущей к кладбищу. Он шел впереди и следил, чтобы остальные видели его и знали, что идут в правильном направлении. Иногда Хатч кричал:

– Шеф, где ты?

Или:

– Шеф, покажись!

Но теперь, когда они с Хатчем, закончив прогулку по кладбищу, обратили внимание на разрушенную церковь и все собрались в одном месте, Люку стало труднее держать дистанцию с Домом.

Когда он увидел, что сделал с лицом Дома, ему стало плохо. Чувство вины продолжало вызывать в его памяти выражение шока и страха на лице друга во время его второй атаки, и он едва мог думать о чем-то другом. Оно душило его. Когда они вернутся домой, ему нужно обратиться за помощью: такая потеря самоконтроля уже не первая.

Люку отчаянно хотелось извиниться, но допустить очередную стычку он не мог. А она произойдет, рано или поздно. В какой-то момент Дому придется выпустить пар. Люку оставалось лишь убеждать себя, что он искупит вину, выведя всех из глуши. Найдет

выход. Сперва воду, потом выход. Он сделает это для тех, кого когда-то любил, как братьев, даже если их дружбе пришел конец.

Хатч уставился на выветренную каменную арку над дверным проемом. Наклонился ближе и осторожно поскоблил камень перочинным ножом. Люк стоял у него за спиной. Если бы тлеющая злоба не лишила Дома дара речи, он уже сейчас орал бы на Хатча, требуя объяснить, что тот нашел в этих старых кусках камня, тогда как он проголодался, промок и заблудился. По крайней мере, приятно было не слышать, как этот голос нарушает тишину и уединение, которое им удалось найти среди бесконечных зарослей.

Хатч похлопал рукой по арке, словно показывая, что она выстоит, даже когда остальное здание превратится в груды камней.

Два ее каменных столба были покрыты изображениями то ли людей, то ли животных. Из-за слоя лишайника, который Хатч пытался отковырять перочинным ножом, трудно было сказать, что именно они из себя представляли. Персонажей и скачущие фигурки в центре каждого столба обрамляли рунические надписи и прочая витиеватая резьба. На оббитой известковой арке над гранитными колоннами были вырезаны колеса с угловыми отметинами. Сверху дверной проем должен был завершать деревянный конек, но от него остались лишь темные сырые обломки.

Стены внутри некогда покрывала штукатурка. Сейчас она почти вся осыпалась, обнажив грубые гранитные блоки. Открытый камень был испещрен молочно-зеленым лишайником. Напротив кафедры, похожей на грубо вытесанную из скалы каменную глыбу, в два ряда стояло то, что осталось от провисших деревянных скамеек. Сгнивших от сырости и пораженных черным грибом. Верхнюю часть алтаря заполонил лесной мусор. Пол был чуть ли не по колено завален перегнившей листвой и мертвыми ветками, нападавшими сквозь дырявую крышу.

– Небольшой приход, – сказал Хатч. – Человек двадцать.

Люк не мог заставить себя говорить. Он испытывал неловкость в присутствии Дома. Чувствовал, как спину сверлит его ненавидящий взгляд.

– Хотя странно. Очень странно. – Хатч ступил из-под арки на пол церкви. Люк последовал за ним. Пол был мягким, как губка. Буквально

шевелился под ногами, словно он ступал по матрасу. Внезапно пол накренился.

Хатч тут же упал на бок, провалившись почти по пояс в листья за первым рядом скамей.

– Черт! – Хатч не мог сдвинуться с места. – Я провалился!

Люк посмотрел себе по ноги.

– С тобой все в порядке?

Хатч не ответил. Не в состоянии двигать ничем, кроме головы, он смотрел вниз, туда, где исчезли его ноги. Потом приподнялся на одной руке, погрузив ее по локоть в гнилые листья, чтобы найти точку опоры.

– Хатч, с тобой все в порядке?

– Думаю, да. Только боюсь посмотреть.

– Вот. Хватайся за руку.

– Осторожно, – сказал Хатч. – Здесь все прогнило насквозь.

Люк остановился, затем медленно двинулся к стене слева, интуитивно чувствуя, что у основания стен пол должен быть крепче.

Хатч стоял, целиком погрузившись в образовавшееся отверстие.

– Хорошо, что древесина мягкая. Представь, что натворили бы щепки.

– Или ржавые гвозди.

Хатч запрокинул голову назад и крикнул дырявой крыше:

– Да пошла ты на хрен! – Затем вытащил ногу из ямы и попытался нащупать подходящий кусок доски справа от себя, способный выдержать его вес.

– Я иду, – сказал Люк.

– Не. Так мы оба провалимся.

Люк издал приглушенный смешок, показавшийся ему слишком агрессивным. Он замолчал, спрятав улыбку.

Сбоку пол был прочнее, и Люк осторожно стал пробираться к последнему ряду скамей. Затем перешагнул через первую черную скамью и оказался в пространстве между двумя рядами. Он едва смог поставить между ними одну ногу.

– Похоже, люди здесь были совсем маленькими. Как дети.

Его собственные наблюдения слабо, но ощутимо нервировали его. Это всегда касалось интерьеров исторических зданий, где он проходил, нагнувшись, через крошечные двери и видел маленькие кровати, служившие давным-давно умершим людям. Возможно, это было

внезапным и нежелательным напоминанием о бренности его собственной жизни, заставляющим остро и болезненно испытывать ощущение пугающей потери. Все проходит. Все, кто жил здесь и пользовался этой мебелью до того, как она стала антиквариатом, обратились в прах. Промозглая гнетущая атмосфера замкнутого истлевшего пространства, в котором он находился, лишь усугубляла чувство одиночества. Несмотря на дождь, он был рад, что здесь нет крыши. Был рад даже этому тусклому мертвенному свету. Внезапно он почувствовал благодарность к остальным за компанию.

– Святым это место можно назвать в последнюю очередь, – выпалил он, не удержавшись.

– Знаю, что ты имеешь в виду. – Хатч снова обрел опору и стоял в узком проходе между скамьями, проверяя пол перед собой осторожными шажками, словно шел по льду.

Люк перешагнул через следующий ряд скамей, но та секция пола, на которую он поставил ногу, была мягкой и прогибалась. Он отдернул ногу и стал искать более прочное место. Хатч добрался до алтаря.

– Думаешь, пол, где ты стоишь, выдержит наш общий вес? – спросил Люк Хатча.

– Ага. – Хатч стал счищать толстый слой сгнивших листьев с поверхности алтаря, пока его голая рука не коснулась камня.

Люк осторожно приблизился к алтарю сбоку, вытирая спиной темную стену, представлявшую собой в основном голый камень. Штукатурку давно размыл дождь. Он понятия не имел, как давно. Но что давно, это точно.

– Есть на нем что-нибудь? – спросил он.

– Вроде принесенной в жертву девственницы? – ответил Хатч, даже не улыбнувшись.

– Руны, и все такое?

– Нет. Странно, но он полый. Видишь, прямо в центре выдолблено углубление.

– Купель для крещения.

Хатч кивнул.

– Может ты и прав, шеф.

– А раньше что ты имел в виду?

– А?

– Раньше. Ты сказал, что он странный.

Хатч бросил на Люка хмурый взгляд, но потом морщины на его грязном лбу разгладились. Он постучал пальцем по верхней части камня, за которым стоял.

– На каменной арке нет распятий. Вся резьба на ее поверхности языческая.

– Правда?

– Тоже старая. И те руны. Знаешь, такие круговые знаки на резьбе у викингов? Змеи? Длинные змеи, заглатывающие хвосты друг друга?

– Да.

– Похоже, когда-то на ней была пара таких, окруженных изображениями, – он махнул рукой в сторону двери и леса, – ветвей и листьев. – Только дождь повредил большинство рисунков.

– Класс. Я посмотрю.

– Я сколол со столбов ножом немного грязи. Очень странно, но постройка довольно простая. Как сарай или ферма. Наверное, когда-то здесь была христианская церковь. Может, как раз в последнее время. А странно, потому что здесь нет христианских символов. Надгробий тоже. То есть никто не жил здесь последнюю... тысячу лет. Как такое возможно?

– Церковь была построена на более раннем месте?

– Именно. На каком-то священном месте, я думаю. И церковь, похоже, когда-то была центром того... поселения, которое мы нашли. Ему не может быть больше ста лет, как и этому зданию. Люди продолжали ходить сюда для поклонения, но перестали хоронить здесь своих мертвецов. Странно.

Подобные намеки вызвали неприятные ощущения в пустом желудке Люка. В водовороте нахлынувших беспорядочных мыслей он хотел засыпать Хатча вопросами, но придержал язык. У него вдруг возникло сильное желание снова отправиться в путь. Подальше от этого места, и как можно быстрее.

– А другая странность в том, – сказал Хатч, поднимая вверх обе руки, – что все это по-прежнему находится здесь.

Люк нахмурился.

Хатч указал на каменный постамент.

– Никто не увез ничего в музей. Не думаю, что в лесах осталось много хороших экземпляров норвежской резьбы. Все они вывезены и сохранены. Защищены от кислотных дождей в витринах музеев Люнда

и Стокгольма. Вот где я видел их раньше. – Хатч понизил голос. – Поэтому, между нами говоря, похоже, никто не знает, что здесь есть такое.

Люк не мог скрыть потрясение, услышав озвученный факт, хотя сам пришел к такому же неутешительному выводу.

– Никто не был здесь с того времени, как это место бросили. Бьюсь об заклад, шеф.

Люк покачал головой в недоумении, стараясь скрыть беспокойство. Хатч понизил голос еще сильнее.

– Если бы мы не заблудились, не промокли и не проголодались, было бы круто сделать такое открытие. Мы попали бы в газеты.

– Но сейчас здесь просто странно и страшно.

– Именно. Поэтому мы можем попасть в газеты по другой причине.

Они переглянулись, изобразив дикие ухмылки, когда снаружи раздался крик Фила.

24

Люк пулей выскочил из церкви. Дом поднялся на ноги, готовый то ли сжаться в комок, то ли бежать прочь. Фил стоял по колени в подлеске, спиной к часовне и смотрел в сторону заросшего кладбища. Когда он повернулся, его лицо было окаменевшим от страха. Такое же выражение было у него, когда его нашли в лачуге, голым и бредящим. Брюки у него были растегнуты. Похоже, он собирался отлить. Не будь он так встревожен увиденным, забавное было бы зрелище.

Откуда-то сзади доносилась громкая ругань Хатча. Он не пошел из церкви вслед за Люком.

– Что случилось? – крикнул Люк Филу и, не получив ответа, посмотрел на Дома.

Дом хлопал глазами.

– Я не знаю, мать твою.

Сперва Фил кричал так, будто его укусили или обожгли. Но потом в его крике стало больше страха, чем боли. К тому моменту как Люк, перемахнув через скамьи, выскочил из здания в заросли, Фил замолчал и неподвижно стоял под дождем. Это было страшнее, чем крик.

Люк посмотрел на затылок Фила, закрытый синим заостренным капюшоном куртки.

– Филлерс, что такое?

Фил смотрел сквозь деревья в сторону двух рунных камней, проглядывавших из зарослей перед церковью. Услышав голос Люка, Фил быстро заправил рубашку и застегнул штаны. Развернулся и бросился сквозь подлесок к церкви. Спотыкаясь, будто зачерпывал ногами морскую воду.

Дом и Люк, не удержавшись, переглянулись, но потом, смутившись, отвернулись друг от друга. Дом посмотрел через плечо Люка и заорал:

– Хатч! Тащи сюда свою задницу. Сейчас же!

Хатч ответил что-то из недр церкви. Его голос был слишком глухой и тихий, чтобы можно было разобрать слова. Будто он был занят чем-то. Но что сейчас могло быть важнее устроенного Филом шума?

– Хатч! – Люк большими шагами направился к зданию. Он заглянул в дверь и увидел Хатча, наклонившегося вперед в полутьме. Часть пола вокруг него провалилась, и скамьи с одной стороны скатились в центр прохода, через который Хатч пытался перебраться.

– С тобой все в порядке, дружище? – спросил Люк.

Хатч кивнул.

– Чего не скажешь об этом дерьме. Он потянулся вниз и подобрал с пола мертвые ветки и листья. Бросил мусор на упавшие скамьи.

– Старик, там что-то с Филом стряслось. Ты бы сходил туда.

– Знаю. Я видел из двери. Он просто стоял. Что там такое? Змею увидел? Я же вам рассказывал про гадюк. Нужно потопать, прежде чем заходить в подлесок.

– Не думаю, что это змея. Какого черта ты там делаешь?

Хатч поднял грязное лицо. На фоне темного, истлевшего пола белели только его зубы и белки глаз. Вид у Хатча был нездоровый. Лицо покрылось морщинами и осунулось. находка, похоже, лишила его последних остатков юмора и оптимизма, едва начавших оживать во время осмотра кладбища.

– Господи Иисусе. Не знаю, что с этим делать.

Люк, осторожно переступая, двинулся внутрь здания.

– Что? Что такое?

– Не уверен, должен ли я это трогать.

Люк осторожно оперся на спинку целой скамьи и заглянул в яму, в которой стоял Хатч. Его ноги утопали в куче крупных мокрых листьев, слипшихся от недостатка света в коричневатую кашу. А еще там были

другие предметы, которые Хатч частично очистил от листвы. Они походили на мертвые, почерневшие от сырости ветви деревьев.

– Что там такое, Хатч?

Хатч поднял лицо.

– Кости. Человеческие кости.

– Склеп? – Люк едва слышал себя. Ему пришлось успокоиться, чтобы унять дрожь в голосе.

– Хатч покачал головой. – Они не были погребены. Гробов нет. Кости просто свалены в кучу. Все раздроблены. Черепа разбиты.

– Черт, нет.

Хатч наклонился и что-то поднял.

– Не трогай! – инстинктивно воскликнул Люк.

Хатч поднял предмет и выставил его под водянистый свет, падавший на них с усиливающимся холодным дождем.

– Это от какого-то животного. – Он поднял длинное ребро. Потом бросил и, громко хлопая, отряхнул руки. Снова нагнулся, пошарил в черном сыром мусоре под ногами. – Нижняя челюсть. Три позвонка. Еще одна куча ребер. Может, от лошади или лося. Не знаю. – Снова нагнулся. – Тут все перемешано с этим... – Следующее, что он поднял, оказалось человеческой грудной клеткой. Когда он вытащил ее из груды листьев, от нее беззвучно отвалилась рука. Грудная клетка была светло-коричневого цвета, что уже вызывало тревогу. Она выглядела более свежей, чем кости животных. – И этим. – Тут он поднял человеческий череп. Нижняя челюсть отсутствовала, верхний ряд зубов почернел, затылок был раздроблен. Он бросил его, энергично вытерев руки о штаны.

– Останки людей и животных перемешаны. Очень странно. И они не все старые. То есть, они лежат здесь давно, но некоторые дольше других. – Теперь он разговаривал сам с собой, не обращая внимания на напряженное присутствие Люка. Словно, говоря вслух, он искал удовлетворительное объяснение тому, что считал ненормальным.

Они оба сейчас дрожали, несмотря на то что были одеты для непогоды. И дрожали совсем не от холодного воздуха и дождя.

Люк не мог даже сглотнуть. Больше, чем все пережитое за последние сутки, его потрясло то, что граница между людьми и зверьми в этом месте была стерта.

– Здесь еще детские кости.

– О боже, нет!

Хатч вздохнул и пошарил ногой в сырой темной каше.

25

Все присели на корточки вокруг Фила, уставившись на него. С темнеющего неба непрерывно лил дождь, монотонно стуча по курткам и рюкзакам. Фил был ужасно бледный. Его знобило. Он сунул руки себе под мышки, чтобы согреться. Бросив взгляд через плечо, он произнес:

– Оно здесь. Оно идет за нами.

Хатч и Люк посмотрели друг на друга, потом снова на Фила.

Люк выпустил два больших облака дыма в сырой воздух.

– Что именно?

Глаза Дома казались неестественно большими на его грязном, покрытом струпьями лице.

– Ты чего, нахер, несешь?

Фил сглотнул.

– Я видел...

Хатч застонал и опустился на колени.

– Дружище, успокойся. Успокойся и расскажи нам, что именно ты видел.

– Я пошел отлить. Смотрел на землю, чтобы не обрызгать ноги. А потом у меня появилось странное чувство. Знаете, будто рядом кто-то стоит. Взял и подошел. Стоит совсем рядом. А когда я поднял глаза... подумал, что это какое-то дерево. Вон там. Оно не двигалось, но что-то с ним было не то. Я посмотрел и... оно шевельнулось.

Люк прищурился от дыма.

– Да? – Двое других повернули головы в сторону заросшего кладбища.

– Вон там. – Фил показал на рощицу возле первого рунного камня, мимо которого они прошли. – У тех деревьев. С краю. Что-то вышло из-за них, а потом очень быстро вернулось и исчезло. Не издав ни звука. Все произошло очень быстро.

– Какое-то животное? – спросил Хатч.

Фил покачал головой.

– Я подумал, что это мертвое дерево. Типа тех, в которые попала молния. Но потом... я не знаю... мне показалось, что оно стоит на двух ногах. Вертикально. И оно очень высокое. Там темно было. Но оно будто маскировалось, потому что стояло очень тихо.

– Прекрати, мать твою, – сказал Дом. – Это не смешно. Только не здесь.

– Я не шучу, Дом! Я видел кое-что. И я видел это во сне прошлой ночью. В том доме. Оно спускалось по лестнице.

– Довольно, – рявкнул Дом. – Я изо всех сил стараюсь забыть прошлую ночь. И ту хрень, которую мы видели вчера на дереве.

Люк посмотрел в сторону леса. Затем перевел взгляд на Хатча. Даже под грязью было видно, как побелело у него лицо и нервно подрагивали веки.

– Вы мне не верите? – спросил Фил.

Лицо Дома напряглось так, что из-под сжатых губ показались зубы.

– Да, не верим! Поэтому прекрати водить нас за нос!

– Что-то здесь не так, – тихо сказал Люк, будто сам себе.

– Ты о чем, мать твою? – требовательно спросил Дом.

– Ни о чем. Но в той перегнившей каше – Люк указал на заброшенную часовню, – полно человеческих останков. Они в том еще состоянии.

– Что? – Даже под грязью было видно, как побледнело лицо Дома.

Хатч покачал головой. У него был такой вид, словно он получил дурные вести.

– Здесь произошло что-то ужасное. Рискну предположить, что те люди плохо кончили.

– Плохо кончили?

– Они разорваны на куски. Головы разбиты. Как после бомбежки.

Фила затрясло еще сильнее. На этот раз Дом промолчал.

– Как? – спросил Фил Хатча. В его вопросе звучали и мольба, и любопытство.

Хатч сглотнул.

– Слава богу, мы не пошли в те два здания. Бьюсь об заклад, что нашли бы там нечто подобное.

– Что это, Хатч? – умоляюще спросил Фил.

– Не знаю, дружище. И не уверен, что хочу знать. Он встал. – Колдовство. Черная магия. Какой-то древний культ. Шведы – очень

религиозный народ. Я просто не знаю. Нам тут морочат голову, ребята. Это просто нехорошее место. Вот оно нас и доканывает. Ты видел какое-то животное, Фил. Лося или оленя. В этой части страны они повсюду. Вот и все. Мы нервничаем, что вполне естественно. Но давайте успокоимся и немного подождем. – Он бросил на Люка жесткий взгляд. – Давайте держать себя в руках, хорошо?

Люк тоже встал и посмотрел на деревья.

– Сейчас два часа. Нам нужно принять твердое решение, если хотим выбраться отсюда до наступления темноты. Волевое решение. Я предлагаю вернуться и попытаться выйти тем же путем, которым пришли накануне.

– Значит, придется снова проходить мимо того гребаного дерева, – проворчал Дом. Его страх обернулся злостью.

– И мимо дома, – сказал Фил, и снова ушел в себя. По его голосу было слышно, что он чуть не плачет.

– Либо, – сказал Люк, поднимая вверх ладони, – попытаем счастья с другой стороны просеки и просто прибавим шаг.

Дом посмотрел на него, как на конченого идиота.

– Как мы можем «просто прибавить шаг» в таком состоянии?

– Сделаем все возможное. Я достану тебе костыль.

– Не нужен мне гребаный костыль. Мне ничего от тебя не нужно.

Хатч закрыл обеими руками лицо и застонал. Он продолжал стонать, пока все не замолчали. Не говоря ни слова, поднял свой рюкзак и просунул руки в лямки.

– Новая земля? – спросил Люк примирительным тоном.

Хатч кивнул.

– Класс. Если у кого-нибудь есть вода, я был бы признателен за глоток.

– У меня кончилась, – сказал Фил, судорожно нащупывая свой рюкзак, будто испугавшись, что другие собираются оставить его одного.

Хатч протянул Люку бутылку. Она была заполнена наполовину. Их последняя вода.

Ютясь под крошечным навесом у входа в палатку, Хатч и Люк сидели и смотрели на огонек, дрожащий над конфоркой газовой печи.

Моросил дождь. Серый сумеречный свет рассеивался с наступлением ночи. С каждой минутой, пока они ждали появления пузырьков на темной поверхности супа, становилось все труднее видеть собственные ноги, не то что тарелки и кружки. Земля была слишком сырой для костра, как и валежник, который мог бы пойти на растопку.

В дальней части заброшенного погоста заросли карликовых берез, ив и колючего кустарника были не такими густыми, но скорости им это не прибавило. Во-первых, из-за акров папоротника, росшего из болотистой почвы и доходившего до пояса. Во-вторых, из-за скользких от лишайника скалистых образований. В одном месте Дому потребовался почти час, чтобы перебраться через торчащие из земли валуны. После каменистой почвы они снова попали в густые заросли. С тех пор как покинули церковь, сквозь полог листвы проглядывали лишь редкие обрывки водянисто-серого неба.

В семь часов Хатч положил конец их медленному, нерешительному движению через лес, объявив привал. До наступления темноты оставался еще час или даже полтора, но Фил с Домом исчерпали все свои ресурсы. Дом дважды молча садился в лесу, не способный или не желающий идти дальше. Движения Фила стали неуклюжими и нескоординированными, как у пьяного. В некотором смысле он был опьянен изнеможением.

Темнота в лесу всегда наступала раньше обычного. Они даже проверили часы. Поднесли к ушам и послушали. Уже в четыре часа дня под древним пологом листвы, казалось, наступала ночь.

За весь день они прошли шесть, максимум семь километров.

Лесная почва вокруг лагеря была так усеяна обломками деревьев, что поставить две палатки было почти невозможно. Сперва пришлось расчистить площадку. Хатч исцарапал все пальцы, разгребая валежник и папоротник. Теперь общими с Люком усилиями две палатки были установлены. Они провисли и трепетали на ветру, как сброшенные парашюты в меркнувшем свете дня. Под подстилками было столько корней, крапивы и шишек, что спать лежа не представлялось возможным.

Хатч предчувствовал, что придется провести ночь, сидя или свернувшись калачиком в углу двухместной палатки. По крайней мере, внутри сухо. Что-то вроде этого Хатч пообещал остальным. Все промокли насквозь ниже пояса. Из-за джинсов у Фила началось

сильное раздражение на коже. Ему удалось медленно стянуть сырые штаны до колен, но потом он понял, что обратно ему их не надеть, поэтому оставил брюки спущенными наполовину. Внутренняя поверхность его бедер блестела от пахучей мази. Завтра ему придется втиснуться в пару грязных верхних брюк, которые Дом носил первые два дня похода. Фил молча лег в палатку поверх спального мешка.

На чехле от спального мешка Хатча были разложены оставшиеся запасы продовольствия. Впереди ждал голод. Дом потребовал существенного обеда. В результате в маленьком металлическом горшочке на туристской печке оказалась последняя еда, которую они смогли приготовить из двух оставшихся пакетов с сухим супом, упаковки соевого фарша, щепотки сушеного пряного риса и последней банки сосисок для хот-догов. После этого каждому досталось по четыре энергетических батончика, один шоколадный на всех, немного леденцов и жевательная резинка. Сегодняшний ужин состоял из кружки супа, приготовленного на прокипяченной болотной воде, и двух сосисок с соевым фаршем. Все настолько устали, что могли лишь сидеть и смотреть, как содержимое горшочка доходит до готовности.

У периметра каменистых образований Люк нашел ручей. В трех разных местах из земли пробивался коричневатый ручеек. Основной канал, похоже, шел под землей. По крайней мере, эта мутная вода находилась в свободном доступе, была прохладной и свежей. Десять минут они сидели и насыщались в тишине. Потом наполнили водой пластиковые литровые канистры и фляжки. После этого Хатч почувствовал головокружение и тошноту. Но это не помешало им вдоволь напиться свежей водой впервые за последние два дня.

Их жалкий лагерь оказался в лучшем за последние несколько часов месте. Здесь они были защищены от холодного ветра, который мог проникать в сумерках сквозь деревья, а под ногами была более-менее ровная, после расчистки от кустарника, почва. Когда установили палатки, Хатч приступил к подготовке печи и сбору ингредиентов. От усталости никто не мог разговаривать. Они даже не смотрели друг на друга.

Люк выбился из сил. Болели ноги, жгло ягодицы. Интересно, какое расстояние смог бы он преодолеть в одиночку? Как минимум, в два раза большее, чем они прошли группой. Может, даже нашел бы опушку леса. Кто знает? Стоило им удалиться от той жуткой церкви,

как ему захотелось избавиться от остальных. Каждая секунда переносимых с тех пор страданий подпитывала обиду на Фила и Дома из-за их медлительности. Из-за того, что своей физической неподготовленностью к походу они подвергали риску всех. И в нем продолжала кипеть злость на Хатча, принявшего опрометчивое решение срезать путь. Больше всего винить он должен был самого себя, но он переводил свою злость на других. И он знал это. Срезать путь было против его инстинктов. Как и их утреннее решение продолжить движение по тропе на запад, в неизведанные земли. Оба эти маршрута были неправильными. Он знал это, но пошел за остальными, не выразив достаточных возражений. Почему? То же самое с их вчерашним вторжением в чужую лачугу. Он участвовал в этом вопреки своим инстинктам. И посмотрите, что случилось. Той ночью они растеряли всю энергию и способность к сопротивлению. Что-то страшное произошло с каждым, нечто, что впоследствии они могли списать на воздействие среды или усталость. Но те сны не были случайными.

Люк хотел избавиться от всего и ото всех. Завтра он уйдет. Пойдет за помощью, на свой страх и риск. Он принял это решение ранее, вечером. И когда он отвел Хатча в сторонку и шепнул об этом, старый друг лишь кивнул в знак согласия. Не проявив ни обычного энтузиазма по поводу новой стратегии, ни высказав ни единого возражения. Просто медленно кивнул головой. Смотревшие из грязных глазниц глаза Хатча казались постаревшими и какими-то тусклыми.

Они в полной заднице. У них реальные проблемы. Этот день был пустой тратой времени. Продукты закончились, а Фил с Домом лишились остатков сил. Поход превратился в борьбу за выживание. Это почувствовалось в течение дня. Может быть, утром. Это выжалось во всем, а не в чем-то конкретно. И только сейчас, когда они перестали шататься по кустам, Хатч наконец понял всю серьезность ситуации. Осознание этого факта тяготило Люка. Но, по крайней мере, оно успокоило водоворот мыслей в его голове и убедило в правильности собственного выбора, который утром вызвал у всех такое возбуждение.

Теперь не было ни выбора, ни споров. Кто-то должен идти за помощью. Тот, кто больше к этому готов. Он или Хатч. А второй останется со страдающими от изнеможения и избыточного веса Филом

и Домом. К тому же у Филя ужасные волдыри, а у Дома – распухшее колено. Хатча не радовал такой расклад, но он был обусловлен стычкой Люка и Дома.

Люк уйдет на рассвете. На юг, со вторым компасом. Поспав нескольких часов. Он ждал этого с нетерпением, несмотря на риск. Он не мог позволить себе задумываться о таких ловушках, как бездна одиночества, внезапно разверзшаяся и грозящая поглотить. Ему просто придется идти через это безумие, страх и ужас, ни на что не отвлекаясь. Но прежде чем покинуть остальных, он хотел кое-что уладить.

– Дом?

В недрах палатки он видел, как Дом лежит в тишине, подложив рюкзак под больную ногу. Никакого ответа.

Хатч поднял голову и, хмуро посмотрев на Люка, покачал головой.

– Не сейчас, – беззвучно произнес он.

Люк кивнул и вздохнул. Затем посмотрел на темную крышу из древесных ветвей и тяжелых мокрых листьев, под которой они расположились. Отдельные ветви и сучья объединились в чернильно-черный полог, сквозь щели в котором проглядывали крошечные фрагменты бледного неба. Люку на лицо упали мелкие брызги. По земле размеренно стучали тяжелые дождевые капли. Вода всегда находила к ним путь.

– Все готово, парни, – объявил Хатч.

Фигуры в палатках зашевелились. Дом застонал, потом высунул руку из-под навеса. В ней была металлическая миска.

– И не скупись на сосиски. Даже если они со вкусом мошонки.

Хатч ухмыльнулся.

– Мне пришлось кое-что добавить в соус для густоты.

У Люка не было сил смеяться.

Фил включил в палатке фонарик, чтобы найти посуду.

– Потом запьем кофе.

Рот Люка наполнился слюной. Несмотря на сухое молоко, которое никогда полностью не растворялось, и пакетики сахара, спертые из хостела в Кируне, одна мысль о кофе вызывала у него ребяческую радость.

Они ели быстро и шумно, чуть не рыдая над тарелками, и как голодные кошки слизывали с них остатки жидкости. Кастрюли были

грязными с вчерашнего вечера, засохшие остатки пищи чувствовались на языке.

– Пожалуй, это лучшая еда, которую я когда-либо ел, – сказал Хатч, когда все закончили. Тон его голоса был легче и теплее, чем днем.

Люк хотел сказать, что не стоит упускать из виду простые вещи, которые на самом деле имеют значение. Но передумал. Он сомневался, что кому-то в лагере еще интересно то, что он думает. Сейчас рядом с ним все испытывали неловкость. Он чувствовал это всякий раз, когда пытался заговорить после стычки. Интуитивно ощущал исходившее от старых друзей напряжение во время расчистки площадки для лагеря и установки палаток. Обе задачи выполнил большей частью он, но его усилия остались незамеченными. Вновь появившееся беспокойство, что его превращают в изгоя, перерастало в раздражение.

Он закурил сигарету и задумался о том, почему стал крайним с момента их встречи в Лондоне шесть дней назад. Шесть дней? Казалось, прошло гораздо больше времени. Он заглянул в пачку и прищурился. Осталось всего восемь сигарет, а потом он залезет в неприкосновенный запас табака для самокруток: 12,5 грамм «Драма». Без табака он сойдет с ума. Готов в любое время променять еду на сигареты.

Он занервничал и вздохнул. Что-то и вправду случилось с ним к тридцати годам. Что-то, отдалившее его от других людей. Не только от друзей, но и от обычной мирской суеты. Он начал замечать, как переглядывались окружающие, стоило ему открыть рот. Как ухмылялись, когда он входил в офисы или на склады, где работал. Он нигде подолгу не задерживался и переходил на новую работу, тоже не приносившую удовлетворения. Его все реже куда-либо приглашали, а когда стукнуло тридцать два, и вовсе перестали. Лишь слабые и незащищенные женщины, казалось, чувствовали себя комфортно в его компании, хотя питали к нему слабый интерес, разве что находили поддержку. К тридцати четырем он был одинок. Одинок по-настоящему.

Еще в Лондоне и Стокгольме, перед походом, пока он не стал общаться с одним Хатчем, попытки заговорить с коллективом рассматривались как неуместные комментарии либо просто игнорировались. Никто даже не пытался поддержать выдвигаемые им предложения. Чаще всего ответом было молчание, а затем остальные

трое возвращались к своей дружеской беседе. Он мешал им. С самого начала похода над ним, в лучшем случае, подшучивали.

То, что он отдалился от своих старых друзей, озадачило его и глубоко ранило. Это могло закончиться тем же, что случилось в Лондоне, через несколько лет после того, как он там обосновался. Люк знал, как город способен изменить любого. А может, он всегда страдал фундаментальным разобщением с другими людьми, но не замечал этого в молодости? Он не знал ответ. Да и слишком устал, чтобы думать об этом и, тем более, анализировать. На хрен, что ему терять?

– Дом, послушай. Сегодня утром... – Люк глубоко вздохнул.

Лежавший в палатке Фил отвернулся, лег спиной ко входу. Хатч был все еще занят кипячением воды для кофе, но напряжение казалось Люку почти невыносимым.

– Извини, дружище. Я хочу сказать, что мне очень жаль. Я насчет сегодняшнего утра. Это было просто... неприемлемо.

Какое-то время Дом не отвечал. С каждой секундой молчания вокруг лагеря будто сгущался холодный воздух. Когда он заговорил, его голос был спокойным.

– Что было, то было. Но засунь себе в жопу свои извинения. Мне они не нужны. И пока не встанет ребром вопрос нашего выживания, я не обмолвлюсь с тобой ни словом до самого дома.

Люк посмотрел на Хатча, который недовольно поморщился и поджал губы, но продолжал заниматься приготовлением кофе.

Люка бросило в жар. Голова закружилась. Его душили эмоции. Все накатило снова. Жалость к себе. Гнев. Сожаление. Горло сдавило, как при свинке, переполнив рот привкусом железа.

– Ладно.

– Ладно, так ладно. И клянусь, если подойдешь хоть к кому-то из нас снова, мало тебе не покажется.

Они что, разработали общую стратегию защиты? Обсуждали его? Конечно, обсуждали. Когда он уходил на разведку. Драка была хорошим поводом для прений.

– Будто ты не виноват. – В нем снова заговорил инстинкт. Тот ужасный инстинкт, который он едва мог контролировать, если чувствовал себя оскорбленным. Честно говоря, так было каждое утро в лондонской подземке, а потом – большую часть дня на работе, в магазине подержанных пластинок.

– А? Разве я тебя провоцировал? На то, что ты сделал? Разве заслужил это? Психопат чертов!

– Дом, – строго сказал Хатч.

– Перестань, Люк, – сказал Фил. – Просто перестань. На сегодня хватит.

– Да пошел ты, – неосознанно вырвалось у Люка.

– Опять за старое, – сказал Дом.

Люк глубоко вдохнул. Сделал паузу. Посмотрел на кончик сигареты.

– Ты с самого Лондона меня достаем. Думаешь, приятно терпеть твои шуточки?

– Ох ты, бедняга, мать твою.

– Зачем ты опять меня унижаешь? Зачем?

– Завязывай, Люк, – сказал Хатч устало.

– Почему? Почему для вас всегда утомительно слушать меня? Я что, говорю что-то неуместное или глупое?

– Может, и так, – сказал Дом.

Люк проигнорировал комментарий, зная, что Дом пытается отыграться на нем за унижение, испытанное во время драки.

– Поверить не могу, что раньше мы были друзьями.

Дом не утихал.

– Мы больше не друзья, так что не напрягайся.

Внезапно у Люка исчезло всякое сожаление о нанесенных Дому побоях.

– Какого черта я делаю здесь, с вами? Эта мысль не покидала меня с того момента, как вы все появились у меня в квартире.

Дом приподнялся на локте, и Люк увидел его напряженное лицо в темном проходе палатки.

– Может, ты должен был уже тогда что-то сказать и избавить нас от своего общества на эти дни.

Люк громко рассмеялся.

– Забудь, что произошло утром. Кстати, сейчас я чувствую, что был прав. Просто забудь об этом на какое-то время и скажи. Скажи, какие у тебя ко мне претензии? Давай, выкладывай.

– Люк! – окрикнул его Хатч.

– Нет уж, позволь. – Люк снова перевел взгляд на Дома и медленно произнес:

– Что я такого сделал? Скажи мне. Ты постоянно меня доканываешь. Что бы я ни сказал, ты все отрицаешь. У меня нет права на свое мнение. Что бы я ни сказал, у вас с Филом на все есть саркастический комментарий. Или переглядываетесь с гнусными ухмылочками. Почему? Я из кожи вон лезу, но что бы ни делал, получаю взамен лишь неуважение. Будто я совершил какую-то непоправимую ошибку. Да, именно так. Неуважение. Но будь я проклят, если знаю, из-за чего заслужил это. Но я хочу это знать. Объясните мне.

Никто не проронил ни слова.

– Времена изменились, Люк. Мы все ушли вперед, – сказал Хатч.

– Что это значит? Только честно.

– Мы стали другими. Люди отдаляются друг от друга. Со временем. И в этом нет ничего плохого.

– Плохо приглашать кого-то в поход, а потом, отстранившись от него, смешивать с дерьмом. Даже когда все хреново, вы продолжаете так поступать.

– Ты зашел слишком далеко, – сказал Фил.

– Если мы тебя чем-то обидели, прости, – сказал Хатч. – Как нам сейчас с этим быть?

– Ты тут ни при чем. Ты ни в чем не виноват, Хатч. Я говорю не о тебе, а о той парочке.

Дом покачал головой.

– А ты никогда не думал, что некоторые твои слова могут нас бесить?

Люк поднял вверх руки.

– Какие, например?

Дом высунулся из палатки.

– Думаешь, кто ты есть на самом деле? Может, напомним нам, какой ты «вольный казак». Ни семьи, ни жены. Не веришь в моногамию. Не позволяешь никому орать на себя на работе. Не хочешь становиться заложником ответственности. Тебе уже тридцать шесть, дружище. Ты работаешь в лавке. Ты продавец. Тебе не восемнадцать лет. Но ты не изменился, и тебя сложно воспринимать всерьез. Потому что тебя до сих пор радует, что Lynyrd Skynyrd выпустили новый альбом.

Фил и Хатч захихикали.

Люк окинул взглядом всех троих, запрокинул голову и саркастически рассмеялся.

– Так вот оно что.

– Думаешь, твоя философия производит впечатление на людей, у которых в жизни есть хоть какая-то ответственность? Тогда, в Стокгольме, ты сказал, что сделал другой выбор. Какой выбор? Что ты сделал за свою жизнь? Честно? Чем можешь похвастаться?

Люк наклонился вперед и начал говорить повышенным тоном, пока не одумался и не понизил его.

– Это не соревнование. Мне не нужно то, что есть у вас. Честно, не нужно. А раз я не ведусь на это, вы пытаетесь выставить меня неудачником. Совершенно верно, я усложнил себе жизнь музыкальной лавкой, которая пошла кверху жопой. Переездом в Лондон. Но я – не бесцельный неудачник. Я работаю в магазине, чтобы свести концы с концами. Я не выбирал эту карьеру. Эта работа помогает мне платить за аренду. Я просто делаю это, и все. Я не такой, как вы думаете.

Фил хихикнул, и Люк понял, что тот смотрит на Дома. Ему что, тоже влечь? Он пристально посмотрел на Фила.

– Но вас это очень волнует. Вас бесит, что я не сижу, погрязнув в долгах, с какой-нибудь унылой сукой на шее. Вместо этого вы пиарите свою жизнь, будто хотите, чтобы я вам завидовал. Кто хотел бы такого, парни? Посмотрите на себя. Вы выглядите, как старые пердуны. Вы оба. Жирные, седые, а вам еще сорока нет. Это семья с вами такое сделала? Брак? Я тоже должен к этому стремиться? Завидовать? А если нет, я не в деле? Почему? Я вам отвечу. Потому что я напоминаю вам о том, чего вы не можете делать. Да, не можете. Потому что вам этого никто не позволит.

Дом просто покачал головой.

Фил тихо сказал:

– Сука.

Дом снова поднял глаза на Люка, пытаясь сдержать смех.

– Всякий раз, когда мы встречаемся, ты пытаешься утереть нам этим нос, на большее ты не способен. Задержка в развитии налицо.

– Что? Следовать зову сердца. Не идти на компромиссы. По-вашему, это удел неудачника?

– Только послушайте его, – тихо сказал Фил, проявив активность впервые после инцидента у церкви. – Он зарабатывает два с

половиной фунта в час и живет в той же жопе, из которой не вылезал со второго курса университета.

– И все же тебя это бесит, – сказал Люк. – По-настоящему бесит. Вы носите в себе лишь сожаление и обиду. Я не виноват, что вы оба боитесь своих тупых женушек.

Дом фыркнул.

– А ты трахаешь паршивых шлюх и живешь как бомж. О, я бы не задумываясь поменялся с тобой местами. И где ты проходил курсы по торговле компакт-дисками и музыкальной прессой? В гребаном Финсбери-парке?

– Почему женщины, с которыми я встречаюсь, – паршивые шлюхи, а злобные стервы, с которыми вы спите, значит... желанные? Респектабельные?

Хатч покачал головой. В темноте было сложно понять, улыбается он или нервничает.

– Парни, вы переходите все границы.

Но его никто не слушал. Теперь даже он раздражал Люка, потому что, как обычно, пытался защитить Дома. Он всегда с ним нянчился. Знают ли они, как они вместе выглядят? – Деньги, – продолжил Люк. – Это самое ценное, что есть у всех, так? То, что они зарабатывают?

– Ну, это преимущество. Лучше, чем ничего.

– Это единственный критерий, по которому вы сегодня судите людей. Чем они владеют, что покупают. В какое унылое говно ты превратился. И не притворяйся, что ты счастлив, дружище. Не обманывай себя, потому что меня не проведешь. Я видел тебя на свадьбе Хатча. Сколько раз вы ругались с Гейл? – Он зло посмотрел на Фила. – А вы с Мишель? У нее весь день лицо было, как у бульдога, жующего осу. Я отделался от пары таких несколько лет назад. Выставил их на улицу вместе с мешками для мусора. Даже в мыслях не было на них жениться. Я имею в виду, о чем вы думали? По мне, лучше очутиться на улице, чем однажды проснуться рядом с одной такой унылой рожей.

Хатч протянул руку и крепко сжал Люка за икру.

– Люк, Люк, Люк, хватит! Хватит!

Потом Хатч вскочил и, обращаясь ко всем, сказал:

– Парни, знать вас не хочу. Ноги моей больше не будет в одной с вами комнате. Если забуду, напомните. У нас нет больше ничего

общего. Протрите глаза. Мы сейчас по уши в дерьме. – Он двинулся в сторону деревьев, чтобы отлить.

– А кто в этом виноват, мать твою? – крикнул Дом ему в спину.

Люк еще не чувствовал, что закончил, что все высказал правильно.

– Когда выберемся отсюда, каждый пойдет своей дорогой.

– Хорошо, раз тебя это так волнует. Не буду больше навещать тебя. Можешь быть уверен, – сказал Дом и рассмеялся. В его голосе звучала нотка триумфа, отчего Люк с наслаждением вспомнил, как его кулаки прошлись по лицу уже бывшего друга.

– Принято.

– Мы пошли в поход лишь потому, что ты – нищелюб. Я, Филлерс и Хатч хотели отправиться в теплые страны, но ты не мог себе этого позволить. Хотели рвануть в Египет, понырять в Красном море. Вот что происходит, когда ты идешь на компромисс ради «свободного духа» и того, кто живет по своим правилам. Кто зарабатывает на жизнь торговлей компакт-дисками и вечно сидит без гроша. – Дом застегнул молнию палатки.

Люк сидел не шелохнувшись и пытался выровнять дыхание. Его снова душил гнев. В такие моменты он думал, что однажды когонибудь убьет.

– Тебе лучше подумать, – сказал он, обращаясь к закрытой двери палатки, – как завтра ты будешь вытаскивать отсюда свою бесполезную жирную задницу. Потому что, когда ты проснешься, меня здесь уже не будет.

– Да пошел ты.

27

Фил и Дом храпели в палатках. Фил издавал нечеловеческие звуки, словно какой-то двигатель. К такому шуму Люк не привык. Они с Хатчем молча слушали этот храп, сидя друг напротив друга. Между ними, в котелке варилась новая порция кофе. Пока вода была в свободном доступе, кофе имелось в избытке. Они курили, уставившись на голубое колечко огня на плитке. Он создавал хотя бы слабое ощущение уюта в темном, как дно океана, лесу. Тьма начинала дезориентировать, если всматриваться в нее и пытаться осмыслить все, что лезет в голову. Вокруг стучали капли дождя.

Люк замкнулся в себе, погрузившись в привычные мысли. Почему у одних людей есть все – карьера, деньги, любовь, дети, – а у других ничего? У него даже близко не было подобных вещей.

Или было? Он вновь обращался к нерешенным вопросам своего бытия. Если бы в молодости он женился на одной из тех девушек, которых бросил через год знакомства, таких, как Хелен, Лоррейн или Мел, походил бы сейчас на Дома, Филадельфия или Хатча?

Вся тяжесть последних лет снова навалилась на него. Даже здесь, в этом месте, в этих условиях, после всего, через что ему пришлось пройти, он не освободился от собственных мыслей. Всякий раз, останавливаясь передохнуть, когда внешние раздражители утихали, он чувствовал себя каким-то изношенным и смертельно уставшим от жизни. Он был вынужден признать, что не получил ничего взамен страданий, бездомности, изменения направления или отсутствие такового, за свои осечки и ошибки. И он признался себе, что всегда мечтал о том, что было у его друзей: о семье, доме, карьере, их мнимой удовлетворенности жизнью. Пару лет назад его осенило, что без всего этого нельзя рассчитывать на признание. И это действительно так. Особенно в этом мире, и когда тебе далеко за тридцать. В то же время он презирал себя за жажду иметь то, что есть у Хатча, Филадельфия и Дома, – недостижимые миры, которые многие считают чем-то само собой разумеющимся. Ненавидел себя за желание признания, зная, какие непростые чувства вызывает у него любая работа и отношения с другими людьми. Тем не менее, он мечтал обо всем этом. Это лежало в основе его жалкого существования и отчаяния. Может, он так и умрет неполноценным, неуверенным, разочарованным.

– Старик, я кое-чего тебе не рассказывал. – Хатч говорил тихо, но его голос был напряжен, будто он собирался сделать трудное признание.

Люк посмотрел на Хатча. Свет от огня выхватывал из темноты лишь его глаза и рот. В капюшоне и узкой шерстяной шапочке Хатч был едва узнаваем. Люк подозревал, что тот собирается рассказать ему о своих находках в церкви или лачуге, которые утаил от других. Либо о том, что он допустил просчет относительно их местонахождения на карте.

Люк приготовился слушать.

– Говори прямо. Это девиз сегодняшнего вечера. Только без иронии и всякого дерьма. А то я уже сыт по горло.

– Я заметил.

– Думаешь, я зашел слишком далеко?

– Не то слово. С тобой не соскучишься, шеф. Похоже, они в шоке от твоего поведения.

Люк почувствовал первые уколы совести, но обрел контроль над собой.

– Нет. Я не перегнул палку. Я должен был выговориться.

– Ясно.

– А ты просто стоял в стороне. У тебя тоже бывают моменты. Никогда не замечал, что кто-то топчет тебе яйца, когда у тебя кризис. Почему со мной должно быть по-другому? Я этого не потерплю.

Какое-то время Хатч молчал. Потом заговорил:

– Люк, я бы сказал, что в Лондоне ты спалил несколько предохранителей. Таких, которые не заменить. Сделал это сам. Когда я был консультантом по выплатам. Помнишь?

Вместо того чтобы инстинктивно включить защитный механизм, Люк кивнул.

– Сейчас я не в очень хорошей форме. Если честно, я уже сыт по горло.

– А попробуй направить свою ярость в правильное русло.

– Я иногда бываю очень зол. Наверное, я психопат или что-то в этом роде, – заявил Люк тоном, не терпящим возражений.

Хатч рассмеялся.

– Я серьезно. Этим утром. С Домом. Это уже не первый раз. Со мной было такое в метро, по дороге на работу.

– Ни фиги себе!

– Месяца два назад. Какой-то придурок влез в вагон, прежде чем я успел выйти. Знаешь, там объявляют, что сперва нужно выпускать людей. И еще про то, как перемещаться по вагонам. Но никто не слушает. Как бы то ни было, я полез в драку. Вытащил этого пиздюка за шею из вагона и уложил. На платформу. На глазах у трех сотен людей. Мне было плевать. Я просто хотел, чтобы этот засранец знал, что нельзя лезть в вагон, когда кто-то выходит.

– Тебя арестовали?

– Оштрафовали.

– Шутишь?

Люк покачал головой.

– Мне нужно найти выход, иначе я сойду с ума. В моей коробке не осталось предохранителей. Все перегорели. Расплавленная пластмасса и провода, дружище. Вот кто я такой. В этом году у меня был десяток стычек. На публике. И еще кое-что.

Он замолчал, сплюнув в темноту.

– Я просто очень зол. Все время. Было у тебя когда-нибудь такое?

– Не могу сказать.

– Это я, я, все время я. Понимаешь? Я, и только я. Я хочу остановить это. Хотя бы ненадолго.

– Вот почему я живу в деревне. Город мне не подходит.

– Думаю, ты прав.

– Знаю, Дэвон зовет. Пора домой, шеф.

Люк кивнул и почувствовал, что мыслями он где-то в другом месте.

Хатч вернул его в реальность.

– Тем не менее, я хочу рассказать тебе кое-что. Но только между нами.

– Что?

– Ты поймешь, почему я не хочу, чтобы ты поддевал толстяков насчет их жен. Надеюсь, это поможет избежать будущих военных действий.

– Продолжай.

Хатч сделал длинную затяжку и выбросил сигарету. Она упала во тьму, оставив сноп оранжевых искр. – Мишель выгнала Фила из дома.

– Да ну?

Хатч кивнул.

– Ему пришлось перебраться в квартиру. Она забрала девчонок и дом собирается забрать. Сплошной шантаж.

– Почему?

Хатч оглянулся через плечо на палатку, где спал Фил. Когда после короткой паузы оттуда снова донесся храп, он повернулся к Люку.

– Он никогда ей не нравился. Ты знаешь это. Но он был при деньгах. Мамин-папин банк, потом агентство недвижимости. Только поэтому она им и заинтересовалась. Хотя дела на том фронте шли не так уж и хорошо. Его компания пострадала от кризиса, агентство недвижимости. Никто не будет покупать шикарные апартаменты,

которые строит его фирма. Если у него и было чего-то много, так это долгов. А все из-за кредитов и займов. Им нечего возвращать банкам. Как только все зашаталось, Мишель умыла руки. Он и дом на Кипре потерял. Банкрот.

– Вот дерьмо.

– Не то слово. И Домжа в той же лодке, плюс-минус пара миллионов.

– Нет.

– Шшш. – Хатч снова посмотрел в сторону палаток. – Развелся.

– Правда?

Хатч кивнул и потянулся к котелку.

– Передай ведро.

Люк протянул ему свою пустую кружку.

Хатч сосредоточенно наливал кофе из котелка.

– Еще до моей свадьбы. В тот день они даже формально не были вместе. Гейл уже несколько лет сильно подавлена. Вопросы самооценки. Или послеродовая депрессия из-за рождения Молли, их последнего ребенка. Кто знает? В прошлом году она просто опустила руки. А ты знаешь, какой букет у их младшего? Астма, синдром дефицита внимания. Теперь они думают, что это аутизм. Все, что полагается. Плюс Дома выгнали с работы. Маркетинг в сфере финансовых услуг. Сократили. Весь его талант как водой смыло.

– И чем он сейчас занимается?

– Присматривает за детьми, злится. Вертится как белка в колесе, но толку мало. Гейл живет у матери. Сидит на таблетках.

Люк закрыл лицо руками и застонал:

– Вот дерьмо.

– И он проделал весь путь из Швеции, чтобы замудохаться, заблудиться и получить от тебя не одну взбучку, а две. Вот почему они оба взвинченные и сварливые. И, похоже, им не так уж приятно видеть, что кое-кто прожигает жизнь без всякой ответственности.

– Какого хрена ты не говорил мне этого раньше, Хатч?

– Они не хотели портить отпуск. Просто хотели полностью отвлечься, а если бы ты узнал, пришлось бы слишком многое объяснять и погрязнуть в самоанализе.

Люк почувствовал, что попал под холодный душ. Он вздрогнул. Его переполняла ненависть к себе.

– Боже, какая я сука.

– Ты не должен был знать.

– Будто они мне не друзья.

– Не так уж вы были близки, шеф. Ты исчез с их радаров на долгие годы.

– Я знал, что что-то стряслось. Знал. Должен был догадаться. Боже, какой я эгоист. Я весь ушел в себя. Не видел дальше собственного носа...

Его прервал треск. Где-то среди бескрайних лесов, в океане невидимых зарослей и древесных обломков, хрустнул то ли ствол, то ли крупный сук. Этот треск, казалось, разнесся во всех направлениях, и было невозможно понять, где его источник.

– Боже, я здесь чокнусь.

Хатч с шумом выдохнул.

– Я тоже.

– Я уже слышал такое раньше. Рядом с лачугой.

– Просто ветка упала.

– Думаешь?

– Больные ветки раскисают от воды и отваливаются.

Но последовавшая затем серия звуков не могла быть вызвана деревом. Ничего подобного они ни в этом, ни в любом другом лесу не слышали. Смесь бычьего кашля и шакальега лая. Такой глубокий и сильный звук могло издавать только очень крупное животное, дикое и свирепое. С которым лучше не встречаться. Звук повторился метрах в двадцати от них, с подветренной стороны. Но не сопровождался шумом движения.

Это определенно было какое-то животное, но Люк знал, как тьма приглушает или усиливает ночные звуки. Даже маленькую жабу можно услышать за несколько километров, отчего она покажется гигантской. Птичий крик легко принять за человеческий, а в звуках, издаваемых некоторыми млекопитающими при спаривании, можно даже разобрать слова. Он напомнил себе, что здесь нет хищников, которых стоит опасаться. Наверняка много диких животных, но пока они не наступили на гадюку или не перешли дорогу росомaxe с потомством, с ними все будет в порядке. Они уже проверяли. Дело в «городских ушах», не привыкших к ночным крикам дикой природы. Что-то вроде этого быстро сказал себе Люк.

И все же нечто очень крупное, сильное и жестокое забросило вчера на дерево тушу. Оленя или лося. Содрало с нее шкуру и закинуло наверх, будто пометив территорию или устроив запас пищи.

Хатч прервал тревожные мысли Люка:

– Обязательно закопай пакетики от супа и банку от хот-догов поглубже. А то ночью здесь будет рыться какой-нибудь длинноносый засранец.

Люк фыркнул, хотя ему было не до смеха.

– Что, по-твоему...

Снова этот звук. Еще ближе, но на этот раз за спиной у Люка, а не у Хатча. Будто нечто бесшумно кружило вокруг лагеря.

Лучи их фонариков рассеялись среди деревьев, поглощенные плотными влажными стенами листвы.

– Барсук, что ли, – предположил Хатч.

– Росомаха?

– Понятия не имею.

– Медведь?

– Возможно. Но здесь они слишком мелкие, чтобы представлять какую-то опасность. Просто хлопни в ладоши, если кто-то подойдет тебя обнюхать.

Как Люк ни старался, он не смог представить себе маленького медведя.

Через десять минут молчания Хатч со стоном поднялся. Казалось, он убежден, что опасность миновала. Люк был встревожен не на шутку, но Хатч обескуражил его своим самоуверенным заявлением:

– Пойду лягу, шеф, и попробую заснуть. Разбуди меня завтра перед уходом. Нужно взглянуть на карту и обсудить тактику.

– Конечно. Без проблем. Лучше, если я уйду с первыми лучами солнца, – бросил Люк через плечо, продолжая выхватывать фонариком из темноты ближайšie деревья. До них было легко дотянуться рукой из палатки, настолько плотно лес обступал их ветхий лагерь.

Хатч кивнул.

– Не думаю, что мы сможем далеко уйти. Мне кажется, нам лучше переждать здесь, пока колена Дома не утихнут. Воды у нас достаточно. А ты, по крайней мере, будешь знать, где мы. Примерно.

После небрежного обсуждения столь важного вопроса Хатч расстегнул молнию палатки, которую делил с Домом, и стал возиться

со шнурками, словно в ситуации не было ничего особенного. Своего рода туристская формальность без пугающей подоплеки. Но именно эта подоплека не выходила у Люка из головы. Просто Хатч слишком устал от холодного, странного и черного, как смоль, мира, чтобы рассуждать о ночных криках.

– Спокойной ночи, – сказал Люк.

– Спокойной ночи, – ответил Хатч сквозь звук застегиваемой молнии.

Люк посмотрел, как палатка шатается, пока Хатч готовится ко сну. Увидел, как ярко-желтое пятно от луча фонарика пробежало по стенке палатки, словно светящийся глаз в иллюминаторе подводного аппарата в черном море окружающего леса.

Люк сел под навес палатки, слушая хриплое дыхание Фила и храп Дома. Через несколько минут после того, как фонарик Хатча погас, тот уже свистел носом, провалившись в глубокий сон.

Люк вытащил сигаретную пачку. Лицо и тело буквально горели от усталости. Голова была неестественно тяжелой, но работала хорошо. По крайней мере, здесь он мог курить.

Он зажег сигарету. Курил медленно, мысленно спрашивая себя, как могло случиться, что о них забыли?

Докурив, он протер глаза и забрался в палатку, где спал Фил.

28

Луна, большая и яркая. Разве она может подходить так близко к Земле, пересекая ночное небо от горизонта до горизонта?

Серебристый свет морозит верхушки уходящих в бесконечность деревьев. Ближе к земле, где лунный свет смешивается с холодом, воздух голубовато-белый и газообразный. А лес напоминает колючий контур армейских рядов, замерших в жутком марше. С копьями, штандартами и огромными бронированными панцирями, выступающими из темной массы. Но в этом месте лес расступается. Будто чего-то сторонится. Толстые стволы древних деревьев и хлесткие стены папоротника тревожно отступают от края поляны, посреди которой стоят провисшие, выцветшие, запятнанные палатки. Ничто, кроме высоких сорняков и травы, не смеет нарушить границы лагеря.

А что это висит на деревьях? Что-то трепещет на ветру, натянувшись вдоль черной опушки леса, как стираное белье, сорванное ветром с веревки и застрявшее в ветвях. Возможно, рваные рубахи, выброшенные хозяином. В количестве трех штук, а под ними – три пары потрепанных кальсон. И все в пятнах ржавчины.

Это кожа. Содранная с мертвых тел. Вымпелами развешанная на деревьях вокруг места, где ты искал убежище.

И теперь что-то движется там, в туманной тьме за деревьями. Что-то невидимое, с хрустом ломающее ветки.

Меряя шагами окаймленную сорняками поляну, вскоре оно начинает заявлять о себе повизгиванием, иногда срывающимся на лай, взмывающий в ледяную чистоту иссиня-черного неба. Крик, который это место знало задолго до того, как ты очутился здесь, дрожащий и одинокий.

Оно пытается тебе что-то сказать.

Дает тебе знать, что ты можешь ждать его здесь и смотреть, как оно бросится на тебя из-за деревьев, либо попытаться бежать на своих онемевших ногах. Беги отсюда сквозь прутья и силки запущенного леса. В это вздымающееся войско, которое не даст тебе легко пройти сквозь свои ряды.

Похоже, оно большого роста, потому что ветви, растущие высоко над землей, начинают качаться перед тобой. Некоторые, сгибаясь, со свистом возвращаются на прежнее место, где с трепетом замирают. И сквозь серебристые листья доносится низкий гортанный рык, похожий на чей-то голос. Но что он говорит, ты не в силах разобрать. Наполненный собачьим поскуливанием, бычьим кашлем и шакальными криками. Его дыхание окутывает листву туманом, и ты видишь, как нечто длинное и черное быстро движется меж кустов и стволов деревьев.

Опускаясь к земле все ниже, оно готовится предстать перед тобой.

Потом воздух наполняется криками. Но не здешний холодный воздух, осознает Люк, а воздух снаружи его кошмара, где происходит нечто худшее.

Во сне Люку показалось, что крики доносятся издали. Он лежал, окутанный чьим-то ужасом, уставившись в темный потолок палатки,

которую делил с Филом.

Он еще не отошел от глубокой амнезии, из которой его выдернули, поэтому первой мыслью его было лежать неподвижно и ждать, когда крики смолкнут. Но истерические, безумные крики не прекращались. Ужасные крики до смерти напуганного человека наполнили воздух бурлением, в котором не могла родиться ясная и способная быть услышанной мысль.

Очнувшись в холодной тьме, Люк понял, с ужасом и внезапным облегчением одновременно, что шум доносится из соседней палатки. Кричал Дом.

Провисшая ткань потолка колыхалась из-за суматохи в соседней палатке, откуда доносились крики. Ему показалось, что кого-то с силой выдернули из спальника под хруст рвущейся в клочья материи и треск ломающихся кустов.

Люк быстро сел и нащупал замок молнии на своем спальном мешке. Пошарил в темноте, пытаясь найти фонарик, но безрезультатно. К тому моменту, как он, забыв про фонарик, старался достать дрожащими пальцами швейцарский нож из переднего кармана промокших брюк, рядом уже сидел Фил.

– Что это? Что это? Что это? – в шоке повторял Фил, но по его тону чувствовалось, что он ждал подобного и теперь лишь хочет знать подробности.

Затем их движения и слова стихли, как и вопли Дома. Все замерло в молчании от внезапного рева, изданного Хатчем. В этом коротком крике было столько боли, что услышавших его затошнило. За ним последовал какой-то детский всхлип, и все смолкло.

Что-то крупное с шумом прокладывало себе путь сквозь деревья, прочь от лагеря. Устремлялось в лес, отбрасывая в стороны и ломая в щепки все древесные преграды. Прежняя тишина возвращалась, нарушаемая лишь тихим стуком дождя по листьям и ткани наполовину рухнувших палаток. Потом в этот вакуум прорвались крики странных птиц и животных, словно эти существа тоже были напуганы шумом в лагере и нервно зывали из темноты к выжившим, погребенным под развалинами.

Фил щелкнул фонариком. Из его рюкзака свисали цветные кишки одежды. У провисшего входа в палатку валялись две сырые водонепроницаемые куртки. На полу не было ни дюйма свободного

места. Все было завалено барахлом Фила. В этом беспорядке Люк увидел свой фонарик и схватил его.

Из соседней палатки доносилось учащенное дыхание Дома. Будто он задыхался или переживал сердечный приступ.

Люк сбросил с ног спальный мешок. Наступил на холодные непромокаемые брюки, все еще сырые от вчерашнего дождя. Содрогулся, коснувшись голыми частями тела липкого пола и влажных стен палатки. Согнувшись пополам, стал пробираться к выходу, ища глазами ботинки. Внутри они были все еще мокрыми. Он отбросил их в сторону. За спиной возился со своей одеждой Фил.

Выставив вперед нож, Люк вынырнул из палатки. Потерял равновесие, чертыхнулся, нашел опору и поднялся на ноги. Ночной воздух жег щеки. Обостренный слух улавливал стук тысяч невидимых капель. Сквозь небольшие отверстия в пологе леса небо черной дырой тут же втянуло в себя слабый луч фонарика. Люк был не в состоянии сдвинуть свое тело из-под навеса.

Когда белый свет фонарика опустился на землю, в поле зрения попала вторая палатка.

В ней было что-то до ужаса неправильное.

Люк тяжело дышал, стараясь не всхлипывать. Палатка полностью обрушилась, превратившись в месиво из нейлона и веревок. С одной стороны зияла большая дыра, в которой виднелась рваная белая сетка внутреннего отсека, неуместно смотревшаяся на фоне сырой черной земли. Вокруг рваных краев отверстия на внешней оболочке палатки поблескивали брызги, сгустки и лужицы какой-то жидкости. Луч слабого белого света из зажатого в дрожащей руке фонарика метался по пятнам на изодранном нейлоне. Они были ярко красного цвета – насыщенная кислородом кровь.

В голове Люка царил полный хаос. В ней метались обрывки мыслей и идей. Ему нужно определиться и сосредоточиться. Он не мог сойти с места. Стоял в одном нижнем белье и дрожал от холода, эмоций и внезапного выброса в кровь адреналина.

Где-то внутри дырявой тряпки, некогда бывшей двухместной палаткой, лежал, задыхаясь, Дом. Люк не хотел заглядывать под сырой желто-зеленый нейлон. Оттяжки обвисли, словно ткань палатки была парусом, рухнувшим на палубу яхты ночью в черном безбожном море, погребя под собой члена команды.

Складные стекловолоконные дуги каркаса были раскурочены в нескольких местах и торчали из скомканной ткани. Палатка сейчас напоминала большой воздушный змей, разбившийся о землю. Внутри этой смятой массы было что-то страдающее и истекающее кровью. Что-то, от чего Люк хотел бежать без оглядки.

Он развернулся на месте и осветил фонариком на неровный, напирющий периметр поляны. Мшистая кора, почерневшие ветви деревьев, темные мокрые листья, тенистые впадины. Внутри у него все съежилось при мысли о том, что Фил увидел на кладбище. Он ждал, что в любое мгновение ветви деревьев оживут и сплетутся в жуткую фигуру. Но ничто не двигалось.

Он шумно сглотнул, зажмурил глаза.

– Дом! Дом! – внезапно позвал он, наклонившись к развалинам палатки. Снова осветил фонариком. – Ты ранен, дружище? – Его голос словно умер, прежде чем пара слов слетела изо рта. Грудь задрожала, как при плаче или вдохе ледяного воздуха.

Нужно взять себя в руки.

– Где Хатч? – откуда-то снизу, рядом с босыми ногами Люка, раздался голос Фила. Тот неуклюже вылез на четвереньках под полог палатки. Лучи их фонариков пересеклись, и Фил постарался отвести свой в сторону, зондируя соседнюю кучу.

Люк вышел из-под полога палатки в одном нижнем белье. Наступив бледными босыми ногами на холодную землю, почувствовал, как у него перехватило дыхание. Дезориентированный, он наступил на колышек палатки, споткнулся об одну из немногих натянутых оттяжек и боком свалился в деревья. Внезапный удар лицом о мокрую зелень и укол маленькой ветки, сломавшейся под ним, заставили его восстановить равновесие, подняться на ноги и сориентироваться. Сонливость как рукой сняло, на смену ей тут же пришли холод и дрожь.

– Домжа! – позвал Люк, прибегнув к прозвищу, которым пользовался в лучшие времена. Это вызвало реакцию. Из-под спущенной желто-зеленой палатки показались нащупывающие выход пальцы.

– Тише. Тише, – сказал Люк, но отступил назад, когда из палатки вылез на четвереньках Дом. На нем была фиолетовая толстовка, шорты и толстые серые носки. За ним сквозь дыру выскользнул зацепившийся за ногу спальный мешок. Отшвырнув его в сторону, Дом попытался подняться на ноги. Его нога с грязной повязкой на колене беспомощно подгибалась. Покрытое грязными разводами лицо выглядело так, будто он вылез из угольной шахты. Он вздрогнул от света фонариков. Его глаза были красными и дикими.

Фил уже тоже стоял на ногах. Без штанов, в незашнурованных ботинках. Волосы с одной стороны головы торчали веером.

– Где, черт возьми, Хатч? – задыхаясь, спросил Дом. Он посмотрел на Люка, потом на Фила и снова на Люка. – Где он, черт возьми?

30

Они вернулись в лагерь через два часа после пробуждения. Небо над лесом, насколько хватало глаз, было темно-синего цвета.

Из-за шока никто не мог говорить. Онемев от ужаса, они мучительно пытались переварить и принять абсурд произошедшего. Нечто поселилось в их умах и сердцах, когда они ослабли от усталости и позволили застичь себя врасплох. Нечто невозможное, всепоглощающее, удушающее.

Сотни раз они звали Хатча по имени. Ковыляли, волоча ноги, как робкая стая. Лучи фонариков мерцали в непролазных сырых зарослях. Головы дергались туда-сюда при малейшем далеком крике птицы,

доносимом холодным воздухом, пока собственные страхи полностью их не вымотали. Никто не ответил на их крики. Крики, которые сперва были настойчивыми, затем отчаянными и под конец просто хриплыми, не проникавшими дальше ближайших зарослей.

– Хатч!

– Дружище!

– Хатч!

– Хатч!

Было слишком темно, чтобы выяснить обстоятельства его исчезновения. Но Хатч пропал, от него остались лишь пятна загустевшей темной крови на поваленной палатке.

– Можете разобрать другую палатку? – спросил Люк Дома и Фила, нарушив долгое молчание. Собственный голос показался ему тихим и далеким. – Надо ее упаковать. Плюс ваше снаряжение. Нужно уходить, как только начнет светать.

Дом и Фил озадаченно уставились на Люка. Они были шокированы и злы на него, но оставались вялыми и апатичными. Они просто смотрели перед собой. Люк попытался объясниться.

– Я собран. Карта. Мне нужно на нее взглянуть. – Он бросил взгляд на рухнувшую палатку. – Можно еще разобрать вещи Хатча.

Было четыре часа утра. Проснулись они в два. Но, по крайней мере, к одиннадцати вечера все лежали в спальнях мешках, поэтому несколько часов им все же удалось поспать. Как подсчитал Люк, этого недостаточно, чтобы оправиться от напряжения предыдущего дня, но хватало, чтобы утром на пару часов обрести силы. Самых важных часов за все время их путешествия. Люк знал, что им нужно выйти на опушку леса утром, не позднее полудня. Иначе потом колена Дома сильно их замедлит. А значит, до заката они не покроют и пары километров.

– Что? – наконец сказал Дом, выйдя из оцепенения.

– Фонарик. Нож. Все, что может пригодиться. В его сумке были энергетические батончики.

Дом посмотрел на Фила. Потом поднял руки и хлопнул себя по бокам.

– Мы никуда не пойдем, пока не найдем его.

Люк посмотрел на землю и издал длинный, усталый вздох.

– Что ты предлагаешь? Просто слинять? Прихватив из его рюкзака, что получше? – рявкнул Дом дрожащим от волнения голосом.

Фил посмотрел на рухнувшую палатку и кровь, ставшую вязкой и маслянистой в тусклом, мерцающем свете фонарика, таком бесполезном и неуместном сейчас. Посветив в дыру, он увидел там еще больше крови.

– О боже, Хатч. – Фил присел на корточки и закрыл лицо руками. Теперь он понял.

От причитаний Фила у Люка к горлу подкатил большой ком. Он перестал слушать Дома и закрыл глаза. Хатч, Хатч, Хатч пропал. Идиотская рифма долдонила в мозгу. Люк чувствовал себя маленьким ребенком. Его цель занять их делом, а потом двинуться дальше потеряла актуальность.

Фил плакал. Лицо Дома сморщилось. С нижней губы свисала длинная нить слюны. Глаза наполнились слезами. Он закрыл лоб рукой, словно заслоняясь от солнца. Плечи сотрясались от рыданий. Люк почувствовал, что челюсть у него отвисла. В горле першило. Он представил себе улыбающееся лицо Хатча. Почти услышал его гогот. Мысль, что Хатча больше нет, была такой нелепой, что закружилась голова. Потом Люк почувствовал, будто у него изжога и несварение желудка одновременно.

Он упал на задницу и застонал, закрыв лицо руками. На этот раз он не обращал внимания на ноющие царапины на икрах, щеках и ушах, на тянущую боль в ногах. Остальные двое рыдали в темноте, зажав лица руками.

В какой-то момент Люк встал и тут же столкнулся с Филом, который, опустив голову, схватил его за руки. Он сжал его бицепсы так сильно, что Люк подумал, что тот своими длинными грязными ногтями проколет их ему до крови. Ему пришлось буквально отрывать его от себя. Потом он обхватил Дома за плечи, так как того тоже трясло, от страха ли, горя или приступа паники. Еще долгое время они были недееспособны и дезориентированы в этой холодной тьме. Двигались на ощупь. И плакали. Пока наконец не сели, молча уставившись перед собой и дрожа от холода, вытягивающего тепло из ослабших тел в плотную черную землю.

– Вы не можете здесь оставаться, – тихо сказал Люк Дому, сидевшему на своем рюкзаке рядом с рухнувшей палаткой. – Учитывая состояние твоего колена, утром у нас будет пара часов, чтобы общими усилиями выбраться отсюда. Продолжим идти на юг. Мы должны выдвигаться. Немедленно. И идти по прямой, насколько это возможно.

Дом уронил голову на колени. Они еще не сделали ни шагу, а он уже вымотал себя горем.

Люк глубоко затянулся сигаретой, а потом заговорил сквозь завесу голубоватого дыма.

– Со своим коленом ты сможешь идти максимум до полудня. Мы с Хатчем... – он сделал паузу и сглотнул, – мы разговаривали вчера вечером. Думали, что вы двое сможете переждать здесь пару дней, пока я не найду выход и не приведу помощь. Он хотел, чтобы ты дал своему колену передышку. И чтобы у Филя было время прийти в себя. Воды здесь хватит на пару дней, и мы знаем, где взять еще, если помощь задержится. Но сейчас все изменилось. Мы не можем... не можем оставаться здесь еще на одну ночь. Вот и весь разговор.

– Нет, – отрезал Дом. Он сидел, уперев локти в колени, задрав вверх свое одутловатое, покрытое синяками лицо, и глядел на Люка так, будто ночью ничего не случилось.

Люк махнул рукой, словно отгоняя от себя что-то.

– Я только что смотрел... – Он прочистил горло. – Его протащили вон там. – Люк указал на едва заметную брешь в стене зарослей справа от себя. – Следы обрываются в двадцати футах отсюда. И там тоже кровь.

– Ты не оставишь нас здесь. С этого момента держимся вместе, – внезапно выпалил Фил, который стоял на краю поляны и вглядывался в сырую тьму.

Люк кивнул.

– Конечно. Само собой, разумеется.

Дом посмотрел на него.

– Черт, ты хоть представляешь, где мы сейчас находимся?

– Смутно.

Дом невесело рассмеялся.

– Смутно. Смутно. Мало нам этого «смутно»? Кажется, из-за этого «смутно» мы сейчас сидим вокруг палатки, залитой кровью. Из-за этих «смутных» представлений нас всех скоро прикончат.

Фил с шумом вобрал в себя воздух.

Люк изучающе посмотрел на Дома, снова подавляя в себе жгучее желание встать и уйти одному. Ему потребовалась минута, чтобы привести мысли в порядок.

– Уже поздно возвращаться по нашим следам назад. Поэтому у нас нет другого выбора, кроме как идти дальше на юг. Будем надеяться, что сможем выбраться к ближайшей опушке леса. Этого и хотел Хатч.

Фил посмотрел на Дома.

– Мы должны идти. Я не останусь здесь ждать помощи.

Люк взглянул на часы.

– Сегодня мы должны были добраться до Порьюса. Завтра вечером хотели вернуться в Стокгольм. И через день быть дома. – Глядя на остальных, он почувствовал, что в его голосе появилась нотка надежды. – Когда уже вы поймете, что с нами что-то стряслось, и поднимете тревогу? Ваши родные ждут звонка сегодня вечером? Или завтра?

Ни Фил, ни Дома не осмелились взглянуть ему в глаза. Оба смотрели себе под ноги, явно испытывая дискомфорт, не имеющий ничего общего с истощением, холодом или недосыпом. Словно внезапно осознали последствия некоторых печальных известий.

Хатч сказал, что они оба развелись, но Люк хотел знать, что это значит. Будут ли они по-прежнему ежедневно контактировать с женами из-за детей? Станут ли выполнять отцовские обязанности в заранее оговоренное время? Потому что его звонка никто не ждал. Шарлотту он видел лишь пару раз за последний месяц. Его начальник позвонит ему на сотовый, если он не появится на работе в понедельник. Но впереди четыре дня. А его отсутствие на работе в течение нескольких дней не заставит коллег обращаться в полицию. Он был уверен, что если не появится на работе неделю, босс просто найдет ему замену. Родители, возможно, начнут беспокоиться через пару месяцев молчания. А его лондонские друзья подумают, что он ненадолго залег на дно. Но он и представить не мог, что они станут делать запрос или предпримут попытку отследить его. В последнее время он не виделся с ними месяцами. Все были заняты собой и жили в разных частях города. Если честно, он уже не был ни с кем особенно близок. Одна надежда на соседку по квартире. У них было мало общего, и жила она в квартире всего полгода, но во время его отсутствия присматривала за

его собакой. Конечно, она первая попытается вычислить, где он. Может, через неделю отсутствия. Но кому она будет звонить? Разве она знает, кому звонить? Она оставит сообщения на его мобильном, а потом, может быть, проверит в магазине, если помнит название. Но лишь в том случае, если ей надоест дважды в день выгуливать собаку.

Эти мысли вызвали у него горечь, а потом злость на самого себя. Если у тебя нет ни партнера, ни карьеры, кому до тебя есть дело? Вот в чем фокус – избавиться от любой ответственности, чтобы делать все самому. Теперь он именно так и делает.

Люк громко рассмеялся.

– Что? – спросил Дом. – Что? – Судя по голосу, ему не терпелось знать, что придумал Люк.

Люк выбросил сигарету в кусты.

– Я просто пробежал по списку. Пройдут месяцы, прежде чем мои родные и друзья заявят о моей пропаже. Последняя надежда – моя соседка, но это не близкая подруга. Или... подождите... может, авиакомпания. Но тогда... черт, люди постоянно опаздывают на рейсы. Не звонить же им каждый раз в Службу спасения. К тому же мы заплатили за свои места, деньги у них. Чего им волноваться? – Он представил, как сотрудница шведской авиакомпании называет его имя через систему оповещения стокгольмского аэропорта. Наверное, это будет последний раз, когда его имя прозвучит за пределами этого леса.

– Меня хватятся, наверно, дня через четыре-пять, – сказал Дом. Должно быть, он имел в виду семью, отчего опасения Люка только усилились. Четыре дня – это слишком. – А тебя, Филлерс? – спросил Дом.

Фил даже не обернулся. Он стоял лицом к деревьям и светил фонариком, будто нес вахту.

– Что?

– Когда?

– Ммм?

– Когда тебя хватятся дома?

– Да Мишель насра... – Он осекся. – Может, на работе. В понедельник у меня встреча в банке. Может быть... – Казалось, он борется со своими мыслями, какими бы они ни были.

Дом раздраженно вдохнул, потом внезапно вскинул руки.

– Хостел. Хостел, где мы должны быть сегодня вечером. Хатч забронировал его. Еще сказал им, откуда мы.

– Точно, – тихо сказал Люк. – Они могут позвонить ему на мобильный, если мы не появимся. Если вообще есть сигнал. Но люди постоянно забивают на подобные места. Меняют планы. Или получают лучшее предложение. Все что угодно.

– Лесничие?

– Хатч никогда не звонил в отделение Порьюса. Сказал, что оно работает только в зимний период.

– Вот дерьмо! – Дом ударил здоровой ногой по земле. Фил продолжал шарить фонариком по деревьям.

Люк зажег новую сигарету. Уже четвертую с того момента, как проснулся. Прищурился от дыма.

– Жена Хатча, Энджи, знает, что он позвонит, как только окажется в зоне действия сети. Это наш лучший вариант.

Дом нахмурился.

– В этом есть смысл. Мы должны будем сказать ей. Боже.

– Ладно. Забудь. Мы должны идти. Немедленно. Необходимо продолжать двигаться, потому что от этого зависит наша жизнь.

32

А потом они нашли Хатча висящим на дереве. Так же, как животное два дня назад.

Люк обернулся и закричал, как нянька подопечным детям:

– Не смотрите! Не смотрите! – При этом Фил и Дом тут же задрали головы вверх.

Дом прислонился к ближайшему стволу дерева и запричитал:

– Боже! Боже!

Фил, не издав ни звука, пошел сквозь деревья прочь, тем же путем, которым они пришли. Пройдя двадцать футов, остановился, и его начал бить озноб. Потом он согнулся пополам, и его вырвало. Люк увидел, как что-то белое и жидкое капает у него изо рта. Потом отвернулся и услышал всплеск. Посмотрел на Хатча.

Тот был раздет догола. Никаких следов одежды. Через всю грудь до самого паха зияла черная от запекшейся крови рана. Бледные и мускулистые, все в коричневых пятнах ноги висели на уровне человеческого роста. Глаза, как и рот, были широко раскрыты. Изо рта

торчал распухший язык. На мертвенно-бледном лице застыло выражение легкого удивления, словно он заметил перед собой нечто странное.

Все тело было изуродовано. Большая часть плеча и мышцы прилегающего бицепса отсутствовали. Хатч был втиснут между двумя мертвыми еловыми стволами. Проходившие под мышками ветки поддерживали его на весу.

Распятое тело было расположено таким образом, чтобы они непременно наткнулись на него, пробираясь сквозь деревья.

Люк почувствовал в коже головы покалывание. Температура тела стала такой же, как у кончиков промерзших пальцев. Перед глазами все задрожало, потом появились белые круги. Ему показалось, что он падает в обморок. Мышцы лица задергались, особенно вокруг рта. Он был не в состоянии подавить спазмы.

Затем голова вдруг очистилась от всех мыслей, кроме одной, которая поразила его, словно удар в лицо. Откуда убийца Хатча знал, что они пойдут именно этой дорогой?

В течение трех часов, после того, как они свернули лагерь, они шли через лес на юг, стараясь держаться пространства между толстыми высокими елями и редким подлеском. Значит, за ними кто-то следил, и тело Хатча появилось здесь буквально за несколько минут до их появления. Его труп выставило на показ нечто очень сильное, умеющее лазать по деревьям.

Не успел Люк подумать об этом, как воздух старого леса наполнился то ли лаем, то ли кашлем. Такие же звуки они с Хатчем слышали прошлой ночью, когда сидели у мерцающего пламени печи.

Люк развернулся всем телом на сто восемьдесят градусов. Перед глазами все поплыло. Он не мог сосредоточить взгляд в одной точке среди деревьев. Бросив рюкзак на землю, стал судорожно искать в кармане нож.

Дом отпрянул от дерева и подпрыгнул от боли, перенеся весь свой вес на больное колено. Сквозь бурую грязь было видно, как от боли и страха побелело его исцарапанное лицо.

Фил с шумом бросился к ним назад, через подлесок, споткнулся и упал на четвереньки. Поднялся на ноги с каким-то сдавленным животным звуком в горле, сменившимся руганью:

– Черт. Вот черт. Черт. – Потом как-то неуклюже повернулся кругом. На одном локте болтался рюкзак.

– Нож! – крикнул Люк Дому, выставив перед собой перочинный нож.

Дом начал яростно шарить по карманам куртки.

Лай раздался снова, из другого места, ближе. Оттуда, куда отчаянно вглядывался Фил. За грубым лаем последовали два отрывистых храпа, а затем какое-то ржание. Типа того, которое в документальных фильмах издают своими черными губами шакалы.

Люк двинулся на звук. Кровь так громко стучала в ушах, что он едва мог слышать что-либо еще. Каждый мускул внезапно налился теплом и энергией. Он двигался быстро, легко ступая на цыпочках между деревьями и сжимая нож так крепко, что рука побелела.

Охваченный безумным животным желанием резать, кромсать, рубить и рычать, ни о чем не думая, он услышал, как Дом и Фил поочередно зовут его по имени. Голоса вернули его к реальности. Засомневавшись, он утратил движущую силу. Но потом снова вспыхнул от гнева и закричал так, будто был готов встретиться лицом к лицу с чем угодно:

– Давай! Выходи!

Он остановился и присел. Повернулся кругом мелкими шажками, вглядываясь в светлеющий лес так пристально, что лоб запульсировал от напряжения. Он хотел увидеть и сразу вступить в бой. Он закричал зубами.

– Давай! – Потом снова, подняв голову и выпятив вперед грудь: – Выходи!

Лес оставался безмолвным. Не слышно было даже пения птиц. Жизнь будто замерла.

Где-то справа от него треснула ветка, и этот звук отразился от каждого ствола, разносясь на многие километры вокруг.

Опустив голову, Люк двинулся на звук. Лишь потом он осознал, что со всех ног несется к месту, откуда раздался треск. Он ни о чем не думал, ослепленный красным пенящимся вихрем, бушевавшим в голове. Перепрыгнув через скользкое бревно, с шумом ринулся в заросли папоротника.

– Где ты, сука?

Он ничего не видел. Вдалеке усилились панические крики Дома и Фила. Они умоляли его взять себя в руки.

– Давай. Выходи и возьми меня, – сказал он, понизив голос. Каждое его слово звучало тверже предыдущего. Он обращался к темным деревьям и мокрой траве, к валежнику и глубокой каше из сгнивших листьев, к лишайнику и колючим кустам, к сырому воздуху и дальнему туману, висящему над зеленоватыми камнями. Ко всему, что скрывало это жуткое, противоестественное существо. Потому что только сейчас он мог посмотреть в лицо тому, что сотворило подобное с их другом. Сейчас или никогда. Потому что это было то место, куда он пообещал себе вернуться. Он должен спасти хоть какую-то толику себя и, если потребуется, умереть здесь. Охотнику он не достанется легко. Не сдастся быстро и без шума. В этом он поклялся древнейшему лесу Европы.

Простояв не шелохнувшись какое-то время, Люк осторожно двинулся назад, к остальным.

33

– Что ты видел, Дом? Что ты видел? – задыхаясь, спросил Люк. Все его тело дрожало от покидавшего мышцы адреналина.

Дом и Фил с опаской уставились на него, как на безумца. У них были такие же шокированные лица, как у пассажиров метро после той драки на платформе. Те тоже смотрели на него из дверей и окон вагонов, как на маньяка, когда он избил незнакомца. Дом и Фил совсем его не знали. Как мало мы знаем о других, не говоря уже о себе. Мысли Люка приобрели такую ясность, которая бывала у него не больше десяти раз за всю жизнь.

– Что ворвалось к вам в палатку, Дом?

Дом покачал головой.

– Я ни хрена не знаю. Было темно.

– Думай. Оно было большое? Как медведь? Четвероногое, как собака?

У Дома от растерянности перехватило дыхание. Глаза вылезли из орбит.

– Большое. Вонючее. Как какое-то мокрое животное, только хуже.

– Оно издавало звуки?

– Я не... – Он сморщил лицо и закрыл уши руками. – Как собака, у которой что-то во рту. О боже. Не заставляй меня... Это он был у него во рту.

Люк кивнул, выпрямив спину. Посмотрел через плечо. Его грудь вздымалась и опускалась, вздымалась и опускалась.

– Медведь. Это большой медведь, – сказал Фил. Его лицо подергивалось, красные глаза наполнились слезами. – Большая кошка. Они сбегают. Из частных зоопарков. Э... Э... Волк.

– Нам нужно знать. Нужно знать об этом как можно больше. – Люк посмотрел на Дома, а потом на Фила, понизив голос до шепота. – Оно шло за нами весь день и сделало так, чтобы мы увидели Хатча. Устроило это. Животные... так не делают.

– Как? – дрожащим голосом спросил Фил, пораженный невероятностью происходящего.

– Оно охотилось на нас три дня. Возможно, с того момента, как мы вошли в лес. В первый день мы должны были найти то животное на дереве. – Люк закурил. Его движения стали медленными, неестественно спокойными и размеренными. – И дом. Чучело на чердаке. Проклятая церковь. То, что ты видел на кладбище. Все это каким-то образом связано.

Дом и Фил стояли близко друг к другу, не сводя глаз с леса, простиравшегося в бесконечность.

– Да ладно, – сказал Дом неуверенным голосом. – Это какое-то животное. Гребаный волк или что-то еще. Не начинай это безумное дерьмо. Не то место и не то время.

– Как может волк, медведь или россомаха так закинуть тело на дерево? А? Подумай, мужик.

По лицу Дома было видно, что это не укладывается у него в голове. То, с чем они имели дело, не просто выходило за рамки воображения. Такого просто не должно было случиться. Он выглядел больным, бледным, изможденным и брел, приволакивая нерабочую, согнутую в колене ногу. «Нужно поднять ее и выпрямить», – пришла в голову Люку неудачная, глупая и жестокая мысль.

– Это человек. Какой-нибудь маньяк, – предположил Дом.

– Возможно, – ответил Люк, кивая. – Какой-нибудь шведский деревенщина, равнодушный к туристам. Подобное дерьмо постоянно случается в Америке и Австралии. Но только не в Швеции.

Хотя, кто знает? Может, и здесь. Мы нашли часть страны, которую знают не так много людей. Либо знают, но не хотят о ней говорить. В той церкви было полно человеческих останков. Некоторые кости... Они были не то чтобы свежие, но и не старые.

– Жертвоприношение, – сказал Фил робким голосом.

Люк и Дом посмотрели на него. Снова натянув остроконечный синий капюшон, он стоял спиной к ним и вглядывался в деревья. Туда, где висел Хатч. Из-за плеча Филадельфия Люк видел одно из тех деревьев. Сквозь ветви виднелась бледная нога. Он вспомнил свой безумный бросок в лес, и его всего передернуло от холода и подступившей тошноты. На мгновение Люк потерял равновесие и покачнулся, но сумел устоять на ногах.

– О чем ты говоришь? – гневно спросил Дом.

Люк поднял руку, чтобы успокоить его, и посмотрел на Филадельфия.

– Продолжай, дружище.

Фил опустил глаза.

– Мне приснился сон. В том доме. Я помню его обрывки. Там были люди.

– Ты о чем, на хрен? – спросил Дом.

– Дом, – прошипел Люк, стиснув зубы, и снова повернулся к Филадельфию.

– Мне тоже приснился сон.

Фил резко повернулся к Люку и уставился на него. Дикие, полные ужаса глаза отталкивали и притягивали одновременно.

Люк кивнул.

– Да, дружище. В этом сне я попал в ловушку. Где-то здесь. Застрял в деревьях. А вокруг разносился этот... звук.

Стоя прислонившись спиной к дереву, Дом сполз на землю, без сил от отчаяния. Ему тоже что-то приснилось. Люк хотел знать, что именно. Требовался любой, даже скудный намек. От этого зависела их жизнь. Он десять лет жил в Лондоне среди людей, чья речь полностью состояла из рекламных слоганов и которые видели смысл жизни в пробуждении чувства зависти у других. Они и мысли не допускали, что у них что-то идет не так. Не говорили ни о чем негативном, даже не позволяли себе думать об этом, словно проблем не существовало. Когда-то он завидовал им, потом стал презирать. Он не походил на них. Фактически являлся их противоположностью. Он всегда тщательно анализировал все плохое, что случалось с ним в жизни.

Возможно, эта позиция мешала ему, разрушая любую возможность реального и стабильного счастья. Его неприятие самообмана. Но здесь не было места ни для безумного оптимизма, ни для отрицания фактов, какими бы нелепыми они ни были. Люк чувствовал, что почти смирился с ситуацией, и хотел знать, не потому ли так происходит, что он всегда и везде был готов к худшему.

– Я застрял, – сказал Люк. – И что-то охотилось на меня. – Это было как предупреждение, хотел он сказать. – Все было очень реально и ярко, понимаете? И Хатч. Я нашел его на чердаке. Он ходил во сне и тоже видел нечто ужасное. – Дом сделал вид, будто не слушает его. Люк поднял руки вверх, привлекая внимание. – Мы все заблудились там. А при дневном свете постеснялись взглянуть правде в глаза. – Он указал на Дома. – Ты бы не дал нам. И ты по-прежнему делаешь вид, будто ничего не происходит. Брось это дерьмо! Мы должны посмотреть фактам в глаза. Немедленно. – Люк посмотрел на Фила и кивнул ему.

Фил сглотнул. Перевел дыхание.

– Похоже, они приносили в жертву людей. В том доме. В жертву какому-то существу. Давным-давно.

Люк кивнул.

– Когда та церковь принимала прихожан, а кладбище еще не заросло. С теми людьми в подвале произошло что-то очень плохое. Их убили.

Фил поднял голову и посмотрел на кусочек неба, просвечивавший сквозь полог листвы.

– Их вешали. Вздергивали на деревьях для того существа. Тогда оно было моложе. Но оно все еще здесь. А они ушли. Старые люди, которых я видел во сне. Которые... кормили его. Но оно все еще здесь.

Дом молча вглядывался в деревья.

34

– Мне никогда не перебраться на ту сторону. – Сквозь грязные полосы на лице Дома просвечивала ярко-красная кожа. Чтобы удержаться в вертикальном положении, он прислонился плечом к дереву, упершись костылем в губчатую землю. Костыль был сделан из толстой ветки нужной длины. У него имелось даже V-образное раздвоение на конце, чтобы просовывать под мышку. Это был уже

третий костыль. Первые два довольно быстро оказались непригодными. Люк нашел их в подлеске, после того как они покинули зловещее место, где висел Хатч.

Сев на широкий камень на краю ущелья, Люк бросил сумку с палаткой с одной стороны и два рюкзака, которые тащил, с другой. Фил остановился у него за спиной и, согнувшись от усталости и досады, уперся руками в колени. Дыхание с хрипом вырывалось из его рта.

– Будет у нас когда-нибудь передышка? – сказал Дом сам себе.

– Брызни-ка себе из ингалятора, дружище, – сказал Люк Филу, не глядя в его сторону. – Хрипишь ужасно.

Фил порылся в кармане куртки.

Когда они, пройдя километра три вверх по заросшему каменистому склону, вдруг оказались на краю глубокой лощины, к Люку вернулось знакомое чувство тревоги. Смутное ощущение, что именно здесь они найдут собственную смерть.

Спуск в лощину был усыпан крупными валунами, видимая поверхность скал обросла желто-зеленым лишайником. Дно узкого ущелья покрывали заросли длинноствольных растений с жесткими зонтичными листьями, а через тридцать метров ждал скалистый подъем. На другой стороне виднелась болотистая земля, густо заросшая пихтой и сосной. Люк взглянул на часы. Был час дня.

В ущелье падал мягкий свет. Впервые после ухода с кладбища они видели столько света. Вместе с ним с бледно-серого неба постоянно лил дождь, охлаждая чистый воздух. Он непрерывно усиливался, стуча все громче об окружающие камни. И вскоре перешел в ливень. Люк чувствовал и предвидел это.

В одиннадцать часов они, уставшие и движимые страхом, грозящим перейти в групповую истерию, оставили бедного Хатча. И, опустив головы, побрели прочь, в направлении ущелья, оказавшегося непроходимым при их нынешнем состоянии. Оно простиралось в обоих направлениях, насколько хватало глаз, теряясь в туманной дымке.

Никто из них не мог осознать до конца, что Хатча нет в живых. Во многом благодаря своему истощению. Люка устраивало подобное оцепенение. Непостижимость происходящего приглушила эмоции. Но жуткая правда снова и снова давала о себе знать. Кто-то рыдал, кто-то

причитал себе под нос, пока они брели, пошатываясь, сквозь деревья. Невероятно. Такого просто не могло быть.

– Нам нужна вода. И немного калорий, – сказал Люк в надежде привести в порядок мысли. От обезвоживания они становились расплывчатыми. Идеи приходили и тут же ускользали. Легкие буквально слиплись, речь стала невнятной. От усталости он едва мог говорить. – Отдохните. Мы заслужили. Не обращайтесь внимания на всякую хрень. Сегодня мы сделали хороший рывок. Вы сделали. Вы оба.

За последний час он впервые сказал так много. Он слишком устал, чтобы подбадривать кого-то или давать советы. Он нес палатку и два рюкзака. Свой на спине и Дома – на груди. Утренний поход по каменистой местности выжал его почти без остатка, а было только начало дня. Рюкзачные ремни вызвали в плечах ужасную боль, которую не удавалось облегчить, перемещая вес. Люк просто двигался вперед, стиснув зубы. Перед глазами все плыло. И все же ему приходилось останавливаться каждые несколько минут, чтобы не отрываться от остальных. Шея теперь пульсировала болью. Из-за того, что ее часто приходилось вытягивать. Иначе из-за рюкзака Дома было не видно, куда ставить ноги. Одна подвернутая лодыжка, и можно раздеваться и ждать конца.

Он терпеть не мог недостаток мобильности, особенно что касалось рук. В случае нападения драгоценные секунды были бы растрчены на возню с ремешками и петлями. А их противник был быстрым. Быстрым и бесшумным, если только он не решил дразнить их издали.

За последние два часа это существо могло забрать любого, и Люк знал это. От усталости они утратили бдительность. Кем бы оно ни было, убивало, лишь когда испытывало голод. От этой мысли Люка затошнило.

Люк взялся нести рюкзаки и палатку, чтобы Дом мог двигаться быстрее. Его больное колено распухло и побелело. Вся коленная чашечка заплыла. Кожа под повязкой была жесткой и горячей на ощупь. Люк не мог смотреть на это без слез. Чтобы взобраться даже на небольшой склон, Дом двигался боком, используя костыль как ледоруб и подтягивая за собой больную ногу. Только так он мог не переносить на нее вес тела. Ноге требовался отдых в приподнятом положении дня три-четыре, прежде чем он мог бы двигаться снова. Чем больше он

напрягал сустав, тем становилось хуже. Все утро с лица Дома не сходила гримаса боли и страха. Он боялся поскользнуться и удариться коленом.

Дом и Фил сидели рядом с Люком на валуне над ущельем, засунув ботинки в мокрый мох между камнями. Они тяжело дышали, уставившись невидящим взглядом себе под ноги. Водонепроницаемые куртки были расстегнуты, капюшоны сняты. Шапки засунуты в карманы брюк. Красные лица, покрытые пленкой из жира и застарелой грязи, блестели от пота.

Люк ощутил навалившуюся на него тяжесть. Под грузом ответственности камень, на котором он сидел, буквально впился ему в ягодицы. Раньше он никогда в жизни ничем не руководил. И весь поход они полагались на Хатча. Зародившись в глубине живота, вспышка гнева пронзила его. О чем думал Хатч, заставив Дома и Фила сойти с тропы? Все путешествие было слишком сложным для них. Даже без погружения в незнакомые земли в поисках короткого пути.

Люк сделал три глотка из своей бутылки. Вода на вкус была как резина и пахла лесом. Приторный запах сырого дерева, гниющих листьев и холодного воздуха. Он ненавидел этот запах. От него тоже так пахло. Они почти стали частью всего этого. Лишь яркие цвета в одежде выделяли их из этого бездумного, неумолимого природного распада. Было бы так просто опуститься на землю и слиться с ней, растворившись без следа. Ощущение собственной ничтожности перед бесконечностью и размерами этой земли сводило Люка с ума.

Он разложил на коленях карту, прежде чем двое других успели заметить паническую дрожь в его лице и руках. Он разглядывал зеленые и коричневые фигуры на карте, но мало что в них понимал, потому что мозг размяк от усталости и истощения. По карте было ясно, что это национальный парк, они находятся среди лесов и болот, но не было видно ни контура, ни особенности, по которым они могли сориентироваться. Вялость и апатия мешали Люку сосредоточиться. Что это? Переохлаждение? Вряд ли. Они немного промокли и замерзли, как только перестали двигаться. Но нельзя сказать, что они сырые до нитки. Пока нет.

– Где мы? – присел на соседний камень Дом.

Откуда, черт возьми, ему знать? Он даже не мог понять, какое расстояние они покрыли этим утром. Казалось, они столько прошли,

но дикая пересеченная местность играла с разумом злые шутки. Как-то раз, шесть лет назад, они с Хатчем уже терялись, в одних футболках и шортах возвращаясь с пляжа на одном из островов шведского архипелага. Остров был всего восемь километров в длину и три в ширину, но каким-то образом они кружили по нему, исцарапавшись и всякий раз возвращаясь на то самое место, где стояли двумя часами ранее. Это невозможно, так как они были уверены, что двигались на восток по прямой траектории. Хотя имелся компас, он не дал ответа, ни где они находятся, ни как далеко ушли. Ни разу за все время. В этом он убеждался неоднократно.

– Проблема в том, – сказал Люк, стараясь не смотреть Дому в глаза, – что трудно понять, какое расстояние мы покрыли за три дня, что находимся в лесу.

Дом вздохнул и покачал головой. Люк воспринял это как обвинение и тут же принялся защищаться.

– По крайней мере, мы двигаемся в правильном направлении.

– Сколько еще времени это займет? Позавчера мы должны были выйти из леса, с другой стороны. На карте этот кусок не такой широкий. – Дом возил по бумаге грязными пальцами. Его глаза лихорадочно изучали цвета, формы и пунктирные линии в надежде, что те дадут подсказку относительно их нынешнего местонахождения.

Но это был далеко не «кусочек» леса. В некоторых местах лес простирался минимум на пятьдесят километров. И судя по тому, что они видели, это был непроходимый девственный лес. Хатч придумал срезать крайнюю западную полосу в самой узкой ее части. Согласно карте, она была не больше десяти километров в ширину. А может, они сбились с намеченной Хатчем траектории, когда пошли по тропе к старой церкви? Они же неоднократно меняли направление движения: то запад, то восток, то северо-запад, то юго-запад. Если верить компасу, большую часть предыдущего дня они шли на запад или даже на северо-запад. Вместо того чтобы двигаться на юго-запад, а потом повернуть строго на юг и дойти до точки на карте, где, по словам Хатча, был нижний край леса с текущей рядом рекой. Таков был план. Но теперь Хатча нет. С утра Люк повел их на юг, чтобы они не проскочили самый узкий участок леса. Это было бы хорошо, если бы они находились там, где он предполагал. Но если они накануне слишком сильно отклонились на запад и забрели в соседний, более

широкий пояс леса, сейчас перед ними тридцать километров труднопроходимой местности. И лес там такой старый и густой, что даже днем в него не проникают солнечные лучи. Продолжая идти на запад, они в конце концов окажутся в Норвегии. Аналогичный финал их ждет, если накануне они сильно отклонились от юго-западного направления и углубились в более широкую область восточной глухомани. На то, чтобы преодолеть ее, потребовалось бы дня три пути, но только если бы они были в хорошей форме. Для Люка, будь он один, на это ушло бы две, от силы три ночи без пищи. Но из-за двоих калек... Тут Люк почувствовал тошноту и головокружение.

– То есть если мы выберемся из этой гребаной дыры, с той стороны будет другая, такая же?

Он даже не думал об этом, но сейчас, когда Дом выразил озабоченность, Люк поверил, что такое возможно. Рисунок местности часто повторялся, а иногда был сплошной аномалией. По обе стороны от узкой полоски леса простирались болота. Лес действовал как воронка, ловушка для глупцов, которые решили искать через него короткий путь, в надежде избежать соседних заболоченных участков. Остатки сил покинули его, когда он представил себе рельеф местности с высоты птичьего полета, испещренный глубокими ущельями, как ребра гигантской, простирающейся на километры грудной клетки. Здесь они найдут свой конец.

Люк в два укуса расправился с энергетическим батончиком и тут же подумал о втором. Остальные двое дожевывали по второму, то есть у каждого должно остаться еще по три. Четыре батончика Хатча были поделены поровну, один оставлен про запас. Люк держал его вместе с плиткой шоколада. Чтобы напомнить остальным о сложности ситуации, он сказал:

– Думаю, мы должны съесть два батончика вечером, с кофе и большим количеством сахара. Газа хватит еще на одну ночь и утро. У каждого останется в резерве по батончику, плюс шоколад, если потребуется. – Он не сказал «на завтра», хотя глядя на ущелье, начал понимать, что им придется провести еще одну ночь под открытым небом. Когда двое будут нести вахту, а спать – кто-то один. При этой мысли ему стало трудно дышать. Но вывод, что есть угроза остаться здесь еще на одну ночь, напрашивался сам собой.

В каждом батончике было 183 калории. Съев два сейчас и два потом, они не наскребут и 1000 калорий на брата. А впереди – часы ходьбы в холоде и сырости, требующие невероятных усилий.

– Это были мои последние два, – равнодушным голосом сказал Фил, глядя на свои грязные ладони.

Люк посмотрел на лохматую голову Филадельфии и сглотнул.

– Надеюсь, это была шутка?

– Дружище, мы сжигаем здесь кучу гребаных калорий, – огрызнулся Дом. Несмотря на усталость, у него осталась энергия на какие-то понты.

– А потом что вы будете есть?

– Твой шоколад, – сказал Дом, с напряженным лицом выслушав претензию.

– Мой?! Вы что, свой уже съели?

Дом кивнул. На его лице не было и тени стыда или сожаления. – И я все еще голоден.

Люк отвернулся и молча уставился на другую сторону ложины. Он переберется туда минут за двадцать или меньше. Эта мысль его взбудоражила. Он решил, что лучшим в данной ситуации вариантом будет вернуться к первоначальной стратегии, которую они обсуждали с Хатчем накануне вечером.

Если он бросит оба рюкзака с палаткой и вложит в поход все оставшиеся силы, сможет непрерывно идти до девяти часов вечера, пока не стемнеет. Идти дальше будет опасно. У него останется целых восемь часов ходьбы, беспрепятственной и необремененной этой парочкой. Он сумеет выбраться из леса уже вечером, если пойдет в правильном направлении. Филадельфия и Дома он может оставить здесь, в палатке, рядом с какой-нибудь заметной деталью, видимой с воздуха. Вода у них есть. Еды нет, но кто в этом виноват? Им просто нужно тепло закутаться, залезть в спальные мешки и по очереди дежурить. Может быть, развести костер.

Если они переживут эту ночь, завтра им придется провести здесь еще одну. Потому что даже если он выберется из леса в тот же вечер, минимум день уйдет на поиски дороги или поселения и организацию помощи. Две ночи без еды, один травмирован. Смогут ли они развести костер? У них есть зажигалки, но вокруг нет сухого дерева на растопку. Дождь шел четвертый день подряд. Понадобится несколько

часов, чтобы собрать подходящие для костра дрова. А к завтрашнему утру газ кончится.

Люк лихорадочно перебирал в голове разные сценарии, затем перешел к детальному рассмотрению возможных последствий каждого. Разбирая и отвергая их один за другим, он понимал, что лучший шанс на спасение – выбираться в одиночку.

– И что теперь? Как мне перебраться через это гребаное ущелье? – В голосе Дома слышалась нотка обвинения.

– Может... – тихо начал Люк.

– Может, что?

– Может, вернемся к изначальному плану?

– Изначальному плану? Изначальный план был выбираться отсюда как можно быстрее, никуда не сворачивая. А разве до сих пор мы не следовали изначальному плану?

В его голосе звучал сарказм. Опять сарказм. Кончится он когда-нибудь? Ковыляет еле-еле со своим бесполезным коленом, критикует и вечно жалуется. Люк – его единственный шанс на спасение, а он продолжает так себя вести.

– Вам не понравится то, что я собираюсь предложить.

– Я бабки на это поставлю, а, Филлерс?

Фил выглядел растерянным.

– Что?

– Он думает свалить. Верно? И просто бросить нас здесь.

– Послушай...

– Не могу поверить, что ты даже рассматриваешь такой вариант.

Люк поджал губы.

– Если бы вы могли нормально идти, разве мы сидели бы сейчас здесь?

– Что? – Дом покачал головой с отвращением. – Я – никогда. Хотя не знаю, почему я удивлен. Ты забираешь карту и все время корчишь из себя Хатча. Заводишь нас еще глубже в глушь. А когда достигаем этого кратера, собираешься просто бросить нас. И это после того, как мы утром согласились, что нужно держаться вместе.

– Вот именно, Люк. Вот именно, – выпалил Фил с настойчивостью, вызвавшей у Люка замешательство.

– Это не так.

– А мне кажется, что именно так, на хер. Каждый за себя, да? Ну, продолжай. Тогда пошел на хер!

– Послушайте...

– Да я устал уже слушать. Сперва яркие идеи Хатча, который дал себя убить, сейчас твои. А мы все еще здесь. Заблудились. Потерялись, черт тебя дери. – Голос Дома сорвался на хрип. Люк всеми фибрами своей измученной души желал, чтобы он замолчал. Боже, пожалуйста, прекрати!

Люк встал. Дом вздрогнул. Фил напрягся. Они подумали, что он кинется на них. Почему? Он же не такой. Или такой? Он бросает их потому, что они ему мешают, или он действительно хочет всех спасти? Может, Дом прав, и он лишь пытается обосновать свое эгоистичное желание выжить? В экстремальных условиях инстинкт самосохранения берет верх. Пришло время обрубить канат или пойти ко дну вместе с ними. Он уже не знал, где правда.

Люку вдруг стало стыдно. Он представил себе, как удаляется от этих двух несчастных фигур, сидящих у полурухнувшей палатки. Никто из них не смог бы даже поставить ее. Они с Хатчем ставили обе палатки каждый вечер, с начала похода.

Люк указал на ущелье, отчаявшись вынести новое противостояние. Он взглянул на Дома.

– Сможешь перебраться через него?

– Да.

– Точно?

– Да. Точно, на хер.

– Хорошо. Тогда давайте сделаем это.

Фил быстро посмотрел на одного, потом на другого.

– Один за всех, – сказал он, повышая голос, чтобы в словах прозвучал вопрос.

35

– Я не могу больше идти. – Дом уставился себе между ног, сев на землю. Его лицо было скрыто капюшоном куртки.

– Я тоже, – пробормотал Фил в знак солидарности.

Люк отвернулся от них и снова посмотрел на холм, на который они хотели забраться. Один его вид вывел их из равновесия. Такое препятствие казалось непреодолимым.

Он застонал и снял рюкзаки: сперва с груди, потом со спины. Все тело буквально горело. Он потянулся, и позвоночник пронзила вспышка боли. Наибольший дискомфорт ощущался в плечах. Без веса рюкзаков, действующих как жгуты, мышцы сокращались от болезненных спазмов. Что случилось с его ногами? Они были тяжелыми и неконтролируемо дрожали. Люк посмотрел на часы. 16:25.

Вытирая пот со лба, он уставился на возвышенность. Вдоль вершины холма темные пихты и ели были разбавлены белыми стволами берез и карликовых ив. На пике росла одна неуместно длинная ель. Возвышенность венчала серая от оленьего мха скала, которая могла стать хорошей точкой обзора. Можно было еще забраться на ель и осмотреться. Понять, где они находятся. И защищаться будет проще. Дым от костра может разнести ветром. И холм заметен с воздуха. «Ну наконец-то», – подумал Люк.

Он был одержим этим холмом с того момента, как тот стал периодически попадаться на глаза в просветах между деревьями, стоило им перебраться через болото. Все его внимание было приковано к этому холму. Он сомневался, что после перехода через ущелье, то есть за три часа, они сделали хотя бы километров пять. Большая часть времени ушла на остановки.

Дождь в конце концов утих. После того как они почти два часа мучились под ливнем. За это время они пытались укрыться под деревьями, но закончилось все тем, что просто сидели молча и мокли, пока их не начал бить озноб и не онемели пальцы. Не имея возможности высушить одежду, Люк убедил двух приятелей, что лучше идти мокрыми, под дождем. Чтобы поддерживать температуру тела. Те молча согласились, с трудом, в унисон поднявшись на ноги. Так они и брели по суровой земле, пока не добрались до подножия каменистого холма.

За день они прошли четыре, может, пять километров. Ничего хорошего. Совсем ничего.

Еще одна ночь здесь была неизбежна. Если они останутся вместе и продолжат тащиться со скоростью, заданной Домом, пока Люк несет большинство вещей, им никогда не выбраться отсюда. Но если бы они забрались наверх и разбили лагерь, может, развели костер из валежника, прячущегося на заросших склонах, и отдохнули до утра, завтра он мог бы уйти один и использовать остатки сил, чтобы

выбраться из леса и вызвать помощь. Здесь вполне можно оставить Фила и Дома. Им тоже наверняка понравилась бы эта идея.

Как он им скажет? Он мог бы объяснить это утром, когда они отдохнут и будут в состоянии мыслить ясно. Что тут еще говорить? Дальше он должен идти один.

Встав перед двумя другими, Люк наклонился вперед. Зажмурился.

– О'кей. Все хорошо. – Выпрямился, сделал глоток болотной воды из своей фляжки. – Там, наверху, мы разобьем лагерь и разведем костер.

– Я не могу, – сказал Дом. Он растянулся на сырых камнях склона и закрыл глаза от падающих дождевых капель.

Люк вздохнул.

– Я подниму туда снаряжение. Проверю, что к чему. А вы, парни, немного передохните. Держитесь вместе.

Он с трудом продел руки в лямки рюкзака. Как только это удалось, в натертых местах снова появилось жжение. Нагнуться за сумкой с палаткой он уже не смог. Фил приковылял к нему, поднял сумку и привязал за лямки к правой руке. Люк кивнул и начал взбираться на холм.

36

Сидя рядом с наполовину установленной палаткой, Люк уставился на свои покрасневшие от холода руки и ждал, когда уйдет тошнота. Его знобило. Желудок жгло. Вдеть стойки в рукава тента в правильной последовательности было почти невозможно. Перед глазами все плыло, а рукам не хватало сил загнуть стойки так, чтобы вставить концы в четыре угловых люверса. Фил бы ему помог.

– Фил, подсоби мне с этими проклятыми стойками. Я уже чуть не сломал их пополам.

Фил даже не повернул головы. Он сидел на корточках и смотрел вниз.

– Пожалуйста, не надо.

Люк отпил из своей фляжки.

– Как у него дела?

– На полпути от нас.

Дом двигался по каменистому склону сидя, спиной вперед, небольшими толчками, а Фил следил за ним с вершины. Это было бы

идеальное время для нападения. Вместо того чтобы остаться с Домом, Фил поднялся на холм вслед за Люком.

Почему то, что убило Хатча, не действует сейчас? Они были слишком уставшими, чтобы обороняться, а наиболее уязвимый член команды отделился от остальных. Разве не так поступают хищники? Ждут, когда самый слабый отстанет, и наносят удар. Потому что оно где-то там, внизу. Следит за ними. Он знал это.

Люк застонал и упал на колени. Из последних сил приготовился согнуть стойки палатки. Он проделывал это много раз на протяжении многих лет. Мог поставить палатку за двадцать минут. Но не сейчас. Он возился с ней уже гораздо дольше, и только одна из главных опор была на месте. Хотя бы получилось в последний раз. Больше он этого не вынесет. Палатка останется здесь. Завтра он пойдет налегке. Он оставил бы им даже свой рюкзак. Возьмет компас, нож, несколько плиток шоколада, спальный мешок и просто уйдет.

Дождь накрапывал, стуча по палатке и его сторбленным плечам. Он посмотрел на стальное небо. Пусть низкое и мрачное, но это небо. Здесь было хоть какое-то естественное освещение. Может, прояснится. Кто знает? Там, внизу, в лесу было темно, как ночью. Богом забытая земля. Человеку там не место.

Рискуя заработать грыжу, он в четвертый раз изо всех сил согнул стойку палатки. Стиснув зубы, сфокусировал взгляд на маленьком хромированном люверсе и алюминиевом наконечнике стойки, которые разделяли считанные миллиметры. Собрал последние остатки сил. Пальцы побелели, он закричал. Стойка проскользнула в кольцо, и он отпустил ее. Откинувшись на пятки, выставил вперед измученные руки. Кровь медленно возвращалась в пальцы. Он уставился на них. «Сделал. Сделал, черт побери!» – сказал он сам себе.

– Он остановился. Придется нам его тащить, – сказал Фил. – У него колено совершенно ни к черту.

Дом лежал под пологом палатки, неподвижно и молча. Раздетый до толстовки и нижнего белья, он растянулся поверх спального мешка. Больная нога была обнажена и вытянута, ступня торчала из прохода. Люк подложил ему под пятку рюкзак.

Дом не произнес ни слова с того момента, как добрался до вершины. Оказавшись наверху, он встал с помощью костыля на ноги и заковылял к возведенной палатке. Когда его «восхождение» закончилось, Люк, стараясь не встречаться с Домом глазами, пробормотал:

– Молодец, парень.

Они оба знали, что Дом на пределе. Ему придется ждать здесь, пока не придет помощь. От одной мысли, что нужно убедить Фила остаться, Люку стало еще хуже. Подождем до утра. Спорить у него не было сил.

Все по порядку. Нужно включить печку. Приготовить горячий напиток. Отправить Фила за дровами. Собрать как можно больше сухих дров. А он заберется на дерево и посмотрит вокруг. Надо придерживаться плана. Быть последовательным в своих действиях. Думать головой. Не допускать паники. Не идти напролом и не суетиться.

Разбив лагерь, Люк стал возиться с печкой. Он действовал, словно под кайфом. Сил не было, даже чтобы курить. Сигарета сейчас убила бы его: легкие были ни к черту. Ноги не слушались, он постоянно спотыкался. Его шатало. Из-за обезвоживания, недостаточного питания либо чего-то еще. Он будто весь день тягал железо в тренажерке. Интересно, есть ли тут съедобные растения? При мысли о диких ягодах у него потекли слюни.

В конце концов они сели все вместе и молчали, сжимая грязными руками кружки с горячим сладким кофе. Один его запах чуть не заставил их плакать. Они смотрели остекленевшими глазами на черную поверхность остывающего напитка. Никто не собирался искать сливки. Все слишком истосковались по теплу. Как только кофе немного остыл, тут же был проглочен.

Покончив с кофе, Дом снова лег. Он продолжал обнимать кружку, словно выжимая из нее остатки тепла грязными руками. Фил, облокотившись на колени, опустил голову вниз. Через некоторое время Люк подумал, что тот уже спит.

Но Фил думал о Хатче. Беззвучно оплакивал его. Такие мысли были заразны. Боль утраты всколыхнулась в груди и перехватила горло. Истощение на время вытеснило из памяти жуткий образ мертвого друга. Но стоило передохнуть, как он стал возвращаться к каждому быстро и беспощадно. Дом снова лег в палатку, закрыв лицо руками. Его плечи сотрясались от рыданий. Люк вглядывался в деревья, через которые они пробирались днем, пока глаза не застелила пелена.

– Фил, дружище, – произнес Люк, когда холод и морозящий дождь стали невыносимым дополнением к их скорби.

Фил наконец ответил:

– Что? – Но даже не повернул голову в его сторону.

– Я хочу залезть на дерево. Осмотреться вокруг. Может, увижу край леса. Кто знает.

Фил посмотрел на дерево. Его глаза заблестели. Дом вздрогнул и тоже быстро сел, с красными от слез глазами.

Люк указал на дерево.

– Я, наверное, сделаю ступеньку из камней. С нее подпрыгну и ухвачусь за самую нижнюю ветку. Если смогу подтянуться, заберусь вверх, как по лестнице. Пока лезу, буду смотреть сквозь ветви.

Дом кивнул.

– Может сработать.

– Вот почему я хотел, чтобы мы сюда поднялись. Нас чуть не убили, но это хорошее место. Пусть открытое, но для защиты от дождя у нас есть палатка. И на этот раз она стоит не под деревом, так что мы не рискуем снова подмокнуть. Еще можно развести костер. Фил, я хочу попросить тебя собрать немного сухих дров в подлеске. Кору и маленькие ветки для растопки. Разведем костер и будем поддерживать его всю ночь, по мере возможности. Только не отходи далеко от палатки.

Дом посмотрел на Люка с чувством, близким к одобрению, и кивнул.

– А мне что делать?

– Думаю, тебе нужно передохнуть. Мы сами как-нибудь. Но будь настороже. Если услышишь что-нибудь, кричи.

– Понял.

37

Люк старался не смотреть вниз.

Нога уже второй раз соскользнула с мокрой коры. Он мертвой хваткой вцепился в ветку над собой и подождал, когда спадет волнение. На лбу выступил пот. Люк шумно выдохнул и заставил легкие работать в нормальном ритме.

Можно было забраться еще выше, но он уже находился над верхушками склонившихся у подножия холма деревьев. Как только дрожь в ногах утихла, он решил осмотреться, глядя сквозь тянущиеся от ствола еловые ветви, густо усаженные иголками.

Впервые за все время нахождения в лесу он мог видеть на многие мили вокруг. А еще видел опушку леса. Люк чуть не заплакал. Казалось, она была так близко. Он хотел прокричать эту новость остальным, но испугался, что сорвется, и промолчал.

Прищурившись, снова взгляделся вдаль. Периметр леса был затянут дымкой далеких испарений, поэтому мог быть гораздо дальше, чем кажется. Но все равно находился в пределах досягаемости. Может, километрах в шести. Или в семи. Именно на юго-западе. Хатч правильно угадал направление. А Люк вел их на юг. Там их ждала стена буйно растущей зелени, затянутая тяжелым белым туманом низко висящего облака, которому не было видно конца. Боже, если бы они продолжали идти на юг по прямой, погрузились бы в более широкий пояс девственного леса, протянувшийся через норвежскую границу. Это дерево спасло им жизнь.

На Люка нахлынули воспоминания о лицах, улицах и зданиях Лондона, которые он снова увидит. Прикосновение мягкой кожи Шарлотты. Темный ароматный эль. Музыка из стереосистемы. Яйцо с чипсами под коричневым соусом в кафе, что в конце его улицы. Снисходительное выражение на лицах родителей. Даже зачуханная лавка, где он торговал компакт-дисками. Когда вернется, он будет дорожить каждой прожитой секундой. Прильнет к прилавку и скажет своему ненавистному боссу, что рад его видеть. Грудь распирало от нахлынувших эмоций. «Домой, домой, домой», – зазвучало в голове. Люк почувствовал, что улыбается. Кажется, впервые за последнее время. Улыбка выглядела нелепо на его напряженном лице. «Господи. Спасибо тебе, Господи!» Они будут жить. Они будут жить не несколько дней, а гораздо дольше. На горизонте замаячил луч надежды. Люк закрыл глаза.

Может, ему выдвинуться сегодня вечером? После того, как отдохнет и съест три последних энергетических батончика. Голова пошла кругом от новых блестящих идей. Он вздрогнул и открыл глаза.

Медленно вытащив из куртки компас, поднес к лицу, чтобы наметить точную траекторию. Туда, где виднелось нечто, похожее на длинное образование голых черных скал, прорывавшихся сквозь заросшее кустарником пространство. Над далекой пустошью висел туман. Это было поле валунов или равнина с выходами скальных пород. И где-то там была река Лулеэльвен, которая бежит на восток, к Скайте. «То существо не пойдет туда за мной. Оно не захочет себя раскрывать, – сказал он себе. – Оно прячется возле руин прошлого».

С этой высоты, в двадцати метрах над землей, он понимал логику Хатча насчет короткого пути. Но независимо от того, что на них сейчас

идет охота, преодолеть это расстояние можно было, лишь положив Дома на носилки. Даже они вдвоем с Хатчем с трудом преодолели бы этот путь. Если бы с одним из них произошел несчастный случай, вряд ли бы они оба выжили. «Глупо, Хатч. Как же глупо, дружище...»

Люк осторожно повернул голову и с опаской посмотрел на ветку, на которой стоял. Заметил внизу крошечную палатку. Подняв глаза, увидел на границе бескрайнего леса проход, через который они три дня назад вошли в это богом забытое место. За проходом виднелся неровный силуэт горного хребта. До южной точки леса оставалось еще около трети пройденного расстояния. Но со своей скоростью, без обузы в лице Дома и Фила, отдохнувший и подкрепившийся последними энергетическими батончиками, он рассчитывал выбраться из леса ближе к полуночи. Это значит, что три часа придется идти с фонариком в темноте. А, может, лучше подождать до завтра? Тогда он выйдет из леса к полудню. Если рискнет провести здесь еще одну ночь.

Прежде чем он успел решить, когда будет выбираться из лесного ада, снизу раздался чей-то громкий голос. Нет, два голоса. Один невнятный, другой зовущий:

– Фил! Фил! Фил! – С каждым словом голос набирал громкость, пока не сорвался на крик. Потом перешел в причитания. – О боже! О боже!

Второй голос раздавался рядом с деревом. Он исходил из палатки.

Люк замер, не в силах пошевелить ногами. Пальцы еще сильнее вцепились в ветки. Толстый сук под ногами жег подошвы, словно въедаясь в него.

Оно схватило их. Оно не видит меня снизу. Не двигайся, не двигайся. Еще светло, ты сможешь убежать. Жди. Жди здесь. Жди.

Вытягивая и опуская голову, он попытался разглядеть сквозь зеленые ветки своих товарищей. Повернувшись всем корпусом влево, всмотрелся сквозь паутину зелени и черных сучьев туда, откуда доносились причитания.

Увидел палатку. Где же Дом?

Дом стоял в нескольких футах от серо-зеленой палатки и, наклонившись, глядел со склона вниз. Теперь он молчал.

Вглядываясь сквозь скрывающую его зелень и нащупывая дрожащими ногами уже знакомые ветви, Люк начал спуск. Чтобы не

сорваться, он старался смотреть себе под ноги, а не на землю.

– Дом! – позвал он. – Дом! – Ответа не было, но он продолжал спускаться с ветки на ветку. Его голос казался слабым и нелепым. С трудом находя ногами очередную опору и прижимаясь к стволу всем телом, Люк спускался как напуганный слепец, пытающийся слезть с высокой лестницы. Дрожащий от страха и возбужденный адреналином. Все ниже и ниже, ветка за веткой, пока не повис на руках и не свалился на каменистую почву.

Иглы боли пронзили ноги. Он потерял равновесие и упал головой вперед, ударившись лицом о шишковатый корень, торчащий из земли. Внезапная боль отрезвила его и разозлила. Он встал на колени. Поднялся на трясущиеся ноги, ослабшие от напряжения.

Его взгляд метался по сторонам, в поисках того, что он не хотел видеть. Длинное существо, которое он себе представлял. Черное, идущее размашистым шагом. С влажной ярко-красной пастью.

Но он увидел лишь неподвижную палатку и Дома. Тот вернулся к ней, но все еще оглядывался через плечо. На вершине, вокруг палатки была лишь каменистая почва, серо-черные валуны, темный мох, бледно-желтый лишайник да несколько маленьких, тянущихся к небу деревьев. Филя на холме не было. Небольшая кучка собранных дров валялась у ног Дома, будто тот только что бросил их.

Собственное дыхание оглушило Люка. Пот, смешиваясь с каплями дождя, затекал в глаза. Взгляд смазался, глаза метались по сторонам, пытаясь увидеть худшее. Ему хотелось кричать и бежать куда угодно. Паника захлестнула. Он закричал что-то, чтобы прочистить мозги. Потом заставил себя замереть и успокоиться.

Зрение прояснилось. Угол обзора расширился. Он быстро пришел в себя. И тут на него налетел Дом.

Люк увидел, что того трясет, а глаза у него, как у сумасшедшего. Из раскрытого красного рта доносилось нечленораздельное поскуливание, вперемешку с судорожными вздохами.

Дом вцепился в него, как утопающий. Схватил Люка за куртку, потом поскользнулся и повалился на бок, увлекая его за собой. Они лежали и барахтались на твердой земле, не в силах расцепиться, потому что побелевшие руки Дома мертвой хваткой сжимали куртку Люка. Тот почувствовал, как затрещала в подмышках ткань.

– Дом, – пробормотал он. – Дом, отпусти. – Но Дом повис на нем, будто Люк был спасательным плотом в черной воде. Словно, не желая тонуть в одиночку, вцепился в единственную доступную, безопасную и надежную вещь.

– Отпусти! – заорал Люк прямо Дому в лицо. Но тот, захныкав, лишь проскулил:

– Он исчез. Его забрали... забрали...

Люк обхватил грязную голову Дома руками и, сжав ее, закричал:

– Отвали! Отвали от меня! – сминая это безумное, с выпученными глазами лицо. Руки, вцепившиеся ему в грудь, обмякли и отпустили. Дом лег на бок и закрыл грязными руками лицо.

Люк с трудом встал на ноги и разгладил вытянутую спереди куртку. Нащупал в кармане брюк маленькую овальную форму сложенного перочинного ножа. Вытащил его и раскрыл. Жалкое крошечное лезвие тускло поблескивало в сумеречном свете, заливавшем пустынный пригорок.

Он отошел от Дома. Не мигая, пока не почувствовал, будто в глаза втерли мыло, пошел прямо к краю вершины и посмотрел вниз на каменистый склон, где Фил собирал дрова.

– Фил, – позвал он, что было сил. Звал до тех пор, пока в легких не осталось воздуха. – Фил! Фил! Фил! Фил! – Потом закашлялся, в горле саднило.

Нигде не было ни малейших следов Филадельфии. Никто не откликнулся из сырых бесконечных деревьев, темных лощин и густого подлеска. Не было ни криков птиц, ни дуновения ветра. Даже дождь, казалось, замер от шока перед тем, что вышло из леса и забрало взрослого мужчину.

38

– Я... Я услышал его крик. Я не выпускал его из виду. Клянусь. Он был в двадцати футах от меня. Это все печка. Я проверял воду. Наклонился посмотреть, не кипит ли. Потом услышал его крик... – Дрожащий голос Дома стал глуше и тише. – Он исчез.

Люк присел рядом, все еще сжимая в руке нож. Отвел взгляд от Дома и палатки. Осмотрел каменистый склон, чтобы убедиться, что к ним никто не идет.

– Боже, Господи Иисусе. – Он не мог с этим смириться. Фил тоже исчез. Его утащили куда-то во тьму... Люк попытался отогнать от себя наихудшие опасения.

Всего этого просто не может быть. Не будь он таким измотанным, морально и физически, он давно сошел бы с ума. За три дня нахождения в этом месте его чувства притупились. Личностные качества растворялись, обнажая инстинкты и страх. Наверное, так рассуждают трусы. Здесь тебе не нужны чувства. Просто бойся все время и быстро действуй, если что-то пойдет не так. Расслабишься, и ты труп.

Он должен уходить немедленно. Обязательно один. Он встал и посмотрел на другую сторону холма. Оно забирает их по одному и исчезает. Их разделение может его запутать. Используя остатки дневного света и сил, он должен просто бежать, без оглядки.

А если сегодня оно изменит модель поведения и убьет их обоих? Сперва Дома, лежащего в палатке здесь наверху, а потом его внизу, запутавшегося в подлеске и обезумевшего от истощения. Легкая добыча.

Сон. Прутья.

Дом в ужасе смотрел на него. Глаза по краям были ярко-красного цвета. Грязный, в синяках, растрепанный и мокрый. В одних грязных шортах и куртке. Он выглядел жалко. К горлу Люка подкатил комок. Он вздрогнул. Упал на колени и обнял Дома за плечи. Зажмурился. Дома бил озноб, но его руки крепко обхватили Люка за талию. Он вцепился в него, как напуганный ребенок.

Они еще долго стояли, обнявшись, и молчали под морозящим дождем, в меркнувшем свете дня.

39

Темнело, а огня у них не было. Только фонарики и голубой огонек туристической печки. Оба ресурса необходимо экономить до утра. Они сидели спина к спине перед палаткой, покончив с последними энергетическими батончиками и остатками сахара. На какое-то время это их стабилизирует. Слабый поток питательных веществ в истощенной крови принес небольшое успокоение.

С юго-запада непрерывно дул холодный ветер. Он шевелил деревья у подножия холма, словно чье-то мощное и нетерпеливое дыхание.

Дождь кончился, но воздух был холодным. Под тяжестью нависшего над холмом облачного покрова вокруг рождались вечерние тени. Скоро все погрузится во тьму.

Они сидели, подложив под себя спальный мешок Филадельфии, чтобы защититься от холода камней. У каждого был 180-градусный обзор. Каждый нес свою вахту, стараясь не думать о том, что случилось с Филадельфией.

Дом невесело рассмеялся, нарушив долгое молчание:

– Я бы все отдал, чтобы увидеть то, от чего хотел убежать на неделю. Безумие какое-то!

Люк почувствовал, что широкая спина Дома надавила еще сильнее. Он не знал, что человеческое тело может быть таким тяжелым и твердым. Люк откашлялся.

– Ты не ошибся. – Он уставился вдаль. – Я вконец запутался со своей жизнью. Давно уже. – Он натянуто улыбнулся дрожащими губами. – Разочарование стало для меня естественным состоянием. Но почему только сейчас мне не кажется, что раньше все было плохо? Боже, как я хочу снова оказаться в своей сраной старой квартире с чашкой чая в руке.

Дом снова рассмеялся, Люк подхватил его, пока Дом вдруг не замолчал, втянув в себя воздух.

– Господи, как же я люблю своих детей. Я не увижу... – Он беззвучно заплакал, сильнее прижавшись к Люку спиной.

Люк почувствовал комок в горле. Он покачал головой. Ему до сих пор не верилось, что он сидит здесь. Что нет больше Филадельфии. Нет больше Хатча. А он сидит, будто немой, и смотрит, как с меркнувшим светом медленно угасает его зрение. Холод увлажнил лицо и сковал суставы.

Какая-то внутренняя сдерживающая функция не давала ему постичь истинное значение утраты. Но мысленно он продолжал возвращаться к не поддающимся описанию чудовищным обстоятельствам гибели друзей. Эта невыразимая тяжесть грозила раздавить его.

Он с горем и ужасом вспоминал фото трех маленьких белокурых девочек на заставке мобильного телефона Филадельфии. И больше не мог сдерживать свои чувства.

Как им передать эти новости? Кто сможет объяснить такое? Как вообще это сделать? У Хатча осталась жена. Люк сглотнул. Губы

тряслись, широко раскрытые глаза жгло. Он попытался отогнать эти мысли, но не мог. Ноги и руки дрожали.

Он представил себе, что будет, если он не вернется в Англию. Воображение рисовало мать, отца, сестру, дядю. После его утраты они будут нести на себе бремя скорби. Со временем она тоже утихнет. Но это будет потом. Боже, им придется лететь в Швецию, разговаривать с вежливыми чиновниками, ждать возвращения растерянных поисковиков. Он видел вытянувшееся от тревоги лицо матери, руку отца, обнимающую ее за поникшие плечи. Может, про них расскажут в новостях. Четверо английских парней пропали у Полярного круга. Будет какая-нибудь заметка в газете. Может быть. Боже. У Дома семья. Дети. У Хатча была жена. Жена, черт побери. У Филя остались дети.

Думать об этом было невыносимо тяжело. Внезапно у Люка перехватило дыхание, так как все лица со свадьбы Хатча, искаженные от шока, недоумения и горя, одновременно хлынули ему в голову. Исчезли, а потом вернулись.

– Боже, Дом. О боже, Дом, – тихо пробормотал он.

Дом повернул голову, шмыгнув носом.

– Что такое?

Но Люк не мог успокоиться. Это было похоже на затяжку из огромного кальяна с марихуаной в старые университетские деньки. Никогда в жизни он не испытывал такого страха. Испугался, что навсегда потеряет контроль над собой и не обретет свое прежнее «я». Его память словно стиралась на быстрой перемотке, когда он исторгал рвоту и задыхался, хватая ртом воздух над унитазом. Теперь он снова погрузился в ледяную пучину паники и страха. Был поглощен ужасом, что уже никогда не будет чувствовать себя иначе. Сердце колотилось, словно где-то у самого горла, на голове выступил пот, пропитывая шерстяную шапку.

«Это естественно, – сказал он сам себе. – Нужно смириться. Дать этому выгореть. И все закончится само собой».

– Ты в порядке? – спросил Дом.

Люк сделал три глубоких вдоха и зажмурился, дав панике утихнуть. Когда ритм сердца успокоился, открыл глаза. Потом вытащил табак, бумагу и зажигалку из верхнего кармана реквизированной у Хатча куртки. Кивнул.

– Думаю, да.

– Понимаю, – сказал Дом. – Понимаю.

Люк попробовал свернуть самокрутку, пытаюсь унять дрожь в руках. Не получилось. Попробовал еще раз. Не удалось. Еще. Его руки никогда не были такими грязными. Черные под ногтями. Отчистит ли он когда-нибудь эти пальцы?

– А мне можно такую же? – глухо спросил Дом.

– Ты уверен? – не думая, спросил Люк.

– При нынешних обстоятельствах есть более серьезный риск, чем курение. Можешь мне свернуть? А то я забыл, как это делается.

– Да. Без проблем.

Он протянул Дому через плечо грязную сигарету с зажигалкой. Последнее слабое утешение из другого мира. Когда их пальцы ненадолго соприкоснулись, этот маленький контакт заставил Люка содрогнуться от стыда. Он вспомнил, как бил Дома по лицу. Бил это настоящее, живое, полное экспрессии лицо. Вспомнил удивление, шок, страх, боль на его детской физиономии. Когда нам страшно и больно, разве мы бываем другими?

– Мужик, мне очень жаль. – Он с трудом подбирал слова.

– Ммм?

– За то, что я сделал. Не могу поверить, что я это сделал. Просто я... злюсь. Все время. Это неправильно. Я не справляюсь...

– А я, наверное, полный засранец.

Они снова сидели в тишине, пока ее не нарушил Дом.

– Думаешь, кто-нибудь счастлив?

– Откуда мне знать.

– Как ты и сказал, в эти дни главное – пиар. Управление брендом. Социальные сети. Акционирование собственного опыта. Мы все рекламируем себя, как можем. Но какой это оказывается чушью, когда сталкиваешься с чем-то подобным.

– Здесь условия равны для всех.

– На хрен все это дерьмо. Что действительно важно, это способность выживать. Некоторые делают это лучше других.

– Наверное.

– Ты, например. Ты умеешь.

Люк не знал, что ответить.

– Здесь у тебя хорошо получается. Лучше, чем у нас с Филом. Может, еще Хатчу удавалось управляться с печками и палатками. Все-

таки у тебя есть инстинкт.

Это был комплимент?

– Когда Хатча не стало, мы с Филом оказались в глубокой жопе. Без тебя мы далеко не ушли бы. Ты нам очень помог. По крайней мере, подвел нас ближе к концу этого гребаного леса.

Люк подавил в себе горький смешок.

– Это другой мир, с которым мне не справиться. Я в нем бессилен.

– Не будь к себе так суров.

Люк со вздохом кивнул. Он не мог принять этот совет.

– Не думаю, что кто-то из нас знает, каково быть счастливым, – задумчиво сказал Дом. Его голос звучал глуше обычного. – Может, у Хатча получалось. Он никогда не усложнял. Реально смотрел на вещи. Не перенапрягался. Подцепил себе неприхотливую бабу. Заботился о себе. У остальных это не так хорошо получалось, если взглянуть поближе. Все, чего мы с Филом достигли, больше нет. Ничего. Мы – парочка толстяков, оказавшихся на грани развода, стоящих перед перспективой ограниченного доступа к своим детям. Парочка жирных кретинов, которые даже не могут справиться с прогулкой по лесу.

Люк рассмеялся. И смеялся до тех пор, пока его лицо не согрелось и не залилось слезами.

– Разве не так? – продолжил Дом, улыбаясь сквозь слезы. – Фил тоже женился на кошмаре. Это его проблема. Бедный засранец. Теперь все достанется этой сучке. Чего она всегда и хотела. Будем надеяться, что долги по кредиту тоже достанутся ей. Но Гейл... – Он сделал паузу и выдохнул. Когда он продолжил, его голос перешел почти на шепот. – Она не справится с этим, дети тоже. Вот почему я хочу выбраться. Я должен. Просто должен. Ее родители слишком старые. Ребятишки не перенесут... – Дом откашлялся. Выдохнул изо всех сил.

– Сейчас не время, Домжа. Держись! Большой толстый плакса...

Они снова сидели в тишине. Люк почувствовал спиной, что тело Дома стало теплее.

Повернул голову.

– Мы справимся, дружище. Справимся. Завтра. И послушайся своего же совета: не истязай себя. Не сейчас. Не здесь. Я снимаю шляпу перед вами, ребята. Снимаю. И всегда так делал. У вас все получилось. – Он сделал паузу. – То, что я сказал вчера вечером, было чушью. Просто я чувствовал себя изгоем. Дурная привычка. – Он

длинно и устало вздохнул. – Я всегда завидовал вам, парни. Знаешь об этом?

– Будь осторожен в своих желаниях, – сказал Дом и откашлялся от нахлынувших эмоций.

– Я всегда вами гордился.

– А мы всегда восхищались тем, что ты отмачивал. По крайней мере, ты всегда действовал изобретательно. Делал дела несколько иначе. Хотел чего-то другого.

– Это ни к чему не привело. Вот все, что я знаю.

Дом пожал плечами, вздохнул.

– Мы все были более-менее моногамными типами. Вступали в отношения и оставались в них. Потом дети. А ты как минимум несколько раз бросал своих телок.

Люк улыбнулся.

– И мы все после университета вернулись в наш родной город. Никуда не уехали. Это облегчило нам жизнь, Люк. Когда мы отучились, все было дешевле. Мы купили дома. До последнего времени не меняли работу. Я никогда не рисковал. И Фил. Вы с Хатчем, по крайней мере, пробовали себя в чем-то другом. Да какое это имеет значение? На самом деле никто не защищен. Не так ли? Никто из нас не знал, что жизнь подбросит. Все облажались, Люк. Все пострадали. Все наделали ошибок. В этом лесу. И не важно, в каком доме ты живешь.

Они снова на какое-то время замолчали. Люку было неловко и стыдно. За то, что он сделал с Домом, за то, что сказал. Это его друг. Покалеченный, замерзший, напуганный, но все равно пытающийся его подбодрить. Если это не дружба, что тогда? Он не знал.

– Я имел многое, но так и не научился это ценить. И теперь знаю, что у меня никогда не было подобных испытаний. Серьезных испытаний. До сих пор. Я стал сам себе помехой и ною из-за этого.

Пришло время, когда он должен доказать. Проявить мужество. Вытащить их обоих отсюда. Если справится, это будет единственное полезное дело, которое он сделал за всю свою жизнь. Нет ничего важнее вопроса жизни и смерти.

Теперь они были вместе, сидели спина к спине. И чувствуя прижавшееся тело друга, Люк пообещал себе, что ни за что на свете не бросит Дома. Ни сегодня ночью, ни завтра утром. Только не здесь.

Сама мысль оставить Дома рядом с палаткой была невыносима. Он представил себе, как оглядывается на холм. И видит, как нечто выходит из леса и подбирается к его другу. Чтобы прикончить.

Похоже, они думали об одном и том же, потому что Дом вдруг сказал:

– Тебе лучше уйти.

– Не глупи.

– Я серьезно. Единственная полезная здесь, на дальнем севере, вещь, которой мы не воспользовались в своих интересах из-за моей медлительности, – длинные вечера. Если поспешишь, выберешься уже сегодня.

Люк покачал головой.

– Нет.

– Не будь ослом. Это твой единственный шанс. Моей ноге конец. Она даже не сгибается. Далеко ли я смогу уйти завтра, приволакивая ее и спотыкаясь повсюду со своим костылем? Нет, не очень далеко. Поэтому выбирайся отсюда и приведи помощь. Серьезно, Люк. Я не шучу. Люди должны знать, что здесь случилось.

– Не могу. – Голос Люка прозвучал тонко и жалко в холодном влажном воздухе, перед величием безразличного ко всему и бескрайнего древнего леса.

– Какая от меня польза? – Голос Дома смягчился, но звучал как-то старше. Люк никогда раньше не слышал подобного тона. Это был голос отца. Голос мужчины. – Одно дело, когда нас было трое. Теперь все изменилось. Ты должен дать себе шанс. Я поступил бы точно так же, если тебе станет от этого легче. Если бы все было наоборот и ногу повредил ты, я бы давно ушел. Оставаться со мной – все равно что подписать себе смертный приговор.

Люк уронил лицо себе на руки, вцепился в щеки пальцами. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким несчастным. Он закрыл глаза и был готов расплакаться.

Дом понизил голос до шепота. Он протянул руку, схватил Люка за бицепс своими широкими пальцами. И сжал.

– Пожалуйста. Иди. Все равно я буду следующим. В лесу ты не сможешь присматривать за мной и одновременно глядеть себе под ноги. Это невозможно. Ты сделал все, что от тебя зависело. В противном случае оно заберет обоих. Сперва меня, когда ты

повернешься спиной. Потом тебя. Мне не пробраться через этот лес, даже если завтра я приложу все усилия. А это значит, что нам придется провести здесь еще одну ночь. Ты знаешь это.

Люк пытался не выдать голосом эмоции, но не смог.

– Ни хера, Дом. Ни хера. Он сглотнул. – Меня не волнует, сколько времени это займет. Не волнует. Но мы останемся здесь вместе. И послушайся своего же совета: не истязай себя. Утром пойдем в твою темпе. Будем отдыхать и идти. Присматривать друг за другом. Все вещи оставим тут, вместе со спальными мешками. Мы выберемся вместе либо не выберется никто.

Пальцы Дома сжали его еще сильнее. Он плакал. Пытался сдержаться, но не мог и злился из-за этого.

– Черт.

– Все хорошо. Все хорошо.

Дом зарычал и откашлялся.

– Я все продумал, а ты все просрал.

Они оба фыркнули. Смеяться они уже не могли себе позволить.

Дом прочистил горло.

– Ты снова дал мне надежду.

Люк протянул назад руку и сжал плечо Дома.

У подножия холма, не более чем в двадцати метрах от них, словно бросая новый вызов, из чьей-то невидимой пасти вырвался протяжный и жуткий звук. Заставив трепетать и сам холм, и каждый квадратный метр земли на многие километры вокруг.

40

Стая птиц взмыла в небо, набрала скорость и устремилась на юг, удаляясь от источника звука на максимально возможную дистанцию. Он находился где-то прямо под ними, бесшумной поступью двигаясь среди деревьев с южной стороны холма.

Меняющее цвет от серого до сине-черного, небо поглотило оставшиеся лучи солнечного света. Скалы и деревья вокруг утратили четкость, их расплывчатые силуэты напуганный рассудок мог интерпретировать как угодно.

Дом даже не встал. Его лицо так побледнело под слоем грязи, что потрескавшиеся губы стали красными, будто от вина. В широко распахнутых глазах сквозило безумие. Страх буквально прижал их

обоих к камням, лишив дара речи. Люк стоял на трясущихся ногах, глядя на край холма, откуда донесся звук, и ждал появления долговязой тени.

Он не мог дышать, его легкие будто склеились. В голове вертелись идиотские слова и вспыхивали образы раздробленных останков в сырой яме под заброшенной церковью.

Где-то в глубине себя он пытался отыскать то пламя ярости, которое заставило его пойти на встречу с неведомым, когда они нашли бедного Хатча, выпотрошенного, со свисающими между ног и вывалившимися на черную кору ветвей внутренностями. Но в душе царил хаос, в котором не было места ничему, кроме ужаса, оставившего в голове один примитив.

Потом вдруг снова, уже слева от них, жуткий рев разорвал сырой болотистый лес, где каждый торфяник и камень помнил доисторические времена. Звериное хрюканье сменилось дьявольскими воплями, в которых почти улавливались слова.

Казалось, из самых недр подсознания кричали невнятные голоса предков. В ужасе кричали из тех времен, когда ни символами, ни языком нельзя было выразить то, что охотилось и предвещало смерть. Люку почудилось, что в этом холоде и тьме они вернулись в то время, когда Земля была молодой. А может, и в еще более раннее. Оно господствовало здесь. Ветви и листья содрогнулись, поверхность болот всколыхнулась, темные и сырые долины затаили дыхание перед его появлением.

Люк двинулся на звук, к восточному краю холма, где они решили держать последнюю оборону. А может, встреча с ним обернется жертвоприношением. Оно заберет с вершины их трепещущие тела, стремительно набросившись с той радостью и возбуждением, которые бывают у хищников от запаха теплой плоти и фонтанирующей соленой крови.

Люк представил себе пригнувшуюся к земле, мускулистую тьму. Крадущуюся в тенях, с легкостью обходя препятствия. Те самые препятствия, которые хлестали их по ногам и мешали идти. Оно просто обходило их, способное проскользнуть сквозь любой естественный барьер. Каждая пядь земли, наверное, была давно знакома его ноздрям и языку.

Зажав в руке нож, Люк сказал себе, что у него будет один удар, и он должен нанести его быстро. Молниеносно. Быстрее пули. Именно в тот момент, когда оно выскочит, чтобы вцепиться в горло или распороть грудь. Один удар – один шанс.

Приблизившись к краю холма, Люк опустил на корточки и поднял левую руку, как делают полицейские-кинологи. Занесенная для удара рука побелела от напряжения.

Потом он, не задумываясь, развернулся и бросился назад, туда, где сидел и наблюдал за ним Дом. Бросился большими прыжками, не глядя под ноги. Бросился со всех ног к Дому и палатке, держа нож наизготовку.

Волосы на затылке встали дыбом, в ушах зазвенело, в груди похолодело. Как он и предчувствовал, оно зашло с тыла. Быстро и тихо, выманив из лагеря одного из них.

Позади палатки посыпался гравий. Раздался звук, похожий на храп вола, а потом Люк заметил темную фигуру, метнувшуюся вниз и растворившуюся в темноте, как скользящая тень от тучи. Стоя между елью и провисшей палаткой, он дорисовал в воображении образ чего-то длинного, черного, проворного и текучего как вода. Оно исчезло под южным склоном холма.

Люк перестал метаться и бросился, спотыкаясь о покрытые лишайником валуны, за палатку. С силой выдохнул воздух, издав при этом крик, когда окунулся в звериные миазмы, оставленные существом. Он оказался в том самом месте, где оно только что было. Тянулось оттуда, чтобы схватить Дома, сидевшего перед палаткой и глядевшего в другую сторону. Зашло с подветренной стороны.

– Умный ублюдок.

Именно поэтому Дом не почувствовал ни тяжелый запах, исходящий от сырой и грязной шкуры, ни горячий мясной смрад дыхания, вырывающегося из огромной пасти, ни скотское зловоние воздуха, выдыхаемого широкими ноздрями.

Стоя на краю холма, Люк посмотрел вниз, на дальнюю южную границу леса. Ничего. Ни малейших следов.

– Что? Где оно? – прошептал Дом. Его голос был напряженный и высокий до неузнаваемости.

– Ушло. Туда, вниз. – Люк бросил взгляд через плечо в сторону палатки. – Смотри перед собой!

– Что?

– Перед собой! – Люк быстро вернулся туда, где сидел испуганно уставившийся на него Дом.

Осмотрел скалистую вершину холма, потом ее края с запада и с севера. Ничего.

Покачал головой и наклонился вперед, уперев руки в бедра и глотая темный воздух.

– Боже.

– Что? Где оно?

Люк посмотрел на Дома.

– Оно отвлекло меня. Заставило пойти на звуки. Но появилось не оттуда, а зашло со спины, когда ты смотрел в другую сторону. Оно было за палаткой.

– Нет.

Люк кивнул.

– Я внезапно понял, что этот ублюдок хочет сделать. Он зашел сзади, с южной стороны. К тебе со спины.

– Черт. – Дом с трудом поднялся на ноги, опершись на костыль. – За палаткой? Ты видел его?

Они пристально посмотрели друг другу в глаза. Люк покачал головой.

– Но, похоже, оно большое.

41

– Оно снова было рядом. Ты слышал?

Но когда Люк повернул голову к Дому, глаза у того были закрыты. Он спал мучительным и беспокойным сном, другого этот лес не мог позволить человеку.

Люк потряс Дома за плечо.

Дом медленно открыл глаза.

– Я уснул? – спросил он глухим невнятным голосом.

– Иди спать первым, – тихо сказал Люк и осветил фонариком в проход палатки. Было пол-одиннадцатого. Первый из восьми часов темноты прошел.

Сев спина к спине у входа в палатку, они укрылись спальными мешками будто одеялами и стали смотреть, как меркнет последний свет. У каждого в руках был фонарик и нож.

Идти вдвоем в палатку означало верную смерть. Они должны спать по очереди. Люк предложил это раньше, но Дом отказался от идеи попасть в ловушку внутри палатки, без возможности кругового обзора. Вместо этого он предпочел не ложиться спать, всю ночь бодрствовать и нести дежурство.

– Я не буду спать, – сказал Люк. – Иди первым. Ты должен поспать, Дом. Я подежурю до полуночи. Нам не нужно, чтобы ты уснул прямо здесь.

Но Дом продолжал сидеть рядом с палаткой, прижавшись плечом к спине Люка. Луч фонарика прыгал по скалистой вершине с его стороны.

– Извини. Я больше не усну. Обещаю.

Еще один час прошел без происшествий.

Люк вздрогнул. Голова была пустой. Он продолжал держать свой фонарик направленным во тьму. Свет от него стал слабым и неясным. Скоро придется воспользоваться запасным фонариком Филя. Но его тело было закутано в успокаивающее тепло зимнего спального мешка, и ему не хотелось двигаться. Не сейчас. Впервые за день он почувствовал что-то вроде удобства.

Дом храпел. Снова уснул рядом с ним.

Люка тоже тянуло в сон. Несмотря на угрозу смерти, он начал клевать носом, но потом резко проснулся, похолодев от страха и крепче сжав фонарик.

Без сна можно было и не думать о завтрашнем походе через тьму лесного царства. Каждый мускул истощенного тела ныл, позвоночник превратился в сплошной столб боли. Можно разбудить Дома, чтобы тот подежурил, пока он вздремнет часок. Но Люк не был уверен, что тот не заснет. Дому требовалось больше сна, чем ему: колену необходим отдых. Каждая минута сна, обеспеченная Домом, увеличивала их шансы на спасение. На следующий день Дом будет внимательнее, пока он начнет прокладывать путь из этого древнего ада.

Люк обустроил свое место и встал на колени внутри спального мешка. Дом всем весом упирался ему в ребра. Конечно, не заснуть, стоя на коленях. Дрожь от холода, он потянулся и поднял у Дома с коленей фонарик. Потом поднял оба фонарика на уровне пояса и

направил бледные лучи в противоположные стороны от того места, где они сидели перед сморщенной палаткой.

Так он просидел без движения двадцать минут. Потом еще пятнадцать. Прошел час. Ритмичное дыхание товарища убаюкивало. Насколько важна была для Дома каждая секунда сна...

Люк резко открыл глаза, почувствовав, что на секунду их закрыл. Он знал, что они на этом холме не одни.

Пока он проваливался от истощения в манящую, успокаивающую кому, какая-то его часть оставалась бдительной. Некогда забытый, но теперь активированный и тщательно отстроенный участок мозга, который иногда будил его, если в квартире раздавался звук, превышающий по громкости мышиную возню, скрип балки или вибрацию трубы в стене. Та его часть, которая отвечала за противоестественные ночные звуки, мгновенно оживила мозг без всякой зевоты и оцепенения, свойственных обычному пробуждению.

В ослабшем свете фонарика он видел не дальше чем на десять-пятнадцать футов. Даже край холма давно исчез в сумраке туманной ночи. Ближайшие к палатке камни были еще видны и излучали в темноте странное голубоватое свечение, но при попадании прямого света становились белыми, как морские раковины.

– Дом.

Дом по-прежнему спал, навалившись на него всем весом. Торчавшие лопатки давили в такт мерному дыханию. Справа, между палаткой и южным краем холма, не далее чем в двух метрах от первой оттяжки, Люк заметил тень, которой раньше не было.

– Дом.

Тень не двигалась. Неподвижная словно камень, длинная как поваленное дерево в лесу. Ее нельзя было заметить случайно или боковым зрением. Темная фигура, которую даже самый бдительный охотник мог рассмотреть лишь со второго раза.

Люк боялся даже осветить фонариком. Он не хотел смотреть.

Сглотнул. Захныкал.

– Дом.

Дом забормотал что-то во сне.

И тут ближайшая часть тени, попавшая под жидкий свет фонарика, шевельнулась. Приподнялась не более чем на пару дюймов, как крадущаяся кошка перед следующим шагом по направлению к жертве.

Люк, подобрав под себя затекшие ноги, встал на корточки и изо всех сил заорал. Направив луч фонарика прямо на фигуру, он отбросил другой фонарик, чтобы выхватить из недр спального мешка нож.

То, что пришло за ними по склону холма, прижалось к земле, напуганное криком. В скачущем белом свете черная фигура сжалась от света, потом быстро ретировалась, буквально растворившись во тьме. Это было нечто, покрытое шерстью и блестящее, как нефть.

Люк пошарил в теплых внутренностях спального мешка в поисках ножа. Пальцы скользнули по нейлону, молнии, собственной ноге. Пусто.

– Дом!

Дом проснулся. Окоченевший от страха, он прижался всем телом к животу Люка.

Время будто остановилось. В воздухе повисло напряжение, как бывает перед смертельным броском диких зверей.

Царапая камни чем-то похожим на кость, оно удалялось вниз по склону, во тьму, подальше от света фонарика. Это могло быть игрой воображения, но Люк почувствовал, что длинная фигура бросилась по-паучьи в сторону и исчезла за палаткой. А потом переместилась к тощему силуэту ели или просто возникла там. Потому что теперь она двигалась в полный рост за стволом дерева у дальних границ света. Затем она еще немного приподнялась, зашла за ствол и, кажется, обошла его на невидимых конечностях, длинных как ходули. Или это игра тени, отбрасываемой дрожащим фонариком?

Люк встал. Тусклый свет фонарика выхватил из темноты дерево и скользнул по тому, что могло быть длинными тонкими качающимися ветвями или чем-то иным.

Нашупывая свой фонарик и нож, Дом бормотал что-то нечленораздельное у Люка под ногами.

Длинная тонкая фигура, похожая в скользящем свете фонарика на скопление ветвей, приподнялась еще выше. При виде этого у Люка будто все расплавилось внутри, а потом он вообще перестал ощущать свой желудок.

Люк обошел вокруг Дома и бросился к дереву. По пути он опустил правую руку и схватил тяжелый камень из кучи, придавливавшей оттяжку. Размахнулся и как бейсболист, что есть силы, бросил камень в дерево.

За жутким звуком удара камня о плоть последовал оглушительный вопль. После броска Люк отскочил назад. Но не успел он выпрямить спину, как что-то мелькнуло из-за дерева и ударило его в голову.

Глаза ослепила белая вспышка боли, и Люк провалился в кромешную тьму.

42

Илистый свет просочился сквозь полузакрытые веки и усилил боль в голове. Люк испытывал тошноту, замешательство и не понимал, где находится. Лицо и шея были влажными и холодными.

Голова будто увеличилась в размерах, стала неповоротливой и бесформенной. Что-то мокрое нависало над одним глазом и заслоняло свет.

Под голову вместо подушки был подложен рюкзак. Согнутая под неудобным углом шея ныла. Он приподнялся на локте и прищурился. Пустой желудок вспучило от газов.

Тент палатки хлопал на ветру, как парус. Люк увидел его, скосив один глаз. Его тело было накрыто двумя спальными мешками. У ног под стальной кастрюлей шипел голубой огонек маленькой печки. Люк вытянул руку и осторожно потрогал ту часть лба, откуда грозowymi раскатами распространялась по всему телу боль. Голова была обернута чем-то мягким, давящим на уши и стягивающим затылок. Он сглотнул ком в сухом распухшем горле. Вода. Ему очень нужна вода. Он закашлялся.

– Дом.

Послышался хруст камней, вслед за которым раздался стук палки, сопровождаемый усталым дыханием. Он повернулся на звук, потом закрыл глаза, когда от ударившей в голову боли его чуть не вырвало. Перелом черепа. О черт! О черт! О черт! Голова внезапно закружилась, и он медленно вернулся в прежнее положение, упершись в рюкзак.

– Дружище! Слава яйцам! Ты очнулся. А я уже решил, что ты в коме, – сказал Дом, наклонившись так близко, что Люк почувствовал смрад его дыхания и резкий густой запах грязной одежды.

– Вода осталась?

– В кастрюле последняя. Большую часть я потратил на твою голову. Пришлось помыть ее, прежде чем наложить повязку. Кофе и шоколад на завтрак.

– Который час?

– Одиннадцать.

– Нет.

– Ты был без сознания. Оно тебе все лицо изуродовало. Нужно зашивать.

– Все так плохо? – пробормотал Люк и почувствовал себя дураком. Откуда Дому знать?

– Хорошо, что оно не вернулось после того, как ты ударил его. Что ты сделал? Достал его ножом? Боже, этот звук. Ты ранил его. Наверняка ранил.

Люк приоткрыл один глаз.

– Я бросил камень.

– Камень?

– Угу.

– Ни хрена себе!

Люк попытался улыбнуться, но его опять затошнило.

– Насколько все плохо? С моей головой? Только не ври.

Дом замолчал и уставился себе под ноги, затем, поморщившись, снова посмотрел на Люка.

– Никогда не видел столько крови. Но, может, не все так плохо. Еще не значит, что все настолько серьезно. В голове больше крови, чем в любой другой части организма. Я так думаю. Вот почему черепно-мозговая травма выглядит хуже.

– Черт. – Черепно-мозговая травма. Эта фраза вызвала в нем трепет, а потом будто окатила холодной водой. Это может быть очень плохо: перелом черепа или сотрясение мозга, что объясняет тошноту. А может, что-нибудь похуже. Кровяной сгусток или рана, которая требует немедленной операции, чтобы предотвратить повреждение головного мозга. Нужно откачать жидкость. Немедленно.

В нем снова заворочалась паника, вдобавок к давящей боли, от которой перед глазами мелькали красноватые точки. Он сделал глубокий вдох, и его передернуло до пальцев ног.

– Ты весь в крови, дружище. Я не знал, насколько все плохо, пока не встало солнце. Меня чуть не вырвало. Но мы справились. Мы дожили до утра. Можешь поверить?

– Обезболивающее. «Нурофен» остался?

– Извини. Все ушло на мое колено.

– Наверно, я даже встать не смогу.

Дом молчал.

– Тогда мы в заднице, – внезапно сказал он бесстрастным голосом. Его слова прозвучали безжизненно и устало. Это были слова отчаяния, голос вчерашнего дня. Шаркая ногами, Дом вернулся к печке и молча уставился на воду. Рядом с печкой выстроились две оловянные кружки и банка кофе. Кружки изнутри были в черных пятнах.

– Нам нужна вода. Срочно. Мне нужно попить. Затем посмотреть голову. У меня есть зеркальце для бритья.

– Успокойся.

– Может, стерилизовать рану кипяченой водой?

– Ш-ш-ш. Просто...

– Антисептик. Был в аптечке.

– Кончился. Ушел на волдыри Фила.

– Боже. – Лицо у Люка сморщилось. Ему показалось, что он сейчас заплачет.

– Успокойся. Выпей кофе. Держи голову прямо. Это просто рана мягких тканей. Шишка. Выглядит хуже, чем есть на самом деле.

Люк не знал, пытается Дом его успокоить или произнесенные слова действительно имеют смысл. Но эти слова подбодрили его, потому что ему нечему было больше верить, кроме как расплывчатым заявлениям друга.

Дом начал наливать горячую воду в кружку.

– Просто выпей это. Потом подумаем, что делать дальше.

Им понадобилось полчаса, чтобы спуститься с южной стороны холма. У подножия они остановились, чтобы перевести дух и подождать, когда боль отступит. Тогда можно поднять голову и обернуться в сторону серебристо-зеленой палатки, трепещущей на холодном, обдувавшем холм ветру.

Кроме двух спальных мешков, ножей и фонариков, они оставили все, что несли раньше. Три рюкзака, куча грязной одежды, пустая аптечка, пустая канистра из-под газа, печка, приготовившая им последнюю кружку горького кофе, – остались лежать на скалистой вершине. На одиноком, тоскливом холме, где они должны были встретить свой конец, остались последние намеки на то, во что превратился их поход. Доказательства пребывания здесь четырех друзей, решивших срезать путь.

Стоя на тонком слое земли, покрывавшем камни у подножия холма, они повернулись и посмотрели на ждущие их мрачные ели, темневшие в мягком свете дня. Ближе к мрачному прохладному лесу вокруг редких ив поднималась стена папоротника. За ней, там, где почва была глубже, начинались владения елей и пихт.

Вглядевшись в лес, перед тем как двинутся на юго-запад, они поняли, что идти придется по неровной местности. Мимо деревьев-часовых, кренящихся от редких, скользких ото мха скалистых вершин, что заранее вызвало у Люка уныние. Еще один день придется петлять по лесу, вскрикивая на каждом шагу от боли. А сегодня они будут двигаться еще медленнее, чем обычно. Люк закрыл глаза. Он дошел до ручки раньше времени и знал это.

Грязная повязка, наложенная Домом, спала с головы почти сразу. Но, по крайней мере, она остановила кровотечение, продолжавшееся несколько часов, пока он лежал без сознания. Рана проходила над левой бровью, через весь лоб, и терялась в волосах. Она была розового цвета и зияла, как поперечный рот. Когда он посмотрел в маленькое зеркальце для бритья, ему показалось, что он увидел блеснувшую кость. Рана была не меньше пяти дюймов в длину и отчаянно нуждалась в наложении швов.

С помощью последней салфетки из аптечки он промыл ее остатками горячей воды из кастрюли, стараясь не кричать громко при каждом прикосновении. Дом даже не смотрел в его сторону. Затем,

поместив под грязную повязку марлевый компресс, он осторожно обмотал ее вокруг головы, а Дом закрепил булавкой.

Самым ужасным для Люка было увидеть в зеркальце свое окровавленное, с трудом узнаваемое лицо. Воды, которую Дом полил ему на голову, не хватило. Большинство кровавых подтеков не отмылись. Одна половина лица, фиолетовая из-за синяка, выглядела еще чернее от грязи, покрывавшей кожу до самой шеи. Левое ухо зияло запекшейся кровью. Ощущение было такое, что часть головы погрузили в ванну с водой. Если он выберется отсюда, шрам останется на всю жизнь. Вид окровавленного лица и мысль о жутком белом шраме заставили его почувствовать себя еще более несчастным. Бесконечная жалость к себе переполняла.

Костыль теперь был у каждого. Дом нашел для Люка какую-то мокрую ветку, и теперь они оба брели, поддерживая свои подрагивающие, израненные тела мертвыми сучьями древних деревьев.

Пока они шли, Люк ни словом не обмолвился с Домом. Лишь молча указывал на бреши в лесных зарослях, более-менее пригодные для прохождения и соответствующие выбранной им траектории. В кармане куртки, рядом с сердцем, он хранил компас. Чаще, чем необходимо, вынимал его, желая убедиться, что следует намеченным с дерева координатам.

Разговоры могли лишить их последних сил, а встреча глазами была способна подавить всякое желание удалиться от холма. Они старались держаться рядом, но в то же время избегали друг друга.

Люк не выпускал из руки нож, но от недостатка равновесия и избытка пульсирующей в стенках черепа боли был уже не способен драться. Если на них нападут, им крышка.

Они просто ковыляли вперед, думая только о следующем шаге. Оба решили идти, пока не выберутся из леса на равнину, к реке. Либо пока их преследователь не решит забрать сначала одного, а потом другого.

Когда они нашли Фила висящим на шотландской сосне, не стали задерживаться. Его тело было еще в худшем состоянии, чем останки Хатча. Больше походило на то животное на дереве, которое они обнаружили все вместе, давным-давно.

Дом продолжал хныкать, что-то бормоча себе под нос. Люк шел, опустив глаза. Он только раз взглянул на своего друга, мокрого и

распятого между деревьями. Но, увидев лицо Фила, больше не смог смотреть. Они с Домом переглянулись на мгновение.

Как испуганные дети, ненадолго обнялись, крепко обхватив друг друга за шеи. Потом, шатаясь, прошли под бледными окоченевшими ногами мертвого друга. И двинулись прочь от него, дальше в лес.

43

Он не мог думать ни о чем, кроме воды. Мечтал о прохладной лесной влаге, льющейся в пересохшее горло. Серебристая и пузырящаяся, она бы мчалась, пенясь льдом, по чистому ложу потока, а потом струилась через высохшие губы, орошая пустыню рта. Если бы они нашли ручей, он часами насыщался бы до приятной боли в животе, пока каждая клеточка тела не пропиталась бы водой. Вода. Одно это слово насквозь прожигало его жаждой.

Перед глазами все плыло. Он посмотрел на свои руки и запястья, которые покалывало словно маленькими иголочками, и увидел стаи насекомых с раздувшимися от его крови черными брюшками. Руки были полностью покрыты ими. Шея тоже. Похоже, это мошки, так как почва большей частью болотистая. У него не было ни сил, ни равновесия сбросить их с себя, поэтому он позволил им кормиться. По крайней мере, хоть у кого-то есть что попить. Люк улыбнулся, но верхнюю часть черепа пронзила боль. Потребовалось несколько секунд, чтобы согнать с лица улыбку и погасить ослепительную белую вспышку в голове. Он хотел поделиться мыслью с молча бредущим Домом, но не смог произнести ни слова.

Интересно, осталась ли у него в суставах хоть какая-то синаптическая жидкость? Ужасный скрежет и пощелкивание костей отдавались во всем теле после каждого неуклюжего шага. Перед глазами плясали белые точки. Чтобы обернуться и проверить Дома, ему приходилось останавливаться и разворачиваться всем телом, потому что любое движение шеи вызывало в голове вспышку боли. Поэтому он перестал оглядываться и проверять Дома. А когда он останавливался, чтобы перешагнуть через камень или упавшее мертвое дерево, Дом часто натыкался на него и ворчал. Они шли так близко друг к другу и настолько медленно, что любая остановка грозила свалить их обоих с ног.

Люк был так измучен душой и телом, что уже не думал о беднягах Хатче и Филе, которых они оставили позади. Что касается преследовавшей их твари, он и мысли не допускал о ней в своем изможденном и бредовом состоянии. Здесь он был бессилен. Все равно они снова встретятся с ней, и довольно скоро. Он знал это. Дом, судя по всему, тоже.

В два часа дня Люк отбросил костыль и опустился на четвереньки. Он пополз бы дальше так: лучше держать разбитую голову ближе к земле.

Дом сказал что-то, но он не расслышал, что именно. Стоя на небольшой возвышенности, Люк указал перед собой в сторону видневшейся среди деревьев прогалины, привлекательно пестревшей светлыми и темными пятнами. Еще там было сыро, и он задался вопросом, можно ли извлечь влагу из торфяной почвы.

У него за спиной Дом щелкал костылем о камни и корни деревьев, продолжая неуклюжий спуск. Каждый шаг его спутника сопровождался недовольным ворчанием.

У подножия возвышенности Люк лег на холодную землю и закрыл глаза. Он осторожно положил распухшие красные руки на повязку, будто придерживая осколки своего черепа. Ткани мозга, должно быть, раздулись от большого отека, потому что он чувствовал толчки в нижней части позвоночника.

Он представил себе врача, который запретил ему двигаться. Не двигайся. Это худшее, что ты можешь делать при травме головы. Интересно, была ли в словах воображаемого врача доля правды? Он ничего не знал о первой помощи. Ни о выживании, ни о том, как найти воду и пищу, если супермаркеты закрыты. Ни о том, как узнать направление ветра, или какая информация содержится в цвете неба. Он просто реагировал на дерьмо, которое уже случилось. Потерял надежду, был сломлен и обречен.

– Я представитель поколения засранцев, – беззвучно произнес он и тихо рассмеялся. Мы не смогли найти воду в водохранилище. Мы не вынесли лесной прогулки. Мы всего лишь птенцы, выпавшие из гнезда на суровую землю.

Он подумал, что услышал шум воды, и сел. Но это было лишь дуновение ветерка. Поэтому он стал обсасывать листья, на чьи горькие восковые лепестки попали капли дождя. Обошел поляну, будто она

была циферблатом, а он – минутной стрелкой. Иногда на язык попадала целая капля воды, но ее не хватало, чтобы смочить горло. Он лизал влажную кору деревьев. Открыл рот и подставил его небу, но дождь падал на лицо, а не в его зияющую глотку.

Краем прищуренного глаза, болевшего даже от слабого света, он увидел размытую фигуру Дома в оранжевой куртке. Тот собирал листья и кусочки коры, пытался высасывать из них воду. словно это были раковины устриц, а он глотал их скользкое мясо. Его лицо превратилось в грязную, заросшую бородой маску.

Люк проверил компас и приложил покрасневшую руку к левой стороне головы, как певец, пытающийся взять нужную ноту. Одним глазом, который словно затянуло коричневым дымом, он увидел, что они ползут в правильном направлении. А потом вспомнил, что видел, взобравшись на дерево. Тот дальний край леса. Установленную границу и плоские мшистые камни за ней. Еще он вспомнил, что видел там воду. Кажется, видел. Вода наверняка собиралась во впадинах между камней, куда он сможет втиснуть свое лицо.

Во влажном воздухе жужжали мошки и собирались как железные опилки на окровавленном тюрбане повязки.

Он встал. Ему захотелось дойти до конца леса. Короткий отдых придал сил.

– Пошли. Уже близко, – попробовал он сказать Дому, но вместо слов раздалось какое-то бульканье. Он яростно сглотнул. Знал, что это был последний раз, когда он что-то говорил.

Дом заковылял к нему, и они покинули поляну.

Около шести вечера пришлось снова остановиться. Он подполз к большому валуну, потому что от приступа головокружения у него свело желудок и начался озноб. Где-то за спиной Дом издал звук.

Голос Дома показался неестественно громким. Это было не совсем слово, скорее вопль облегчения от того, что Люк позволил им сделать еще один привал. Сейчас они останавливались очень часто. Отдыхали столько же, сколько шли. Каждые несколько метров. И им приходилось постоянно облизывать камни и обсасывать влажные листья. Вдалеке Дом запнулся обо что-то, подбросив в воздух ворох листьев.

Когда головокружение отступило, Люк прищурил один глаз и встал, чтобы двинуться дальше. Постанывая и спотыкаясь. Попытался

что-то прохрипеть, указывая рукой в чашу. Туда, где, как ему показалось, он заметил тропу, ведущую к спасению.

И направился в заросли. Крапива хлестала по куртке и цеплялась за штанины брюк. Стебли растений вились, как щупальца. Он делал шаг назад, пока они не отпускали его, а потом, перешагивая через них, оказывался в более густых зарослях. Знакомая картина, сопровождавшая их несколько дней. Теперь все его штаны были в прорехах. Мелкие дырки и затяжки превратились в большие дыры, через которые проникали шипы и мошки.

Он ощущал присутствие Дома у себя за спиной. Тот осторожно шел за ним, нога в ногу. Если он будет оглядываться, может потерять равновесие и свалиться в жгучую трясику из стеблей и шипов. Каждый его шаг сопровождался шагом Дома. Было даже что-то успокаивающее в их синхронном движении. Дом был сейчас так близко к нему. Люк спиной чувствовал присутствие его грузной фигуры. Как же от него несло! Даже несмотря на то, что нос и рот Люка были забиты засохшей кровью, он чувствовал запах тяжелого дыхания Дома и его пропитанной потом одежды.

Но заросли становились все гуще. Без мачете им придется вернуться по своим следам и обойти эти колючие кусты. «Заросли становятся гуще потому, что мы недалеко от края леса, – сказал Люк себе. – Но мы должны вернуться».

Он остановился и медленно развернулся всем телом.

Потом широко раскрыл здоровый глаз. В двадцати метрах от него, среди папоротника и крапивы, куда он залез, не было никаких следов Дома.

Он нахмурился. Потом холодная рука страха перехватила горло. В ушах застучало, перед глазами все поплыло.

«Наверное, Дом уже вернулся. Потому что я слышал, как он идет за мной. Каждый шаг по пути сюда».

Люк попытался погасить внезапно нахлынувший приступ тошноты и паники.

В дальнем конце зарослей, куда они вошли, он смог разглядеть темную каменистую поляну, где они только что отдыхали. Но там тоже не было никаких следов Дома.

Осторожно придерживая голову, он сглотнул пару раз, пока слюна не смочила горло. Позвал Дома по имени.

Остатки его хриплого голоса, казалось, растворились в лесном пространстве, нависавшем и обступавшем со всех сторон. Он снова позвал. И снова. Потом широко раскрыв оба пульсирующих глаза, стал шарить взглядом по каждому дюйму леса в поисках оранжевой куртки Дома.

Ничего.

Дома больше не было рядом с ним.

Когда он видел его последний раз?

Он отмотал память назад, медленно перебирая последние минуты. Последний раз он видел Дома у того камня, на который недавно упал. Нет. Он слышал его там, но не смотрел в его сторону. У того камня Дом был у него за спиной. Он еще издал звук. Верно. Хрип или вскрик. Удивления? Потом он шаркнул ногами. Запнулся обо что-то на земле.

Может, он пошел в другом направлении, ослепший и забывшийся от усталости и боли в колене? Откололся и заблудился?

Он не мог этого сделать, потому что Люк еще недавно пробирался через крапиву и слышал, что Дом идет по пятам. Он не видел его, нет. Но слышал его, чувствовал и не мог ошибиться. Они были близко друг от друга. Почти касались.

Эта вонь.

Люк поднял нож.

44

Ощущение одиночества нахлынуло так внезапно, что Люк содрогнулся. Ему пришлось прилагать огромные усилия, чтобы паника не переросла в истерику. Он еще мог держать себя в руках, когда рядом был кто-то, но теперь не осталось никого...

Он стал разговаривать сам с собой. Его мозг под окровавленной повязкой невольно попытался придумать себе спутников. Но жалкие голоса смолкли, не успев расшуметься, как маленькие дети, погрузившиеся в неловкое молчание при внезапном появлении строгого взрослого.

Люк стоял неподвижно на сырой поляне, где они с Домом были вместе в последний раз. Деревья смотрели на него, терпеливо, но без сострадания ожидая следующего шага. Дождь капал с привычным

безразличием. Люк умирал от жажды, не зная, как собрать с земли влагу.

Никто не ответил на его хриплые крики. Интересно, сколько ему придется ждать? И есть ли кого ждать?

Он вздрогнул. Схватился за нож. Ему захотелось, чтобы оно пришло за ним. Именно сейчас. Чтобы выскочило, пригнувшись, из кустов. Выпрыгнуло из тени. Он был готов посмотреть прямо в горящие глаза дьявола. Разглядел бы его как следует, вдохнул запах. Вцепился бы из последних сил в его упругие бока. Сделал бы этому подлому убийце новый рот своим швейцарским ножом.

Он подумал о черной бороде твари, мокрой от горячей крови, о ее морде, красной в тусклом свете. Представил, как она накидывается на свисающие кольцами кишки его друзей. Рвет их и мечет, прежде чем затащить трепещущие белые тела на деревья и сделать из них гротескные инсталляции.

С какой целью? Зачем уничтожать такие сложные и утонченные творения, какими были его друзья? Зачем разрушать все те воспоминания, чувства и мысли, из которых они состояли?

Слезы жгли Люку глаза. Он содрогнулся.

В молодости они были неразлучны. Их тянуло друг к другу. Некая странная сила формировала между всеми студентами университета такие крепкие и долговременные связи, каких больше никогда не будет. Они вместе слушали музыку и болтали днями напролет. Просыпались по утрам, чтобы увидеть друг друга. Занимали друг у друга все физическое и мысленное пространство, искали поддержки, подбадривали. Им было хорошо вместе, пока жизнь, женщины, работа и тяга к новым местам не разлучили их. Но та связь никуда не ушла. Она привела их сюда. Спустя пятнадцать лет. Где они снова нашли друг друга.

Его друзья были уничтожены без всякой причины. Уничтожены, как большинство других людей. Просто оказались не в том месте. После всего развития, роста, культивирования, осторожности, самопожертвования, поражения, возрождения, борьбы и преодоления, они просто вошли не в ту кучу гребаных деревьев. И все.

Выходи, ублюдок!

Люк зарычал в пустоту. Он молился, чтобы безумие лишило его парализующего осознания утраты. Так в чем смысл жизни? Прожил

мало, умер, про тебя забыли. Одного намека на это было достаточно, чтобы сойти с ума или покончить с собой. Здесь ты был безжалостно убит, а потом брошен в сырой склеп. Завален пестрыми костями чужаков и мертвого скота.

Они были моими друзьями.

Вокруг стучали капли дождя, и ветер выдавал звуки океана в далеких верхушках деревьев. Но никто ему не ответил. Никто не пришел за ним, теперь, когда он был готов без страха дать угаснуть своему измученному, уставшему и спутанному сознанию.

Он стоял один, обхватив руками голову, в которой из последних сил билась боль. Он закрыл глаза и подумал о тех, кого больше нет. О друзьях, которых потерял. О лучших друзьях, с которыми хотел дружить до самой смерти. Смерти, которая пришла слишком рано и без предупреждения.

Я буду с вами, парни. Уже скоро.

Он повернулся и, покачиваясь, побрел обратно в лес.

45

Лежа на спине, Люк смотрел в далекий полог из миллиона листьев и бесконечную сеть ветвей. Местами он видел небо, и оно было темным. На мгновение он задался вопросом, где находится. Потом вспомнил и снова закрыл глаза.

Он переходил от дерева к дереву, как на костыли, опираясь на стволы и нижние ветви. Постоянный гул мошек сменился громким жужжанием, когда одна из них залетела в ухо. Руки были мокрыми от лимфы, вытекавшей из содранных белых шишек, образовавшихся на запястьях. Следы укусов появились даже под ремешком часов. Брызги от раздавленных насекомых только усилили жажду. Он молился, чтобы снова пошел дождь, тогда тучи мошек исчезли бы. Их не должно быть здесь. Именно из-за бесконечного потока москитов они пошли в поход в сентябре. Хатч не упоминал ни о мошках, ни о комарах.

В правильном ли он идет направлении? Интересно, как далеко он забрел с того момента, как покинул палатку? Казалось, прошел уже месяц. Вчерашний вечер остался будто в другой жизни. Как далеко до края леса? Потом этот вопрос перестал его волновать, и он просто двинулся дальше, шаг за шагом, морщась от вибрирующей боли в голове.

Через каждые десять шагов он прислонялся к дереву либо садился в мокрую зелень и ждал, когда зрение придет в норму. Дышать было так трудно, что сам акт дыхания изнурял не меньше, чем перемещение свинцовых ног.

Он перестал обращать внимание на детали. Лес слился для него в одно сплошное пятно, которое он едва видел, но тем не менее шел вперед. Его тело будто распадалось, по одной жировой клетке за раз, подпитывая марш смерти. Он так давно ничего не ел. Жжение в кишечнике превратилось в комбинацию тошноты и боли, желудок мучили спазмы.

Чтобы облегчить страшную усталость, скуку и приступы страха, он стал считать, что съел: пять злаковых батончиков и половину плитки «Дейри Милк» за последние тридцать шесть часов. Он повторял меню как безмолвную молитву.

Последний раз он пил что-то утром. Чашка густого горького кофе. Пот на коже остыл, и Люк снова остановился у дерева, чтобы переждать приступ тошноты.

К десяти вечера он стал видеть не дальше пяти футов, но продолжал ковылять в размытой пустой темноте наугад.

Его голова была опущена, глаза полузакрыты. Внезапно Люк почувствовал, что он не один. Он поднял глаза, уверенный, что кто-то только что вторгся в его личное пространство. И увидел в сгущающемся мраке между деревьями толпу белых фигурок. Они неподвижно стояли повсюду, насколько хватало глаз. Он зажмурил здоровый глаз. Снова открыл.

И тут все эти... дети? ...исчезли.

Карликовые ивы. В сумерках он принял их за белых человечков. Тоших, неподвижно стоявших и смотревших на него.

После полуночи у него появилась уверенность, что следом идет Хатч. И Фил. Они пришли в себя и осознали неуместность их сложной, хорошо спланированной и жестокой шутки. Особенно теперь, когда он так одинок, болен и потерян. Им было стыдно смотреть на его реакцию, поэтому они шли, отвернувшись от него. А он был так расстроен тем, что они дурачат его, что не обращал на них внимания. Он чувствовал себя обиженным, преданным и был готов разрыдаться. В конце концов они перестали идти за ним.

Когда его догнал Дом и снова зашагал в ногу, Люк от усталости даже не смог заговорить с другом и спросить, где тот был. Но улыбнулся в надежде, что Дом почувствует: Люк снова рад видеть его в этих темных недрах ночного леса.

Когда Люк остановился передохнуть и поискать фонарик – он был уверен, что раньше он у него был, – Дом снова куда-то исчез.

Сидя на камне, Люк потерял сознание.

Он разговаривал с Шарлоттой в пабе «Принц Уэльский», дома в Холланд-парке. Был солнечный день, и они сидели на улице, прямо как на втором свидании. Когда она вышла из станции метро в короткой юбке и кожаных сапогах, он буквально онемел от желания и удивления, потому что в день их знакомства она была в джинсах и кроссовках. С их первой встречи он ушел домой довольный, что девушка взяла его телефон, хотя не рассчитывал увидеть ее опять. Но потом ему было так приятно снова оказаться рядом с ней, что он решил прямо там, в пивной, добиться ее. Он назвал ее «лисичкой», и она улыбнулась. Потянулась через стол, коснулась его лица и, закусив нижнюю губу, назвала «красавчиком». Они просидели вместе несколько часов. Целовались, рассказывали друг другу про работу, родные города, семьи, последние отношения. Что все обычно делают в первые дни ухаживания.

Очнувшись от пульсирующей боли в голове, Люк продолжал разговаривать с Шарлоттой, пока не осознал, что сидит один, в лесу, прислонившись к мертвому дереву. Влага просочилась сквозь брюки в нижнее белье. Он промок и дрожал. Где его спальный мешок?

Сквозь верхние ветви деревьев он увидел, что небо посветлело и стало серо-голубым. Посмотрел на часы: шесть утра. Он проспал три или четыре часа. Почему оно не убило его здесь? Из-за усталости и боли он не стал задаваться этим вопросом. От жажды он не мог даже глотать. Губы покрылись коркой соли.

Он медленно полз на четвереньках.

Еще двадцать футов, потом ложись и дай тьме забрать себя.

Он прижал компас к здоровому глазу, но ничего не увидел. Выпустив его из руки, почувствовал, что шнурок на шее натянулся, но поймать компас не смог: тот болтался как маятник над темной землей.

Поднимайся по склону к тому дереву.

У подножия поляны есть два камня, на которые ты сможешь сесть.

Между тех двух елей, в крапиве, кажется, есть просека.

За той пихтовой рощей может быть вода. Похоже, что может быть.

На холме деревья растут реже. Поднимемся на него сбоку. Может, так будет легче.

На вершине земляного кургана, вокруг которого лес расступился, будто давая людям место для собраний под одиноким деревом, он сел, почувствовав себя на удивление комфортно. Здесь его тело согрелось, а от боли в голове остались лишь отголоски.

Он открыл один глаз и посмотрел между грязных носков своих ботинок вниз. Рассвет был красного цвета. Или ему мерещилось? Слева от него, на востоке, сквозь деревья пробивались лучи солнца. Он повернул голову и посмотрел единственным открытым глазом. Внизу, за разбросанными по каменистой почве деревьями, белело огромное, уходящее в бесконечность пространство, где огромные черные стволы и ветви уже не мешали литься красному свету. Прищурившись здоровым глазом, он посмотрел на океан пространства, на алый свет позади деревьев. И задался вопросом, был ли это конец ужасного леса, начало ада или он просто сошел с ума. Но это его мало волновало, потому что двигаться он больше не мог. У него не было сил ни на один шаг. В голове остался туман и затихающие бессловесные мысли.

Но что за длинное существо стоит на фоне того пылающего ада? Высотой в три человеческих роста? И загораживает проход между двумя исполинскими деревьями на краю черного леса? Там ничего не было. Потому что, когда он попытался взглянуть, нечеткое видение исчезло. Осталось лишь алое небо и деревья.

Хотя лай, раздавшийся неподалеку, не был плодом воображения. Нет. Что-то подобное он слышал раньше. То ли собачий, то ли бычий кашель существа, после встречи с которым не выжил ни один забредший в лес чужак, был вполне реален. Так же реален, как острая кора, впившаяся ему в спину, и холодный ветер, обдувавший мокрое лицо.

Он вытянул перед своим обездвиженным телом руку с зажатым в ней ножом. Направил на туманную границу леса с багровым заревом, пробивающимся сквозь ветви и кустарник.

Должно быть, он потерял сознание и перестал дышать, потому что внезапно очнулся от звука собственных судорожных вдохов. Интересно, не спал ли он все это время? Что вернуло его из

бесконечного погружения в удушающую тьму? Чей-то голос. Он услышал чей-то голос.

Но ему уже было все равно, и он снова уронил голову. Упершись подбородком в грудь, закрыл здоровый глаз. Его рука все еще сжимала нож, но он не мог поднять ее на звук приближающегося голоса. Тот был уже так близко. Все звал и звал. Нежно и мелодично, как влюбленные зовут друг друга. Но не успел голос приблизиться, как Люк провалился в теплую удушающую тьму.

Часть 2

К югу от рая

«South of Heaven» – четвертый студийный альбом американской группы Slayer, выпущенный в 1988 году.

46

Они близко.

Голоса.

Шаги.

Люди.

Бормотание на шведском или норвежском, за пределами поглотившего его теплого тяжелого мрака. Женщина, молодая. И... двое мужчин, судя по более низкому тембру. Он чувствовал их присутствие. Судя по голосам, люди собрались возле его ног.

Он куда-то ложился. Онемевшие конечности и спина опустились на мягкую поверхность. Кожу плеч и ягодиц словно обожгло, когда они коснулись... постели.

На голову намотана какая-то тряпка. Он чувствовал ее прикосновение, давление, размер. Она закрывала глаза и весь череп, словно большая шляпа.

Когда он попытался открыть глаза, веки встретили сопротивление. Будто склеились. Одно веко было рассечено, зрачок пронзила белая вспышка боли. Он снова закрыл глаз. Если двинет головой, будет больно. Возможно, очень, и боль не уйдет. Он знал это заранее.

Раскрыв рот, он попытался что-то сказать, но в пересохшем горле не нашлось слов. Свистящий шелест, как от длинных тяжелых юбок, скользящих по деревянному полу, возник из тьмы и затих рядом с ним. А потом маленькая сухая рука коснулась щеки, словно успокаивая и предлагая не двигаться. Старческий голос что-то прошамкал.

Не успев вспомнить, что с ним случилось, Люк снова погрузился в целительный мрак и его благостное тепло.

47

Он очнулся с такой жаждой, что не мог глотать, а губы порвались бы, как рисовая бумага, попробуй он их разомкнуть. Похоже, прошло много времени. От долгого сна в глазах было такое ощущение, будто лопнули капилляры.

«Это то же самое место, что и прежде», – предположил он, смутно припоминая, что лежал здесь в полубессознательном состоянии и в таком же положении, на этой же поверхности, но в другое время. Хотя сейчас не хватало чего-то заметного. Чего именно? Из него будто что-то удалили либо сняли какую-то тяжесть. То, что долго двигало им, изнуряло, истощало, лишало рассудка, вселяло панику.

Страх.

Душащий страх. Бросающий в дрожь и парализующий. Постоянное ожидание его холодного удара. Страх наконец покинул его.

А потом к нему вернулась память. Хлынула потоком тьмы в рот, глаза и уши. Он даже почувствовал сырость и холод, а в нос ударил запах гнилых листьев и валежника.

Израненный и окровавленный, он уже был на пределе. Легкие горели огнем, а ноги свело судорогой от усталости, но теперь они были в тепле. Призрачные очертания синяков и ссадин на измученном теле напоминали о том, через что он не хотел бы пройти снова.

В его памяти возникли лица жертв. Хатч. Фил. Дом. Он снова увидел на деревьях тряпье. Тряпье и кости. Потом вспомнил силуэты костлявых стволов на фоне огненно-красного неба. Там было кое-что еще. Будто состоящее из деревьев, но стоявшее от них в стороне. Нечто возвышалось на фоне странного планетарного сияния. И смотрело на него. Воспоминание о черепе, разбитом, словно фарфоровая ваза молотком, ударило тело электрическим разрядом. Собственный крик, вырвавшийся из тьмы, сбил с толку.

Но его спасли, и сейчас он лежит в кровати. Его нашли, о нем позаботились. У Люка защемило сердце.

Когда он с силой разомкнул глаза, ощущение было такое, будто в черепе порвалась ткань. Боль ударила по глазам изнутри. Потом еще и

еще, но то были более слабые ее отголоски, затем и они стихли.

Воздух в этом спасительном месте был какой-то нечистый. Так пахнет ношенная одежда в благотворительной лавке. Жажда прожигала все тело насквозь, от распухшего языка до пупка. Он разжал одеревеневшие губы и всем ртом вдохнул запах запустения – старого сырого дерева, пыли; постельного белья, засаленного и смердящего, как шкура животного.

Посмотрел в бледное пустое пространство перед собой. Прищурившись и сфокусировав зрение, увидел швы повязки. Слой материи, придерживающий ресницы, чтобы он не мигал. Сквозь ткань проникал слабый свет. Он смутно помнил прикосновение проворных нежных рук, обматывавших ему голову, пока спал. Заботливых рук, чуть не выхвативших его из глубин нездорового сна. Сколько времени прошло с тех пор? Недели? Дни?

Что-то тяжелое и толстое закрывало его от подбородка до пальцев ног. Ему было тепло под этой тяжестью, несмотря на вонь. Что-то в покрывах постоянно кусало его крошечными зубками. Бока нестерпимо чесались. Черета резких укусов распространилась по ребрам.

Между ног и под ягодицами постель была мокрой. Это встревожило его больше, чем вши.

Изо всех сил сконцентрировавшись, он пошевелил бедрами, ногами, ступнями, затем согнул ноги в коленях, руки в локтях. Шея оставалась неподвижной, и он просто смотрел перед собой в грязную ткань, закрывающую глаза, пока тело училось чувствовать и знакомилось со своими возможностями.

Он медленно поднял с засаленной подушки распухшую и тяжелую, словно налитую свинцом голову, а с ней – запах пыльных перьев. Наклонив голову вперед, посмотрел из-под повязки на свое тело.

Увидел складки древнего стеганого одеяла, сшитого из разноцветных лоскутов, то ли выцветших, то ли потемневших от грязи. Квадраты разрозненной материи простирались до самых ног. Поверхность покрывала была на одном уровне с деревянной рамкой, внутри которой он лежал. Он будто находился в старом деревянном ящике, похожем на гроб. Был втиснут в его жесткие границы и накрыт древним покрывалом. Это было нечто вроде кровати, но он тут же испугался, что у такого сооружения может быть крышка.

Осторожно повернув голову влево, увидел в сероватом свете стоявший у кровати шкаф из темного дерева. Рядом с деревянной чашкой – темный кувшин. Горло самопроизвольно сократилось, с трудом сделав болезненный глоток.

Он осторожно повернулся на левый бок, затем принял позу эмбриона. Приподнявшись на локте, потянулся к кружке. Она оказалась тяжелой. Полная пыльной тепловатой воды. Он проглотил все до последней капли, лишь потом почувствовав привкус ржавчины и минералов. Сырая вода. Из колодца.

Пульсирующая боль в глазах накатила волнами и заставила его веки сомкнуться, как ставни. После простых усилий конечности словно размякли от изнеможения. Какой же я разбитый! Он снова опустился в углубление, образовавшееся после долгого лежания в кровати. Казалось, погрузился еще глубже, чем прежде. Зловонная пещера из непроветренного одеяла давила сверху.

Теперь он был неподвижен. Боль в черепе звенела уже не так громко, а плещущаяся в желудке вода убаюкивала.

Он спасен. «Спасен». Спасен из страшного леса и от того, что бродит по нему. Он жив и спасен. Спасен. Жив. Спасен. Лицо взмокло от слез. Он всхлипнул. А потом провалился в сон.

48

В комнате находятся люди.

Снова?

Наклонившись к тебе, стоящему в металлической ванне, они осматривают твое бледное тело. Они старые. Очень старые. Желтоватая кожа их лиц испещрена морщинами, в запавших глазницах поблескивают едва различимые глаза. Но когда один из них сует голову под тонкую полоску света, можно разглядеть молочно-голубые роговицы, окруженные бесцветной оболочкой.

Одна из них – женщина, с почти лысым пятнистым черепом. Только несколько белых клочьев по бокам. Кожа испещрена почерневшими венами. Другой, похоже, мужчина, напоминающий птицу без перьев, сморщенный и тощий как жердь.

Подогнув свои просторные черные одеяния, висящие мешками на костлявых телах, они придирчиво осматривают твои бедра, грудь и плечи.

Пальцы с костяшками размером с персиковые косточки, обтянутые кожей, полупрозрачной, как у замороженной курицы, тычут в твой веснушчатый живот, словно ты кусок мяса. Натянуто ухмыляются безгубыми ртами, скаля темные неровные зубы.

Ты пытаешься что-то сказать, но у тебя перехватило дыхание. Они что-то бормочут друг другу на непонятном языке. Ритмичные, музыкальные голоса со странной, скачущей модуляцией.

Сальные свечи зажжены и расставлены вдоль стен. Они отбрасывают на темное дерево маячащие тени и выхватывают из темноты рога и бесцветные кости, прибитые к доскам.

Потом откуда-то сверху, сквозь потолок, ты слышишь стук. Стук дерева о дерево. Безумное постукивание без ритма, словно ребенок колотит палкой по кастрюле. А может, наверху какое-нибудь животное, собака например, потому что оттуда доносится поскуливание. Непонятно, потому что закопченный потолок приглушает звуки.

Ты рад тому, что стук заставляет стариков в грязных черных одеяниях отступить от тебя. Но это лишь мимолетное облегчение, потому что фигуры устремляются к двери, из которой спешат выбраться. Пока один из них возится с замком, другие смотрят на потолок глазами, полными радости, скаля зубы. Радуются стуку тяжелых ног об пол, сперва прерывистому, а потом переходящему в галоп.

Ты пытаешься выйти из двери вслед за стариками, но не можешь шелохнуться и перешагнуть через край черной железной ванны. Твои лодыжки связаны чем-то тонким, больно впившимся в кожу, а когда ты смотришь вверх, видишь, что руки побагровели, связанные на запястьях кожаным ремнем, продетым через черный железный крюк в потолке.

Потом старики уходят, и ты остаешься в холодной металлической ванне один. Но что-то спускается сверху по лестнице. Ты слышишь стук костяных ног по деревянным ступеням, слышишь, как нечто протискивается сквозь узкий проход, его учащенное от возбуждения дыхание.

Огромная фигура заполняет собой дверной проем. Ты кричишь, осознав, что оно передвигается на четырех ногах, и спереди у него растут длинные рога.

Люк с криком проснулся.

Задыхаясь, будто только что пробежал стометровку, он позвал мать.

От сна не осталось и следа, кошмар отступил в бурый туман и рассеялся. Он очнулся, задыхаясь от старой, стягивающей лицо повязки, дотянулся рукой до кончика носа. Быстро заморгал. Застонал. Находясь несколько секунд в прострации, подумал, что его подвесили за руки к потолку. Но это был лишь бред очнувшегося в темноте человека.

Влажные и теплые постельные складки, прилипшие к телу, обрамляли его вытянутую в кровати фигуру.

Он посмотрел из-под повязки, прищулив глаза от палящего слабого света. Увидел темный контур старого одеяла, края ящика-кровати и какую-то темную стену у ног.

И все же я цел. Все же я спасен.

Ему приснился дурной сон. Здесь нет ничего страшного. Никаких сюрпризов. Все будет по-другому.

Он подумал о своей ране. О трещине в черепе. Потрогал повязку.

Медленно выдохнул. Сидит крепко. Он цел, а помощь близка.

Он закрыл глаза.

49

Шквал яростных звуков вырвал его из сна. Несколько секунд он словно в бреду продолжал что-то бормотать сидящим тощим фигурам из сна. Потом обратил внимание на источник шума, находящийся где-то под ногами.

– Пожалуйста. Кто там?

Что-то или кто-то кричал. Пронзительным, нечеловеческим голосом. Под эти неослабевающие визги раздавался невероятный ритмичный грохот, похожий на скрежет земных пластов при землетрясении. Барабаны.

Кровать вибрировала. Он почувствовал учащенное колебание в руках, ногах и желудке.

Бас.

Музыка.

Он сделал выдох. Вся комната была словно заполнена миллионом жужжащих насекомых, как гигантский улей. Это был звук гитарного часа, усиленный до искажения. Какой-то вид экстремальной музыки лился из старых, поломанных динамиков, слишком маленьких для

подобной задачи. Отчего они шипели и трещали, как жир на сковороде.

Люк вылез из-под вонючего одеяла и приподнялся на локтях. Глаза под повязкой были полуприкрыты. Он поднес руку к лицу и сдвинул ткань на лоб. Ослабшая повязка свалилась с головы, будто кепка, сбитая неожиданным ударом сзади. Холодный спертый воздух тут же остудил кожу головы. Люк изо всех сил разомкнул веки. Сфокусировал зрение на комнате. И заскулил.

В ногах кровати стояли три фигуры. Один их вид заставил его уверовать в реальность библейского ада, и в то, что он очнулся в одной из его комнат.

Из козлиной головы центральной фигуры торчали черные рога. Твердые как дуб, полированные как камень, они росли из щетинистого лба. Изгибались по всей длине наружу и вверх, заканчиваясь острыми концами.

От их вида у Люка перехватило дыхание. В памяти возникла картинка другого мрачного места, не вызывавшая у него никаких ассоциаций. Его разум хлопал своими окнами и дверьми, как при ускоренной съемке.

Угольно-черные уши козла торчали под углом в девяносто градусов из огромного неподвижного черепа, словно существо было застигнуто врасплох на лесной поляне. Желтые глаза с большими овальными зрачками были очень женственными, смягченными светло-коричневыми бровями и длинными ресницами. Черный мех, блестящий как конский хвост, пробивался из-под подбородка зверя.

Один, даже без поддержки своих жутких соратников, козел, казалось, возвышался и не только заполнял собой темную комнату до потолка, он повелевал всем пространством. Зрелище было кощунственно величественным, шокирующим и сводящим с ума одновременно.

Люк ждал, что козел опустит рога и начнет рвать его одеяло. Представил себя прижатым к задней стенке кровати и пронзенным рогами. Со вспоротым животом, вывалившимися в постель дымящимися внутренностями. Он подумал о Хатче, Филе, и его лицо непроизвольно сложилось в гримасу ужаса.

Но козел просто стоял над ним, не шевелясь, почти торжественно, возвышаясь до коричневатого потолка.

Это их палач? Но если так, почему на нем пыльный черный костюм и грязная рубашка без воротника? Изношенные рукава пиджака заканчивались на середине передних ног. Или рук? Грязный пиджак так тесно сидел на плечах, что передние конечности были буквально прижаты к туловищу. Будто существо позаимствовало костюм у мертвеца гораздо более скромного телосложения.

Люк посмотрел на две другие фигуры.

Словно труппа дегенеративной викторианской пантомимы, они жались к возвышающемуся козлу, распространяя запах старого реквизита, пыльных кулис и застарелого пота.

Заяц был настолько ужасен, что на него нельзя было долго смотреть. Его маленький рост, не больше пяти футов, делал его даже страшнее козла. Грязный коричневатый мех рос клочьями на вытянутой морде. Безумные, янтарно-огненные, наполненные черной злобой глаза тарасились из запавших глазниц. Длинные, наклоненные вперед уши слегка подрагивали. Из грязной черной пасти торчали два длинных бесцветных зуба, больше похожие на клыки, гарантировавшие своей жертве глубокое и смертельное проникновение.

Затаив дыхание, Люк приподнял вялую руку, словно заслоняясь от зубастой угрозы, нацелившейся на его горло. Длинная, покрытая грязной пятнистой шерстью шея возвышалась над молочного цвета плечами и тяжелым бюстом, который венчали ярко-розовые морщинистые соски.

Люк в ужасе отвернулся. Теперь его внимание привлек баран. Он фыркнул. Это был первый звук, изданный фигурами. Люк уставился в мертвые, голубоватые глаза барана с розовой каймой и белесыми ресницами. Казалось, тот смотрит на него с глубокой печалью, как лицо со старинной фотографии «Шоу уродов». Жесткий, пожелтевший от времени мех на голове был коротко пострижен, но все равно вился, как детские кудри. На голове была гирлянда из высохших цветов, переплетенных с веткой вереска. Под маленькими квадратными зубами и крошечным подбородком топорщился жесткий кружевной воротник. Ломкое от времени муаровое платье больше напоминало погребальный саван или старомодную крестильную сорочку, сшитую для маленькой девочки. Последнее наивное предположение об одежде барана не смягчило потрясение Люка. Более того, усилило его.

Среди какофонии визжащей музыки, силясь осмыслить сюрреалистичный ужас этого приветственного представления, он почувствовал, что не может ни двинуться, ни говорить, ни даже ясно мыслить. А посетители просто стояли, неподвижные, как манекены, и смотрели на него яркими, ужасно живыми немигающими глазами, словно чего-то ожидая: слова, крика или слабого сопротивления.

Внезапно большая черная голова козла повернулась к барану, и между ними что-то произошло. Баран встал боком, показав розовое, заросшее шерстью ухо, и наклонился к полу. Люк не видел, что там. Из кружевного платья высунулась белая человеческая рука. По-девичьи бледная и худая, с черной шипастой татуировкой на запястье. Внезапно музыка смолкла. Наступила тишина.

Люк сел прямо, прислонившись спиной к стенке коробки и прижав колени к животу. Внезапная тишина уменьшила потрясение, но ненадолго. От его быстрых движений грязная овчина, покрывавшая постель, сбилась, обнажив старое сено, заполнявшее коробку.

Почему я не на больничной койке? Он задался вопросом, не сожгло ли в нем еще один предохранитель повторное появление черного козла. Так он на всю жизнь рискует остаться очень нервным человеком.

Козел поднял вверх две человеческие руки с длинными пальцами. Именно такие были приделаны вместо копыт к существу, которое Люку довелось увидеть.

Грязные ногти на тонких пальцах вцепились в волосатые щеки козлиной головы и подняли ее верх, явив под маской лицо, от которого Люку захотелось отвернуться.

Слой какого-то белого грима полностью покрывал лицо, кроме обозначенных черным цветом морщин на лбу и в уголках угрюмого рта. От сплошных пятен черного грима, покрывавшего глазницы, глаза казались еще более запавшими. Толстые губы тоже были выкрашены в черный, но под жаркой маской большая часть грима с них стекла. Теперь они ухмылялись, обнажая желто-коричневые, как сырая кукуруза, зубы.

Длинные черные волосы, слипшиеся от пота, свисали маслянистыми веревками вокруг крупного скорбного лица. Темные линии, похожие на рубцы, шли от переносицы на лоб, придавая бледному лицу хмурое выражение. Глаза были холодными, ярко-

синего цвета. В их пристальном взгляде читалось высокомерие и сознание собственной важности. У мужчины была длинная всклокоченная борода. Струйки белого грима натекли на нее, покрыв волосы глазурью, напомнившей Люку листву зимних деревьев из набора игрушечной железной дороги.

Быстро изучив новое окружение, Люк поискал глазами дверь в ровных, но покрытых пятнами стенах. Между зайцем и козлом, в месте соединения двух невзрачных стен, он высмотрел узкий проем. Он закрыт. Древняя штукатурка на окружающих стенах вспучилась и отошла от погнувшейся древесины, придавая комнате уродливый, выпуклый вид, что вызвало в нем еще большую тревогу. Он не мог понять, почему. Маленькое окно, закрытое коричневатыми тюлевыми занавесками, пропускало в комнату лучи света, в которых клубилась пыль.

Лежа в древней кровати под овчиной, такой грязной, что кожа стала на ощупь как резина, он понял, что его даже не вымыли после всех лесных мытарств. Этот факт расстроил почти до слез.

– Добро пожаловать, – сказал человек с белым лицом. Голос был каким-то неестественно низким. Из-за внезапного оживления рта и тембра мужчина показался Люку моложе, чем когда снял маску. Ему можно было дать лет двадцать с небольшим или даже девятнадцать.

Люк кашлянул, чтобы прочистить горло, в котором будто застряли иголки. Сглотнул.

– Где я нахожусь? – Его голос был скрипучим и сухим, будто надломленным.

– К югу от рая, – без улыбки ответила фигура низким голосом, звучавшим еще абсурднее, чем в первый раз.

Из головы барана вырвался тонкий ехидный смех гиены, приглушенный маской. Фигура наклонилась вперед, ухватила за свою ужасную, покрытую шерстью голову и после короткой возни сняла ее. Выпрямив спину и откинув голову назад, юноша смахнул с мокрого лица длинные черные волосы. Несколько прядей, не толще обувных шнурков, прилипли к влажным щекам.

Его тонкое лицо, по-мальчишески симпатичное и в то же время напоминающее куницу, тоже было покрыто белым гримом. Но на щеках нарисованы малиновые полосы, будто оставленные кровавыми

слезами. Кроваподтеки были также нарисованы под ноздрями и в уголках черных губ.

Люк сглотнул.

– Кто вы?

В ответ «баран» издал жуткий звук, что-то среднее между лаем и пронзительным визгом. Потом юноша хихикнул. Бледно-голубые глаза блеснули из черных глазниц весельем. Он прокричал что-то похожее на «Оскар Рэй».

Люк нахмурился, сглотнул еще раз, и еще.

– Оскар Рэй?

– Оскерай! – снова взвизгнул «баран», выглядя еще более безумно, когда, вытащив из ночной рубашки две тонкие белые руки, вскинул их вверх.

– Мы – дикая охота, – сказала высокая фигура напыщенным тоном, с сильным акцентом.

– Последнее собрание, – дерзкий, возбужденный женский голос прокричал из жуткой головы зайца. Хотя Люк знал, что под маской зайца скрывается человек, от его безумных глаз и грязных зубов было не по себе.

– Я не понимаю, – сказал Люк, надеясь, что они не чувствуют, насколько глубоки его страх и тревога. У него хватало жизненного опыта, чтобы понимать: ошибочно демонстрировать подобное в компании лиц с неустойчивой психикой.

Под ужасной маской зайчихи обнаружилась голова девушки лет девятнадцати или моложе. Ее пухлое лицо тоже было накрашено, но, в отличие от других, создавших себе гротескные маски, напоминавшие властные гримасы или кровавый оскал, она подошла к использованию черно-белого грима более искусно. На ее круглом лице застыло выражение злобного веселья, а ярко-красные брызги вокруг рта словно говорили о недавнем садистском акте.

Чтобы вызвать у них сострадание и положить конец нервирующей игре, Люк дотронулся до распухшего горящего лба. Запекшаяся кровь в широком рубце оставила на пальцах след. Рана все еще была влажной. Повязка, лежащая рядом на сероватой подушке, – та самая, которую Дом неуклюже наложил последней ночью в лесу, когда Люк находился в отключке. Бледнолицые юноши даже не попытались

перевязать его, не говоря уже о том, чтобы обмыть измученное и грязное тело.

От пульсирующей в глубине черепа боли и постоянных позывов тошноты Люк вдруг с ужасом вспомнил, что ему нужно сделать рентген.

– Больница. Доктор. Моя голова. – Они продолжали смотреть на него без эмоций. – Мне нужна помощь. Пожалуйста.

Юноша с маской козла дерзко выпятил подбородок и со скорбной гримасой на лице произнес:

– Скоро.

Потом он развернулся, наклонил голову и с шумом вышел в крошечную дверь. Ростом он был почти семь футов, и, по сравнению с комнатой, выглядел гротескно. Из-под слишком узких и коротких брюк поблескивали стальные щитки байкерских ботинок. Толстые каблуки были утыканы то ли заклепками, то ли небольшими гвоздями.

Девушка-заяц вдруг пронзительно закричала и высунула красный язык, нелепо смотревшийся между лакрично-черными губами. Люк даже отпрянул. Потом, стуча толстыми грязными ногами, бросилась за гигантом и с трудом протиснулась в дверной проем.

Люк посмотрел на оставшегося юношу. Один, он имел еще более глупый вид в своей ужасной ночной рубашке, с узким, вымазанным клоунской краской лицом.

– Мои друзья, – взмолился Люк. – Они погибли. Их убили. Вы должны позвонить в полицию. Немедленно. Слышите?

Склонив голову набок, юноша скривил лицо в комичную гримасу. Затем, подражая более высокому товарищу, насмешливо произнес низким голосом:

– Вы должны понимать, что здесь нет полиции. Нет врачей. Ничего такого нет на многие километры вокруг. Радуйтесь, что живы. Вы – счастливчик, мой друг. У нас нет телефона. Но кое-кто ушел за помощью, и она скоро придет.

Люк в недоумении таращился из своего смердящего ящика.

– Я не...

Фигура в ночной рубашке выпятила грудь вперед.

– С вами все будет хорошо. Успокойтесь.

Потом юноша развернулся, подхватил CD-плеер и вышел за своими товарищами.

Вслед за глухим щелчком тяжелого ключа в старом железном замке раздался тяжелый топот трех пар ног по какому-то полному деревянному пространству или находящемуся за стеной коридору. Еще долгое время после их ухода Люк в немом шоке смотрел на запертую дверь.

50

Щелчок большого ключа в старом дверном замке вывел Люка из прострации.

Он вскочил слишком быстро и упал на шкаф. Деревянная кружка стукнула об пол, кувшин покачнулся, расплескав остатки содержимого по поверхности шкафа. Отпирающий дверь заторопился.

Прежде чем Люк успел выпрямиться, он заметил маленькую пожилую женщину в длинном платье, быстро устремившуюся к нему. Из-под длинного черного платья, скрывавшего тело до самого морщинистого подбородка, раздавался громкий стук маленьких ног. Этот стук болью отозвался в его голове.

Легким прикосновением маленьких ручек она вернула его в постель. Он сел, жмурясь от вибрирующих волн боли, накатывавших из середины головы и разбивавшихся о тыльную сторону его глаз. Показалось, что его вот-вот стошнит. Перед глазами все распалось на серебристые точки, шея онемела. Его вырвало. Сильный спазм в животе вызвал струю грязной жидкости изо рта. Пожилая женщина что-то пробормотала по-шведски.

Самыми отдаленными уголками отравленных желчью чувств он определил присутствие в комнате еще одной фигуры. Когда она заговорила на языке, больше напоминавшем Люку норвежский, чем шведский, он узнал голос юноши, на котором раньше была маска барана.

Тошнота отступила, и стены комнаты замерли на месте. Люк снова посмотрел на старуху. Ее лицо ничего не выражало, только маленькие черные глазки поблескивали из глазниц, таких старых, что кожа в них напоминала скорлупу грецкого ореха. Что-то было в этих глазах странное и сильное, отчего он не мог в них долго смотреть.

Ее губы были втянуты в рот. Нижняя челюсть испещрена глубокими морщинами и покрыта волосами. Яркие белые волосы на

крошечной головке были очень густые, но короткие. И, похоже, она подстригала себя сама, с помощью ножа и вилки.

От ее вида ему захотелось расхохотаться, но странность женщины вызвала давящее чувство тревоги. Ее кожа была серой и местами желтоватой, как у заядлого курильщика. Ростом она была не больше четырех футов и издали напоминала ребенка в своем закрытом, похожем на домотканое платье. Еще одна деталь усилила дискомфорт: поверх черного платья на ней был надет длинный, до пола фартук, некогда белый, а теперь покрытый какими-то бурыми разводами.

– Я не подойду к тебе, если будешь блевать, – ухмыляясь, сказал юноша из-за спины старухи. Детское кружевное платье исчезло с его тощего тела. Вместо него на нем была футболка, украшенная логотипом группы «Горгорот» и фотографией музыкантов, чьи лица были обезображены черным, белым и красным гримом. Потрескавшаяся белая краска на лице юноши заканчивалась под подбородком. Горло было чистым, но все равно очень бледным и худым, а выпирающий кадык делал его особенно угловатым. В женственных руках он держал поднос.

– Никто из нас не умеет готовить. Мы только жжем воду! А вот она умеет. Так что если хочешь, тушенка будет хоть каждый день.

Люк не был уверен, улыбнуться ему или сказать спасибо. Он не знал, ни почему он здесь, ни кто эти люди. И ничего не ответил.

На деревянной тарелке лежали темные овощи, политые густым коричневым соусом.

– У нас есть выпивка. Мы делаем ее сами, так что она очень крепкая. Называется... э... Самогон. Самогон! Но тебя, наверное, тут же вырвет, если выпьешь. Поэтому тебе вода.

Поднос опустился на кровать. Люк взглянул на татуированные руки юноши. Вокруг опоясывающих их рун вились черные стебли. На внутренней стороне одного предплечья был изображен молот Тора. Тонкую руку изуродовало плохо нарисованное перевернутое распятие. Из-под патронташа торчал длинный нож. Рукоятка была сделана из темной кости. Лезвие блестело на фоне тусклой кожи брюк. От вида ножа во рту у Люка пересохло.

– Пожалуйста, – сказал он. – Меня зовут Люк. Я ранен. Пожалуйста, мне нужно... чтобы вы вызвали помощь.

Юноша сделал шаг назад.

– Люк, да? А я Фенрис. – Он гордо улыбнулся. – Знаешь, что это значит?

Люк тупо уставился на него.

– Это значит Волк! – Юноша говорил с сильным акцентом. – Ха! Потому что мне, знаешь ли, очень нравятся волки. Как многие уже поняли. А другого парня зовут Локи. Знаешь, что это значит?

Не дождавшись ответа от остолбеневшего Люка, он сказал:

– Дьявол. Потому что, позволь мне тебе сказать, мой друг, он им и является. А девушка с большими сиськами – только не говори ей, что я так сказал, – Суртр. Красивое имя для демона? Это значит Огонь. Ее имя тоже вполне ей подходит. Понимаешь меня?

– Да. – Люк не хотел слышать больше ни одного слова от этой загадочной и крайне идиотской фигуры.

Старуха продолжала тарашиться на него, и это нервировало, хотя он по-прежнему старался не смотреть в ее почти неразличимые на сморщенном личике глаза. Она не улыбалась. Ему показалось, что она никогда не улыбается.

– Так откуда ты, Люк?

– Лондон. Англия, – сказал он на автомате.

– А, Лондон, – повторил Фенрис, делая ударение на втором слоге и произнося не «дон», а «дун», как часто делают те, для кого английский является вторым языком. – Думаю, однажды мы там сыграем. Может, в Камден Андеуорлд. Я никогда не был в Лондоне, а вот Локи был.

Лицо Люка словно одеревенело от удивления из-за неуместной болтовни юноши. Он даже не знал, что сказать. Какая-то часть его была против мольбы о помощи. Инстинктивно он чувствовал, что она не приведет ни к чему хорошему.

– А как ты попал сюда из Лондона, Люк?

Люк посмотрел на пол и закрыл глаза, скорее от болезненности воспоминаний, чем из-за дискомфорта, вызванного слабым светом.

– Отпуск.

Юноша молчал, задумавшись над словами Люка. И вдруг засмеялся. Он смеялся и не мог остановиться. Наконец он вытер глаза, размазав черный макияж.

– Какой-то гребаный отпуск, да? – И снова засмеялся.

Если бы два его друга не были зверски убиты, а третий не пропал без вести, Люк тоже повеселился бы. Вместо этого хихиканье юноши

вызвало в нем злобу. Но вспышка ярости была воспринята с удовлетворением, в отличие от не покидающего его чувства тревоги. Раздражение стало освежающей передышкой после изнурительной нервозности, буквально лишившей его всяких сил.

– Мои друзья погибли. Там, в лесу. Мы заблудились. На нас напали...

– Хочу тебе сказать, мой друг, вы пошли не той дорогой.

– Что ты имеешь в виду?

Впервые за все время их знакомства юноша перестал ухмыляться, строить глупые рожи и дурачиться. Его лицо вдруг стало серьезным. Он посмотрел через плечо на открытую дверь, потом снова на Люка.

– Что ты видел?

– То есть?

Фенрис ухмыльнулся, пожав плечами.

– Твои друзья, как они погибли?

– Их убило... нечто. Там, в лесу... – Люк, смутившись, не мог подобрать слова. Но существовали ли слова, которыми можно было описать то, что случилось с бедным Хатчем? А с Филом? А с Домом? Люк опустил голову, потом снова посмотрел на Фенриса. Почему он ухмыляется?

– Как их звали? – спросил Фенрис, но скорее желая сменить тему, как догадался Люк, чем ради искреннего интереса к его друзьям.

– Зачем тебе?

– Просто так. – Лицо юноши снова приняло выражение, которое он, видимо, считал свирепым. Потом, словно устав от притворства, опять ухмыльнулся.

– А чем ты занимаешься в Лондоне, Люк?

Подозрение Люка усилилось. Его нашли без документов. Паспорт и бумажник остались в одном из брошенных рюкзаков. Он задумался, как ему отвечать на вопросы подосланного юноши.

– Я продаю компакт-диски. – Он решил говорить как можно меньше.

– Тебе нравится музыка? – Юноша, похоже, оживился от такого ответа.

Люк продолжал молчать. Но посмотрел на футболку мужчины.

– «Горгорот» знаешь? – спросил Фенрис.

– Слышал о таких.

– А?

– Я слышал о них.

– Знаешь истинный блэк-метал?

Люк пожал плечами.

– Какие группы?

Люк стал с недовольством вспоминать названия групп, чьи диски продавались в крошечном блэк-метал-разделе его магазина.

– Какое это имеет значение?

– Имеет. Какие группы?

Люк вздохнул.

– «Димму Боргир».

Юноша сплюнул.

– Позеры!

– «Крэдл оф Филс».

Фенрис пожал плечами и равнодушно зевнул.

– «Веном»?

Он улыбнулся.

– Истинные мастера! Наконец мы кое-чего добились, Люк из Лондона. – Потом он изменил голос до низкого насмешливого тона и нахмурился. – Но тебе явно требуется образование, мой друг. Тебе нужно послушать «Эмперор», «Дарк Трон», «Бурзум», «Сатирикон», «Бэтори». И ты услышишь их всех, пока гостишь в лесу вечной скорби. И может быть, если будешь хорошим мальчиком, мы поставим тебе еще «Блад Френзи». – Юноша изобразил разочарование из-за невежества Люка и его затянувшегося недоумения. – «Блад Френзи»! Моя группа. Ты работаешь в музыкальном магазине и никогда не слышал о «Блад Френзи». Люк! Очень глупо с твоей стороны.

– Фенрис.

При упоминании своего имени юноша перестал ухмыляться.

– Это мое имя.

– Мне нужно в туалет.

Фенрис что-то рывкнул старухе, которая только и делала, что тарасилась на Люка с момента появления в комнате. Она медленно пересекла комнату и исчезла за дверью. Ее маленькие ножки прогромыхали по неровным доскам пола.

Люк отвел глаза от двери, стараясь скрыть острый интерес к ней.

– И еще мне нужна моя одежда, Фенрис из Швеции.

– Из Норвегии! Я норвежец. Викинг!

– Хорошо, Фенрис из Норвегии. Я хочу уйти отсюда. Спасибо, что вытащили меня из леса. Иначе я бы погиб. Но моих друзей убили, и я должен сообщить об этом. А теперь еще вы и ваши друзья заставляете меня нервничать.

Фенрис улыбнулся.

– Тогда ты очень мудрый человек, Люк из Лондона. Потому что нужно бояться волков, дьяволов и огонь, когда они на дикой охоте.

– Я не понимаю.

Фенрис оскалил в усмешке желтые зубы.

Пожилая женщина вернулась в комнату, с трудом волоча большое деревянное ведро. Очень старое, как музейный экспонат, скрепленное по бокам железными обручами. Фенрис наблюдал за ее мучениями, но не попытался помочь.

Внезапно снизу раздался низкий голос второго юноши. Люк сразу понял, что тот говорит по-норвежски. Фенрис закатил глаза.

– Я должен идти, Люк. Но мы еще поговорим. – Он кивнул на ночной горшок, который старуха поставила у ног Люка. – Пожалуйста, ссы на здоровье. – Он повернулся и пошел к двери. Старуха громко засеменила за ним.

Люк услышал, как ключ повернулся в замке.

– Почему? Почему закрываете дверь? – крикнул он.

Ему никто не ответил.

51

Столовые приборы были сделаны то ли из кости, то ли из дерева. Люк не знал точно, да и трогать их не хотел. Деревянная тарелка стояла у подножия кровати и была наполовину заполнена тушенкой с вареными овощами. Он колебался, стоя над ней с безвольно повисшими руками и мучаясь от запаха. Голод прожигал желудок до самого позвоночника и кружил голову. Когда он в последний раз ел? Он не знал, потому что не знал, как давно находится в комнате, мочась под себя в постель.

Пока Фенрис болтал, еда успела остыть. По крайней мере, она была мягкой. Люк встал перед тарелкой на колени, приблизил к ней лицо.

К тому времени, как он слизал с тарелки последнюю каплю горько-соленого соуса, услышал нарастающий гул голосов и топот ног, доносящийся с нижнего этажа.

Возбужденные голоса. Пронзительные крики, имитирующие блэк-металлический вокал. Рычание и бульканье, срывающиеся на ломкий фальцет. Интересно, они так общаются или просто пытаются превзойти друг друга, как дети? Самым громким был Фенрис. Люк усомнился, что рот этого юноши закрывается надолго. Его придурковатые крики поддерживал гулкий баритон Локи. А все шакальи звуки, похоже, издавала девушка, соревнуясь с Фенрисом. Вряд ли эти вопли могли принадлежать старухе.

«Почему они ходят по дому в обуви?» – Задался Люк вопросом и тут же почувствовал его неуместность. Но непрерывный стук ног по деревянному полу был невыносимым и оглушительным. Он заставлял его вздрагивать, действовал на нервы и пугал. Люк боялся, что он в любой момент раздастся на лестнице, ведущей в его комнату.

Мебелью молодежь тоже не могла пользоваться тихо. Деревянные ножки, по всей видимости кресел, постоянно яростно скрипели по полу. Грохот был такой, будто первый этаж здания перестраивался или подвергался вандализму. Время от времени что-то падало и разбивалось. Интересно, что это за старуха? Связана ли она с группой, с этими «Блад Френзи»? Люк хотел знать, почему она позволяет им вести себя так агрессивно.

Внезапно он разозлился на себя за то, что не поинтересовался, почему он здесь и кто она такая. Столько вопросов осталось без ответа. Вдруг внутри него все похолодело. А если эти юноши и есть убийцы? Если на них охотились эти подростки? И убили его друзей? Эти Волк, Дьявол и Огонь?

Нет, непохоже.

Люк не видел их преследователя и убийцу, но знал и чувствовал, что тот был слишком быстрым и бесшумным для человека. Вряд ли эта крашенная молодежь способна на такое звериное коварство. Они не походили на противоестественное существо, проникавшее в его сны. Люк вцепился в лицо и стал тяжело дышать, подавляя очередной приступ паники.

Топот, издаваемый группой, раздался уже на улице, потом стих, когда ботинки ступили на траву. Слышались лишь идиотские вопли.

Люк пересек комнату и подошел к крошечному окну. Он заметил черные гвозди, торчащие из стены справа от окна. На штукатурке над кроватью виднелись светлые прямоугольники. Там раньше висели картины и украшения, но теперь они были сняты. Недобрый знак, хотя он не мог понять, почему. Сдвинув в сторону кусок бесцветной сетки, он посмотрел в окно.

Снаружи смеркалось, но в небо шел какой-то тусклый свет. Люк догадался, что было около восьми. Похоже, тусклое красноватое свечение шло из открытой двери или из окон нижнего этажа.

Под маленьким окном его комнаты молодежь собиралась развести костер.

Темные бревна были сложены в форме треугольника, футах в двадцати от дома, на большой заросшей травой площадке на границе с участком черного леса. Терновые венки и сухие ветки образовали вокруг бревен слой хвороста для растопки. В темной траве виднелась красная канистра с бензином. Трава давно не подстригалась, но была вытоптана вокруг костра в форме неровного круглого пятна.

На плоской травяной площадке росло несколько низких фруктовых деревьев. Напротив дома стояло небольшое здание. Оно походило на искусно сделанный игрушечный домик или сарай с отдельной дверью и крыльцом. Черный миниатюрный домик испугал его. Он напоминал заброшенные здания, которые они нашли в лесу. Этот тоже был очень стар. Как комната и сам дом. Все здесь было ужасно старое и запущенное. Сам запах этого места был ему чужд. Этот дом пах лесом. Он был темным, влажным сердцем страшного леса, возвышавшегося черной, неподвижной и непроходимой стеной вокруг травянистой лужайки.

Внезапно Люка охватил ужас. А что если костер предназначен для него? Что если молодежь собирается сжечь его живьем?

Он с трудом прогнал эти мысли, чтобы остановить поток паники, подступивший ко рту. Подростки просто молоды и пьяны. Они спасли его. Они ничего не воспринимают всерьез. Легковозбудимые. Только и всего. Кто-то ушел за врачом.

Тогда зачем они его заперли? Люк медленно повернул голову и посмотрел на маленькую дверь. Чтобы... чтобы уберечь. Но от чего?

Люк поспешил к двери, ступая голыми ногами по шершавому полу. Он подумал, что, раз боль в голове утихла, а в тело вернулась

подвижность, самое время тихо выбраться из комнаты. В крошечное окно ему не пролезть, поэтому оставалась дверь.

Он повернул черную железную ручку. Закрыто. Как он и подозревал. А может, ее удастся взломать? Дом был старый, а дверь узкая и, похоже, непрочная. Но когда он подергал ручку и надавил голым плечом на дерево, она оказалась более прочной и тяжелой, чем на первый взгляд. Разбухшая и слегка перекошенная в раме, почти не двигалась. Короткая надежда на легкое спасение умерла.

Люк наклонился и подождал, когда толчки в черепе стихнут. Вернулся к окну.

Внизу Фенрис и Локи сняли футболки, подставив голые торсы под холодный вечерний воздух. Бледные как личинки, плоские грудные клетки, длинные и худые руки, украшенные черными шипастыми татуировками. Копны спутанных черных волос обрамляли заново раскрашенные лица. До сего момента он не представлял себе длину волос Локи. Грязной занавеской они опускались ниже талии. Несмотря на тощие конечности, сам он был гигантом. Грудь крест-накрест пересекал патронташ, сделанный из черной кожи и покрытый шипами. Предплечья оцетинились длинными серебристыми гвоздями, торчащими из кожаных нарукавников.

На их юных лицах были нарисованы свежие гримасы. Уставившись на темное небо широко раскрытыми глазами и вытянув перед собой руки, они издали еще несколько идиотских визгов. Девушку Люк не видел.

Внезапно старый CD-плеер взорвался звуками блэк-метала. Само устройство было где-то спрятано. Похоже, им управляла девушка. Внезапно она появилась в поле зрения, обнаженная. Ее ягодицы и тяжелые груди колыхались при беге. Татуировок на теле видно не было. У нее были маленькие ноги. Маленькие до абсурда. Кожа бледная, почти светящаяся. Суртр снова была в маске зайца, отчего ее голова выглядела неестественно большой и лохматой. Нечеткая тень, отбрасываемая ею на фоне красноватого свечения от дома, вызывала неприятное чувство.

Фенрис неловко перевернул над дровами канистру. Из нее плеснула серебристая жидкость. Локи вытащил «Зиппо», и Люк понял главную причину своего раздражения, неослабевавшего с момента приема пищи. У него было долгое воздержание от сигарет. Очень хотелось

курить. Интересно, как давно он курил в последний раз? Он скорее предпочел бы табак, чем одежду или гребаные металлические столовые приборы.

– Пожалуйста, хоть бы у них были сигареты, – прошептал он.

«Зиппо» не торопилась разжигать костер. Получилось лишь с четвертой попытки, несмотря на все усилия жирного зайца и Фенриса вызвать огонь к жизни прыжками и истощными воплями. Они все были пьяны.

Люк продолжал наблюдать за пьяными плясками молодежи. Двое мужчин что-то глотали из рогов, переделанных в кубки. Самогон. Неуклюжий «заяц» дважды упал на колени. Свет и жар от костра будто отталкивал Люка от окна вглубь комнаты.

Из-за усталости от предпринятых усилий он вдруг почувствовал себя старым и жалким. Накатили слабость и тошнота. Было не время предпринимать что-либо.

Он добрался до кровати и лег на одеяло. Не в силах лицезреть влажную от мочи овчину и грязное сено под ней, закрыл глаза. Его била дрожь. Он попытался понять, что происходит, но не мог мыслить ясно. Клокочущее пение и пулеметная дробь ударных под окном нарушили ход мыслей и даже ритм дыхания. Ему снова захотелось тишины и темноты сна, маячившего где-то на задворках сознания.

Ему казалось, что при всей абсурдности ситуации он слишком легко с ней смирился. Может, из-за шока. После всего, что случилось с Домом, Филом и Хатчем в лесу, который он видел из окна.

Он далеко не в безопасности, и что бы там в лесу ни было, по-прежнему находился в пределах его досягаемости. У него не было достаточно времени на обдумывание своего положения, потому что он уже несколько дней боролся за жизнь и был сломлен. Потом он оказался здесь, посреди этого безумия. Люк с трудом пытался связать эти две ситуации.

Он отчаянно хотел, чтобы молодежь перестала шуметь. Хотел оказаться в полной тишине. Потому что шум разносился на многие километры. Он мог привлечь к дому что-то еще.

Но музыка гремела, и пьяная молодежь кричала в небо. Казалось, ничто их не утомляло. Интересно, продержатся ли они всю ночь?

Оно. Знают ли они о нем? Наводил ли Фенрис справки? Тайком от Локи? Локи был у них за главного. Он казался более интеллигентным,

возможно, более мягким, хотя, опять же, нелепым. Фенрис был глупым, шумным подростком. В них обоих было что-то невыносимо инфантильное. Эксцентричное. Два придурка. По сравнению с тем, с чем он столкнулся в лесу, они не представляли физической угрозы. Он проанализировал этот момент. Да, больше беспокоил вопрос, почему его держат взаперти, чем то, что они могут с ним сделать. Он догадывался, что они буйные, шаловливые, легкомысленные, но безобидные. Старуха была более ответственной. Накормила его, перевязала голову, погладила по щеке. Он вспомнил это ощущение и вздрогнул. Рядом с бабушками не случаются плохие вещи. Ему нужно просто расслабиться и ждать. Он испугался масок, только и всего. Но, с другой стороны, непохоже, что их волновало его самочувствие. Они не обращали внимания на разбитую голову. Они занимались своей гребаной вечеринкой. Действительно ли они послали за помощью? В нем нарастало чувство, что он стал жертвой тщательно продуманного розыгрыша. Они играли с ним. Им нравилось что-то от него скрывать. Ничтожества.

Но что делать? Что делать? Что делать?

Несмотря на жуткий грохот снаружи, от изнеможения Люка стало клонить ко сну.

52

Его разбудил топот ног на лестнице. Он сел в кровати, тихо вскрикнув. Звуки шагов разнеслись по коридору.

Неподвижно сидя в кровати, Люк зажмурился в надежде избежать нового визита.

Но это не помогло.

Фенрис вошел в дверь, оставив ее на этот раз широко распахнутой. В наружном замке болтался длинный железный ключ. Фенрис что-то держал в руках.

– Люк! Просыпайся! Ты уже достаточно долго спал, мой друг. Ты пропускаешь вечеринку! Смотри. Смотри сюда.

Фенрис всем весом опустился на кровать, отчего та резко просела. Люк скатился к краю и схватился за голову.

– Осторожно! – крикнул он, удивившись силе собственного голоса.

– Извини, – сказал Фенрис на автомате. – Извини меня.

– Похоже, у меня перелом черепа.

– Смотри сюда, – Фенрис протянул ему черно-белые снимки. Из рта у него дурно пахло, то ли прокисшим молоком, то ли рвотой. Люк поморщился и отстранился от покачивающейся пьяной фигуры с потным накрашенным лицом.

– Тошнота. Головная боль. Похоже, у меня перелом, – тщетно пытался втолковать ему Люк.

Глаза Фенриса с трудом сфокусировались на нем.

– «Блад Френзи», – провизжал он, подражая пению на записи, продолжавшей сотрясать дом. От боли в ушах и голове Люк поморщился. Он попытался изобразить равнодушие к открытой двери позади Фенриса, но та словно манила его. Мысли путались. Есть ли рядом с домом какой-либо город? Как далеко он сможет уйти? Не опасно ли ночью быть так близко к лесу? Ведь именно в нем заблудились и погибли его друзья.

– Смотри! – рявкнул Фенрис, рассерженный отсутствием интереса к его фотографиям. Люк поднял их с постели.

Рекламные снимки Фенриса, Локи и другого мужчины с невероятно длинными белыми волосами. Они позировали с голыми торсами, держа в руках мечи, и гримасничали перед камерой с накрашенными лицами. На некоторых фото они стояли в снегу. Фоном для фотосессии служили почерневшие, похожие на скелеты зимние деревья. На зимних снимках в руках у юноши были инструменты. Локи держал гитару, в его огромных ручищах она походила на банджо. Фенрис сжимал барабанные палочки. Эта роль показалась Люку вполне уместной, так как игра на ударных более чем подходила его суетливой, энергичной и шумной натуре.

Третьего человека он в доме не видел. Тот был строен, высок и юношески красив, несмотря на белый с черными прожилками грим. Его волосы были блестящими, как у женщины, да и манерой вести себя он отличался от остальных музыкантов. Казалось, он повелевал окружающей тишиной, в то время как двое других могли лишь это имитировать. Это он ушел за помощью?

На всех были кожаные брюки, большие ботинки и утыканые гвоздями ремни. Им нравились патроны, татуировки, перевернутые кресты. Фотографий было больше десятка. На всех одно и то же трио, принимавшее то грозный, то злой, то страшный, то безумный, то надменный вид, насколько им удавалось. Люк видел подобное раньше в журналах вроде «Керранг!» и «Метал Хаммер», продававшихся в его магазине. Всегда листал их без особого интереса. Он слушал и коллекционировал классический рок, блюз, кантри, фолк, американу. Не проявляя особого интереса к такому экстравагантному жанру, как хэви-метал, он знал, что блэк-метал имеет скандинавские корни. В девяностые они вроде сожгли несколько церквей. Это были сатанисты. Андеграундное антиавторитарное движение. Он почти ничего не знал об этом, но был уверен, что Фенрис скоро восполнит пробелы в его знаниях. Эта мысль сильно его утомляла. А еще он был озадачен вопросом, почему в такой социальной утопии, как Скандинавия, производят подобную музыку. Возможно, это протест против самого испорченного народа в Европе. Бунт против общества потребителей.

В нижней части каждого фото были отпечатаны логотипы «Блад Френзи», компании «Нордланд Панцergренадир Рекордз», а также адрес почтового ящика в Осло.

Фенрис бросил Люку на колени компакт-диск. Потом снова сел, скрестил руки и задрал подбородок, скривив жуткую гримасу.

– Есть такой в твоём магазине?

На обложке был изображен зимний северный пейзаж, хотя из-за темной картинки трудно было сказать, какой именно. Газообразный белесый туман или свет стелился над участком воды в нижнем левом углу фотографии. Или рисунка? В верхней части обложки красовался похожий на молнию логотип группы.

Люк перевернул коробку и увидел на задней стороне один из рекламных снимков, где три фигуры стояли в снегу в позах воинов, с палашами в руках. Слева готическим шрифтом был отпечатан трек-

лист. Читать названия песен у него не хватало ни сил, ни интереса, ни желаний. Чувствуя себя раздраженным, сердитым и усталым, он просто пожал плечами и бросил коробку Фенрису обратно.

– Не знаешь! – Фенрис размахнулся и влепил Люку пощечину.

Люк отлетел назад, в конец кровати, словно его ударило током. Они уставились друг на друга. Голубые глаза Фенриса сузились и потемнели. Он походил на психически больного. Люк сглотнул. А юноша вдруг снова заулыбался, будто довольный реакцией Люка.

Вот задира. Говнюк чертов.

– Не трогай меня больше, мать твою.

Фенрис изобразил показной испуг.

– Что ты мне сделаешь, Люк из Лондона? А? Кто работает в магазине компакт-дисков, но не знает о самой злой группе в мире! Похоже, ты работаешь в магазине для педиков. Торгуешь бабской музычкой. – Он громко рассмеялся над собственным остроумием.

Люк подумывал ударить Фенриса ногой в лицо, пяткой прямо в его грязные зубы. Но пульсирующая в голове боль подсказывала, что момент не самый подходящий. Он снова с удовлетворением отметил нарастающий внутри прилив гнева. Он не будет больше терпеть.

– Просто у нас не очень востребовано всякое дьяволопоклонническое дерьмо.

Фенрис перестал смеяться. Сел прямо. Энергетика его тела изменилась. Он медленно встал с кровати, не сводя с Люка глаз. Растерянное лицо юноши, казалось, покраснело под белой краской. Он был так разозлен, что едва дышал. Когда он заговорил, его голос был низким и неприятным.

– Дьявол? Дьявол, думаешь? А? Мы поклоняемся дьяволу? Ты ничего не знаешь! Мы используем дьявола только потому, что ненавидим христиан. В нас живет Один. Один, и только он.

Он сжал руки в кулаки. Закрыв глаза. Стиснув зубы, зарычал:

– Видишь, как христиане отравляют нас! Давай называть вещи своими именами. Это Один, великий Вотан говорит в нашей крови. Христиане называют нашу религию злом. Мы воины. Дикие воины, и ты знаешь это! Мы открыты природе. И мы не знаем жалости!

– Конечно. О'кей. – Люк не знал, что еще сказать. Все его тело напряглось. Он оглянулся в поисках деревянной ложки.

Фенрис протянул ему ее, тараторя так быстро, что Люк слышал лишь обрывки его пьяной болтовни. Все это было бы смешно, если бы три его друга не погибли в лесу.

– Твоих друзей нам не жалко. Они были слабые и поэтому умерли. Конец истории. Старые боги требуют кровавую жертву! Они, как это сказать? – Он сделал паузу, с ухмылкой подбирая нужное слово. – Безжалостные! Да, они безжалостные!

Люк медленно поднялся с кровати. Неуравновешенный Фенрис превращался в истеричного пьяного маньяка. Его буквально трясло.

Юноша развернулся всем телом и не сводил с Люка льдистоголубых глаз.

– Мы скачем за Одином. Он наш вождь. Он ведет нас. Ведет нас через нашу кровь. Ты не поверишь, что здесь такое. Что здесь обитает. Ты не поверишь.

– Ты бы удивился тому, во что я сейчас верю. Только остынь, хорошо?

Но Фенриса уже было не остановить.

– Наша кровь шепчет, что нужно сжечь церковь, и мы жжем ее. Наша кровь говорит, что нужно убить педика... иммигранта... наркодилера. Мы убиваем их! Наша кровь говорит, возвращайся домой. Ты готов встретить старого Бога из леса. Бога... твоего народа. Ты возвращаешься домой. Ты готов, потому что доказал себе, что ты истинный Оскерай! Тот, кто дико скачет, пока не настанет Рагнарок. Это не какой-то гребаный дьявол! Не какое-то христианское дерьмо! Это старые боги, говорящие с нами. – Фенрис сжал рукоять ножа, торчащую из-за ремня.

Люк поднял обе руки, раскрыв ладони.

– Конечно. Я понял. Но я устал. Я ранен. Пожалуйста. Просто успокойся. Боже.

Но юноша продолжал клониться в его сторону, тараща голубые глаза на потрескавшемся белом лице.

– Мы викинги. И мы восстали. Через нашу кровь и через землю леса он говорит с нами. То же самое с нацистами. Вотан вернулся к ним. Даже Юнг подтверждает это. – С диким лицом, до безумия одержимый своей идиотской теорией, он вытащил нож из-за ремня. У Люка онемели ноги. Он попробовал ими пошевелить.

– Мы сделали то, что никто до нас еще не делал. За всю историю!

Размахивая изогнутым лезвием из черной стали, Фенрис зарычал и ткнул им в сторону маленького окна.

– Мы срем на христианские алтари. Без проблем. Потом убиваем педиков вроде тебя! Без проблем. Но это не ново. Могу тебе сказать, быть злым очень весело. Но это не... не... Черт! Слова, слова! Это всего лишь слова! Но мы будем первыми лидерами блэк-метала, которые вызвали настоящего старого Бога. Может, ты даже видел его собственными глазами. И скоро увидишь его снова. Мы подготовились к встрече с Богом. Тебе лучше сделать то же самое, мой друг.

Люк незаметно отодвигался от раскачивающейся фигуры, но угол шкафа скоро уперся ему в спину.

Фенрис с трудом сфокусировал глаза.

– В этих лесах есть настоящий Бог! Не какое-то христианское дерьмо. Не какой-то гребаный дьявол. Это место священо. Здесь есть истинное воскрешение. Это «Блад Френзи», исполняющие музыку Богов.

Когда кончик ножа был в футе от глаза, Люк выхватил из-за головы кувшин и со всего размаху ударил тяжелым деревянным основанием Фенриса по голове. Все произошло так быстро, что он сам себе удивился.

На лице юноши мелькнуло удивление. Жуткий пустой звук эхом отозвался в помещении. Фенрис выронил нож и сделал два шага назад. Его глаза закрылись. Внезапно он стал похож на ребенка, который вот-вот заплачет.

Люк снова ударил его кувшином по голове. Тот не разбился, а с глухим звуком отскочил от черепа. Фенрис упал на колени. Люк поднял кувшин в третий раз.

Но прежде чем он снова ударил, что-то тяжелое и голое влетело в комнату. Он чуть повернул голову. Втянул в себя воздух.

Безумное лицо пестрого зайца ринулось к нему с такой скоростью, что у него перехватило дыхание. Два пухлых кулака ударили ему в лицо. Минимум три раза, пока он не уронил кувшин и не перехватил одну руку девушки. Она была рыхлой на ощупь. «Заяц» стал вырываться, пинаясь ногами. Они вертелись из стороны в сторону, как пара пьяных, исполняющих какой-то нелепый танец.

Люк взвизгнул, когда ее ногти царапнули по щеке. Показалось, что она выцарапала ему глаз. Зрение затуманила горячая соленая вода. Или

это была кровь?

Последовало долгое затишье. Люк видел лишь мутный силуэт зайца, маячивший у него перед глазами. А потом маленький кулак ударил ему прямо в открытую рану на голове.

53

Люк пришел в себя на грязном полу, не понимая, где находится. Посмотрел вверх, откуда доносился пронзительный, искаженный от ярости и горя голос.

Увидел, что Локи прижимает «зайца» к груди, удерживая от повторного нападения.

Фенрис, постанывая и шатаясь, полз на коленях к двери.

Девчонка продолжала вопить. В голове у Люка будто билось стекло. Он ощутил во рту привкус крови. Голова была холодная и мокрая. Он потрогал лицо. Потом поднес пальцы к прищуренным глазам. Они были выпачканы чем-то ярко-красным.

Девчонка непрерывно кричала и пыталась достать его маленькими пухлыми ножками, пока Локи не оторвал ее от пола и не перенес к двери.

– Дай мне его порезать! – кричала она по-английски, повернув в сторону Люка щетинистую заячью морду. – Дай мне его порезать!

Локи рывкнул на нее по-норвежски. Но девушка была безутешна. «Заяц», казалось, не сводил стеклянных глаз с Люка, лежавшего на полу с блестящим, горячим и влажным от крови лицом. – Дай мне порезать его, Локи! Дай мне порезать его, Локи!

– Нет! Иначе у нас ничего не останется. Думай. Думай. Думай, – повторял он с сильным акцентом.

Фенрис упал на локти, уронив голову лицом вниз, и принялся ритмично стонать, как ребенок. Его черные волосы рассыпались вокруг головы. Люк посмотрел на ребра и костлявый позвоночник, выпиравшие из-под его иссиня-белой кожи. «Это же дети, – подумал Люк. Маленькие испорченные дети».

Девушка устала махать ногами. Она сопротивлялась все меньше, потом расслабила тело и разрыдалась.

– Я хочу. Я хочу, – сказала она.

– Не сейчас, – сказал Локи и сжал ее еще крепче.

54

Если б девчонка добралась до ножа Фенриса, он был бы уже мертв. Истек бы кровью, беспомощно распростертый на грязном полу комнаты. Люк представил на мгновение свое тело, покрытое длинными красными ртами порезов. Закрыв глаза и попытался отвлечься от этого видения.

Внизу, на первом этаже, продолжал бушевать спор. Время от времени раздавался голос Локи, призывающий девчонку замолчать. Впервые за последнее время Люк не слышал Фенриса.

Стул громко царапнул об пол, потом упал набок. Разбилось стекло. Стоя наверху, в своей маленькой комнате, Люк вздрогнул.

Он промокнул предплечьем стекающую по лбу кровь. Голова была горячая и какая-то невесомая, в районе глаз появилась опухоль. Сама рана болела не так уж сильно. Но боль скоро вернется. Скоро. Эндорфины почти не выделялись. Они имели лишь временное воздействие. Так было всегда.

После драки он почувствовал себя лучше. Глупо, потому что он сделал себе только хуже. Теперь меры безопасности будут еще жестче. На него затаили обиду. Нужно беречь лицо, потому что ему будут мстить. Неизбежные, предсказуемые, ребяческие последствия человеческих взаимоотношений. Это было в порядке вещей. Между ними создавались основные правила. Всякая новая группа людей формировала свою иерархию. И он находился в ее низу. Бесправный свидетель идиотского садизма. Такова была его роль.

– Как? Как?

Внизу девчонка издала какой-то грудной стон, будто сорвала себе криками горло. Прогредел голос Локи. Фенриса по-прежнему не было слышно.

Люк сел на кровать. Ему очень хотелось пить. Как ни странно, но он надеялся, что не сильно ранил Фенриса. Он не испытывал удовольствия, причиняя кому-то боль.

В конце концов его разум начал пробуждаться. Он с удовлетворением воспринял этот позыв. С лечением придется подождать, если не забыть о нем вообще. Нужно подавить в себе боль и выбираться отсюда как можно скорее.

Его спасли от опасности, неминуемой смертельной опасности, но потом заключили в вонючую кровать в душной комнате старого дома, даже не сообщив о его местоположении. Человеку необходимо знать

хотя бы это, чтобы чувствовать себя спокойно. Необходимо знать свое местонахождение. С тех пор как Хатч решил пойти коротким путем, Люк перестал понимать, где именно находится.

– Пошел ты, Хатч.

Если ты берешь человека на попечение, кормишь его, защищаешь, но не обращаешь внимания на то, что у него серьезная травма головы, а Швеция – это современная страна с аварийно-спасательными службами, больницами и даже вертолетами, если необходимо...

Люк провел грязными пальцами по мокрому лицу, крайне озадаченный абсурдностью и невероятностью ситуации.

Они ему ничего не говорили. Фенрис уклонялся от вопросов. От его хозяев не поступит никакой полезной информации, и он хорошо это понимал. Он будет удерживаться здесь против своей воли. Поэтому должен сфокусироваться на своем спасении. Потому что маски, музыка, визги, костер внизу, в темной траве – все наводило на страшные мысли.

Он старался не думать о существе в лесу, убившем его друзей. Пока он еще слишком болен, изранен и слаб. Но его отношения с тем существом не закончились. В этом Люк был уверен.

«Блад Френзи» были здесь тоже из-за этого существа. Они раскрыли свои личности через глупые демонические имена, которые легко отследить через почтовый ящик в Осло и название звукозаписывающей компании. Но если в бахвальстве Фенриса касаются их замыслов была хоть частичка правды, его освобождение произойдет не скоро. Они находились в бегах.

Люк подумал о странной старухе. Интересно, кто она?

От звука медленных тяжелых шагов на лестнице все мысли перепутались.

Он напрягся. Оглянулся в поисках оружия. Кувшин был все еще в комнате. Он лежал на боку, целый и невредимый. Как и ведро. Он подошел к кувшину, схватился за потертую ручку. В голове возник образ кривого ножа Фенриса, и он содрогнулся. Он не мог унять дрожь, охватившую подбородок.

– Люк? Это Локи. – Локи не предпринял попытки войти в комнату.

Они его боятся. Это хорошо. Если боятся, хорошо. Все равно это просто дети. Фенрис – трепло и болтун. Они никого не убивали.

Люк встал в нескольких футах от двери так, чтобы было где размахнуться кувшином.

– Да.

– Хорошо, что ты слушаешь.

– Всеми ушами.

– Я очень рад этому, Люк. Потому что тебе нужно слушать очень внимательно. Понятно?

– Да.

– Сегодня ты совершил большую ошибку.

– Разве?

– Да, мой друг, это так.

– Он напал на меня с ножом. Что я должен был делать?

– Если бы он хотел убить тебя, Люк, ты был бы уже мертв. Понимаешь?

– Не очень.

Локи вздохнул.

– Фенрис убивал раньше. Для него убийство ничто не значит. Понимаешь?

У Люка мороз пробежал по коже. Жар будто ушел из тела через ноги.

Усилием воли он прогнал из головы смысл сказанного Локи, как когда-то прогнал образ своей изрезанной ножом плоти. Ему нужно держать себя в руках, или все будет кончено.

– Когда мне угрожают, для меня это кое-что значит, Локи. Понимаешь это?

– Он не собирался причинять тебе боль. Ты ему нравишься. Он рад, что ты здесь с нами. Ему скучно со мной и Суртр. Видишь ли, мы с Суртр вместе, а Фенрис – лишний. Понимаешь?

– Да.

– Но теперь у тебя здесь нет друзей, Люк. Ты все испортил.

– Он не был моим другом, Локи. И я не дурак.

Локи расхохотался.

– Я и не говорил этого, Люк. Ты хочешь выжить. Ты борешься. Ты не слабак. И я уважаю это. Ты особенный. Вот почему ты жив, а твои друзья нет. Да? Фенрис сглумил, потеряв бдительность, вот и все. Он получил ценный урок. Я бы предпочел, чтобы он больше не получал

такой урок, потому что сейчас мне приходится выступать миротворцем, понятно?

Люк продолжал молчать. Он обнаружил, что отчаянно старается прогнать свою симпатию к Локи.

– Ты меня еще слушаешь, Люк?

– Да!

– Хорошо. Но ты наш гость, так что, пожалуйста, не кричи. О'кей?

– О'кей.

– Спасибо.

– Мои друзья, Локи. Вы убили моих друзей?

– Нет, Люк. Я не могу сказать, что именно случилось с ними, но скоро узнаю...

– Что ты имеешь в виду?

– Люк! Сейчас я говорю, так что слушай меня. Теперь тебе нужно быть осторожным и... как это сказать? Спи чутко. Потому что кто-то в этом доме, недалеко от твоей кровати, очень хочет убить тебя.

– Скажи Фенрису, что мне очень жаль. Я ударил его, потому что подумал, что он собирается причинить мне боль. А я очень устал от боли, Локи. Можешь это понять? Моих друзей убили, и я хочу... Просто хочу, чтобы все кончилось.

– Я понимаю, Люк. Все скоро кончится.

Это утверждение вскружило ему голову надеждой, пока он не понял, что Локи говорит о совершенно ином финале его истории.

– Но твоя проблема не Фенрис, – раздался за дверью низкий голос гиганта. – Он злится на тебя, это да. Он надеялся, что ты составишь ему компанию, пока ждешь.

– Жду чего?

– Я не закончил, Люк...

– Что, Локи? Чего я жду? А? Полиции. Потому что она прибудет очень скоро.

– Я так не думаю, Люк. Не тешь себя ложной надеждой, мой друг. Ты слишком важен для нас, чтобы отдавать тебя полиции. А они последние, кого мы хотим здесь видеть. Но уверен, что они захотели бы познакомиться с нами. – Локи рассмеялся неискренним, низким хохотом. – Очень скоро я тебе расскажу, мой друг. Всеу свое время. Для сегодняшней вечеринки был очень хороший повод. Как ты скоро

поймешь. Но тебе нужно еще чуточку потерпеть, Люк. А пока ты должен понять, что являешься гостем в этом доме.

– Я пытаюсь, Локи. Я изо всех сил пытаюсь понять, почему меня держат здесь против моей воли.

– У тебя сильная воля, Люк. Но, пожалуйста, позволь мне рассказать о твоей нынешней проблеме. Хорошо?

– Да. Да. Да. Расскажи мне, Локи.

– Когда я говорю, что у тебя в этом доме очень большая проблема, я не лгу, Люк. Но это не Фенрис. У него разбита голова, но он не убьет тебя. Твоя проблема – Суртр, Люк.

– Держи от меня подальше свою бешеную суку. О'кей, Локи? Ну, так как, дружище?

– Буду стараться изо всех сил, Люк. Но мне тоже нужно спать. А она очень деспотичная.

– Не понимаю.

– Ей нравится орудовать ножом, Люк. Резать. Она немного одержима своими идеями. Однажды мы поймали одного парня, и она... Представь человека, пытающегося убежать без пальцев на ногах. Очень забавное зрелище, хочу сказать. И она не остановилась на его пальцах. Он весь влез в этот... этот... чемодан. Ну, такой, с которым летают в самолетах.

Люку показалось, что его вот-вот стошнит. Ему нужно сесть. Он попытался взять себя в руки.

– Думаю, ты понимаешь меня, Люк. Поэтому я прошу тебя об одолжении. Ты сделаешь, как мы скажем. Это значит, больше никаких драк, мой друг. Я дам тебе время все обдумать. – Его шаги стали удаляться.

Люк подошел к двери.

– Мне нужна вода, Локи. Вода.

Громкие шаги снова приблизились к двери.

– Я принесу.

– Горячая вода. Повязка.

– Нельзя.

– Что-нибудь болеутоляющее. Таблетки от головной боли.

– Нельзя.

– Сигареты, пожалуйста.

– Нельзя.

– Знаешь что, вызови скорую. Прямо сейчас.

– Нельзя, – сказал Локи без тени юмора.

Морщась из-за жуткой боли в голове, вызываемой малейшим движением, Люк переместился к краю кровати. Медленно согнул ноги и встал прямо. Даже поддерживая голову двумя руками, он чувствовал себя неустойчиво, как при морской болезни.

Отпил прямо из кувшина застоявшуюся пыльную воду. Она потекла по подбородку, заливая голую грудь. На нем было лишь сырое нижнее белье, остальную одежду у него забрали. Разбитое состояние мешало задуматься о причине. Но здесь не было медикаментов, и они не собирались отпускать его. Таковы новые факты. Новые правила, связывающие его жизнь. То, что осталось от нее.

К горлу вдруг подкатил страшный ком эмоций. Он рвался наружу, обжигая все внутри. Люк упал на колени. Наклонился и зарыдал.

Что это? Одиночество, грусть, жалость к самому себе, отчаяние или все, вместе взятое? Он не знал, но ему казалось, что нет ничего хуже, чем испытывать подобные чувства.

Ему было больно. Очень больно. Его голова. Он хотел, чтобы боль прекратилась. Он отдал бы все за болеутоляющее. Спину и истерзанные икры жгло словно шипами. Царапины визжали тоненькими голосками. Даже между пальцами были порезы, происхождение которых он не мог вспомнить.

Он посмотрел на свои грязные распухшие руки и предплечья. Подумать только, а он считал себя спасенным. В груди стало тесно, кожа покрылась холодными мурашками, ощущение было ужасно знакомым.

Лежа на деревянном полу, он свернулся в клубок, обхватил руками разбитую голову и тихо плакал, пока слезы не отняли у него остатки сил.

55

После того как рыдания Суртр внизу наконец стихли, Люк лег поверх пахнущего плесенью одеяла и прислушался. Кровь на лице засохла и потрескалась. В комнате не было электрического освещения. Ни розеток, ни электричества. Поэтому, когда за окном стемнело, в комнате тоже стало темно, как и во всем доме. Шелест растущих возле дома деревьев усилился и походил на грохот обрушивающихся на

берег волн. За все время своего пребывания в Швеции Люк не помнил такого сильного ветра.

Он слушал его свист за окном, пока на лестнице вновь не раздался звук шагов. Ему показалось, что это молодежь и старуха поднимаются, чтобы убить его. Напрягшись, Люк затаил дыхание.

В комнате дальше по коридору послышался какой-то грохот, похожий на стук двух пар ног. Потом дверь закрылась, и звуки смолкли. Другие шаги прошаркали мимо и застучали вниз по лестнице, на первый этаж, но в сторону противоположной части здания.

Люк втянул ноздрями воздух и снова расслабился на матрасе. Его похитители, должно быть, разошлись по своим койкам спать. Кто-то ушел в комнату на этом этаже дома. Он понял, что здание было большим. Оно скрипело как старый парусник. Он слышал, что вдали скрежещут смещающиеся бревна. Иногда ему казалось, что пол под кроватью тоже движется. Он сомневался, что здание безопасно в структурном плане.

В конце концов, несмотря на головную боль и тошноту, он впал в беспамятство от истощения.

Он очнулся от дезориентирующего сна, в котором беспрестанно кружился, глядя на белое от луны небо. Что-то разбудило его. Шум. Над его комнатой.

Похоже, было далеко за полночь. За окном царил непроглядная тьма, еще не начало светать.

Но половицы прямо над потолком его комнаты скрипели. А еще там раздавалось слабое постукивание. Не шорох, как от мышиной или птичьей возни, а звуки перемещения чего-то более существенного.

Да, он был уверен, что нечто, более крупное, чем собака или кошка, неуклюже бродит наверху. Характер движения вызвал в его воображении образ нескольких маленьких детей, слепо натыкающихся на стены замкнутого пространства в поисках выхода. Он прогнал этот образ. Это не то, о чем он хотел думать, находясь один в темноте.

Он осторожно слез с кровати. Пол издал громкий и продолжительный скрип. Наверху воцарилась тишина. Люк замер, затаив дыхание, и несколько секунд вслушивался. Затем осторожно ступил на пол. Ночная тишина усиливала издаваемые им шорохи как громкоговорителем.

Люк беззвучно выругался. Дом слушал его. Тьма следила за ним.

Теперь над ним ничто не двигалось, но что бы там ни было, оно, похоже, стало прислушиваться к его движениям.

Запаниковав, Люк захныкал. Нужно действовать. Нужно что-то делать. И немедленно.

Он быстро провел руками по оконной раме, потом по стеклу. На улице было хоть глаз выколи. Звезды и луна скрылись за облаками. В такое маленькое окно ему не пролезть, даже если разбить стекло. Плечи не войдут. При падении он сломает себе лодыжку или обе. Его передернуло. Хватит боли. Пожалуйста.

Проверяя участки пола, прежде чем перенести на них вес, он медленно двинулся через всю комнату к двери. Прижавшись к ней, почувствовал ее контуры ладонями рук, тщетно повернул ручку. Попытался найти хоть какой-то изъян, который позволил бы выйти. Но дверь была прочной. Старая штукавина, при изготовлении которой использовалась не прессовка, а древесноволокнистая плита. Он поскреб ногтями толстые петли. Потребуется лом, чтобы вытащить эту засранку из рамы.

Встав на четвереньки, он покрутился на полу. Кончиками пальцев проверил щели между половицами, можно ли взломать их голыми руками. Вверх взметнулись облачка холодного воздуха и пыли – бесшумные испарения воздушных потоков в перекрытиях здания. На ощупь пол был похож на дверь. Такой же прочный и древний. Люк поковырял половые доски, пытаясь их поддеть, но лишь испачкал и без того грязные колени. Стиснув зубы, снова безмолвно выругался.

Поднялся на ноги и двинулся вдоль стен, шаркая ногами. Местами штукатурка отсырела, где-то осыпалась под краской. Интересно, сможет ли он пробить стену в одном из таких слабых мест осколком кувшина или ведра? Он серьезно задумался над этим, когда вдруг активность наверху прервала его размышления.

Голоса.

Шепчущие голоса.

Тум-тук-тум. Стук маленьких ног.

Он переместился в середину комнаты, к ногам кровати, и что-то наверху последовало за ним. Топот детских ножек затих прямо над ним.

Люк двинулся к окну. Шажки двинулись следом.

– Привет, – сказал Люк.

Тишина.

На этот раз громче.

– Привет.

Никакого ответа.

– Слышишь меня?

Никто не ответил, но Люк был уверен, что то, что находилось над ним, было привлечено звуком его голоса. Потому что сверху раздался шелест, будто по полу то ли тащили что-то маленькое, то ли оно перемещалось само. Судя по звуку, оно было не больше ребенка. В нем не было особого веса, но оно едва волочилось по старым половицам.

Сверху снова донесся шепот. Несколько голосов шуршали как бумага. Он не мог разобрать ни слова, но в них сейчас слышалась нотка оптимизма.

Это привлекло третьего участника. Из дальнего угла комнаты послышались другие шаги, направляющиеся в его сторону. Но эта фигура двигалась невероятно медленно, словно каждый шаг давался ей с большим трудом. Звук шагов был жесткий, глухой и какой-то деревянный, будто этот человек был одет в туфли с острыми каблуками или передвигался на костылях. Это было больше похоже на медленное осторожное постукивание, чем на скольжение или волочение, издаваемые первыми двумя существами.

– Я слышу вас. Английский? Вы говорите по-английски? – тихо позвал он.

Шепот усилился, а потом стих.

Тишина.

Никакого ответа. Как они попали туда? Дети? Он подумал о доме Фреда и Роуз Вест в Глостере, их пленниках, замурованных в стенах. Вспомнил все, что знал о жертвах убийц-дегенератов. Дарма, Мэнсон, Убийца с Зеленой реки, Брэди, Нильсен, Ночной Бродяга, и все душители и мясники с их залом славы на кабельном телевидении. Он подумал о жертвах, которых те держали в плену, играли с ними, разделявали, насиловали и нередко съедали. От этих мыслей накатила такая слабость, что захотелось присесть.

Люк сжал кулаки, заскрежетал зубами. Он чуть не взревел от невозможности, абсурдности и несправедливости происходящего. Просто он никогда в жизни не сталкивался с подобным безумием.

Понимая, что нужно затаить дыхание либо дышать неглубоко, чтобы слышать движение над собой, он жадно вобрал в легкие затхлый воздух комнаты. И содрогнулся от холода. Ноги буквально окоченели. Он снова разозлился из-за отсутствия одежды. Может, она была в ужасном состоянии, а может, лишение его одежды было частью какого-то плана.

Он коснулся липкой борозды, пересекающей лоб. «Она только кажется хуже, чем есть на самом деле», – сказал он себе, сомневаясь, что сам верит в это.

Он добрался до неясных очертаний кровати. Немного отдыха и тепла прибавят ему сил. Завтра придется действовать.

При этой мысли он снова почувствовал себя больным и бессильным и пожалел, что ударил Фенрису. Сейчас они будут начеку. Но он должен что-то делать. Может, сначала заняться штукатуркой? Да, отдохнуть, потом разбить ведром кувшин, как можно тише под одеялом. И начать рыть штукатурку, пока «Блад Френзи» отсыплются после пьянки. Они все равно собираются его убить. Испортить стену было меньшей для него заботой.

Он сел на кровать. Уставился в пространство. Они все равно убьют его. Интересно, на что похожа смерть? Может, это просто темнота.

Над головой снова все было тихо, но ему казалось, что кто бы там ни был, они прислушиваются к его мыслям.

Люк снова лег. Кровать смердела навозом, но, по крайней мере, была теплой.

56

Он стоял у окна. Небо было белым от луны. Она заполняла собой атмосферу, будто какая-то планета, летящая навстречу земле. Простирающийся в бесконечность черный лес перед домом был неподвижен, но не безмолвен. Из его прохладной тьмы, из-под полога гигантских ветвей, мускулистыми руками, хвалебно возносящимися к светящемуся небу, доносились странные крики. Темные листья на вершинах самых высоких деревьев покрывал иней лунного света. Этот свет завораживал, но не дарил вожделенного утешения.

Люк слышал, как в комнате, у него за спиной, кто-то щебечет что-то тоненьким голоском. Какой-то маленький человечек. Люк понимал

его речь, хотя в жизни не слышал ничего подобного. Ему не разрешили оборачиваться.

Он почувствовал сильное желание спуститься вниз, на белеющую под окном поляну. В огромном океане леса, в этом новом мире было вырезано круглое плоское пространство, устланное мягкой шкурой из стриженной серебристой травы. Люк испытывал перед ним странную эйфорию и безумную радость. Хотя понимал, что выбраться из круга стоячих камней будет непросто, если он посмеет спуститься туда. Туда, где будет кружиться перед пастью темного каменного склепа, глядя в белое небо. Он уже делал это. Делал? Он не был уверен.

А среди деревьев резвились фигуры. Это были дети. Ангелы. Слезы застилали Люку глаза. Фигуры то ли плясали, то ли крались на четвереньках по краю поляны. А может, и то и другое. Иногда они вставали на ноги и махали тонкими белыми руками или возносили их к небу.

Белых человечков было трудно разглядеть из-за их резких перемещений в лесной тени. Они редко задерживались на одном месте и постоянно скакали туда-сюда. Но чем дольше Люк наблюдал за ними, тем чаще замечал розоватые глаза и гибкие хвосты, кроваво-красные, как земляные черви, пока они не исчезали в бесконечной тьме между деревьев.

Сквозь оконное стекло он пытался расслышать их голоса: они что-то кричали ему. Просили спуститься и покружиться перед черными камнями под белым, льющим с неба светом. Но потом он понял, что звук, издаваемый ими, больше походит на кашель или лай, а не на человеческие голоса. И Люк не был уверен, что у детей бывают такие квадратные желтые зубы и широкие рты. В своих крошечных белых кулачках они сжимали кости. Длинные кости ног и рук.

Потом он понял, что они складывают кости в каменный склеп. Это был тот склеп, куда он должен был пойти и ждать кого-то. Из глубокой и далекой чащи бесконечного черного леса приближалось нечто.

Тоненький голосок и топот крошечных ножек по деревянному полу у него за спиной внезапно смолк. Люк оказался внутри каменных стен старого склепа из стоячих камней и почувствовал острый запах земли. В тусклом свете он увидел разбросанные повсюду кости. Некоторые еще влажные и темные. Кости, собранные среди камней.

Люк очнулся от сна и закричал:

– Не надо! Не надо! Пожалуйста!

Но три фигуры вокруг кровати тянулись к нему все одновременно. Мертвенно-бледные лица, испещренные черными трещинами, надвигались на него.

Фенрис ухмыльнулся. Белки его глаз выглядели нелепо и ужасающе в черных глазницах.

– Мы нашли твоего друга. Иди посмотри, Люк. – Его красный рот, язык и желтые зубы неестественно ярко выделялись на фоне черной помады.

Своими гигантскими лапами Локи сжал предплечья Люка. Тот попытался выдернуть руки, но Суртр сработала быстрее нейлоновым хомутом. Похоже, она окольцевала ему запястья, пока он спал, и теперь ремень затянулся сильнее. Кожа под узами побагровела и нестерпимо чесалась.

Его рывком посадили в кровати. Фенрис сдернул с его ног одеяло. Холодный воздух обрушился на него, и Люк почувствовал себя хрупким и уязвимым. Его обдало жаром стыда.

– Подъем. Подъем, – скомандовал Локи.

Фенрис ухмыльнулся.

– Мужик, ты воняешь.

Люк поднялся на колени.

– Нет. Вы делаете мне больно... Перестаньте. – Потом боль в запястьях заставила его замолчать, так как Суртр еще туже затянула ремень. Слезы размыли образ ее лунообразного лица и злобную безгубую улыбку.

Фенрис схватил его за руки, в то время как Локи сунул свою огромную лапу ему под правую подмышку. Вместе они подняли его, потом спустили с кровати и поставили на ноги. Фенрис ухмыльнулся ему прямо в лицо.

– Сегодня для тебя большой сюрприз, Люк.

Они вытолкали его из комнаты, затем потащили по тесному деревянному коридору. Первой шла Суртр, широко ступая голыми ногами по деревянным половицам. Подошвы ее ног были черными как смоль. За ней следовал Локи, опустив голову, чтобы не задеть потолок и масляную лампу. Его тело заслонило тусклый свет, проникавший в узкое пространство. Люк слышал за спиной хихиканье Фенриса, чувствовал ухом его горячее дыхание.

Все они были возбуждены, напористы и суетливо толкались. Люку хотелось закричать, чтобы его оставили в покое, но мысль о том, что где-то есть Дом, лишила дара речи. «Значит, он жив. Невероятно, но жив».

Люк почувствовал, что его сердце вот-вот разорвется.

– Где вы нашли его? Моего друга?

Наверху лестницы Локи повернул голову. Длинные черные волосы колыхнулись чернильной массой.

– Это он нашел нас.

Люк едва мог дышать, не то что говорить.

– С ним все в порядке?

Фенрис рассмеялся и сказал:

– Более чем.

Локи бросил на Фенриса хмурый взгляд и отвернулся.

– С моим другом все в порядке? – требовательно спросил Люк.

Голова кружилась не так сильно, боль в запястьях сменилась теплом.

– Эти ступени очень старые. Не свались, – сказал Локи.

Фенрис толкнул Люка сзади, и он проскочил первые три ступени. Налетев на старые стены, выпрямился. Это было все равно что стоять на палубе маленькой лодки или передвигаться по едущему поезду. Его качало из стороны в сторону. Из-за внезапного пробуждения, связанных рук или из-за травмы головы, он не знал. А потом он оказался на первом этаже, почувствовав голыми подошвами твердый пол. Из открытой входной двери хлынул свежий воздух, пахнувший сыростью, дождем и землей.

Вокруг Люка материализовалась тесная коричневатая прихожая. Из нее вела дверь на темную кухню, где он увидел черную железную печь и дымоход. Старый деревянный стол, обшитый по бокам досками, стулья с закругленными ножками, облезлые шкафы.

В другом дверном проеме, справа, мелькнула более просторная гостиная. Стены, темные от древней древесины, хаотично завешанные оленьими рогами, черепами и другими почерневшими штукovinaми. Потом Фенрис снова подтолкнул его, и Люк вышел через открытую входную дверь на покосившееся деревянное крыльцо.

Трава почернела от останков ночного костра. Он почувствовал запах дыма и мокрой золы.

Слева от него, на крыльце, стояла старуха. Внезапное появление этого маленького тельца в длинном пыльном черном платье заставило его вздрогнуть. На сморщенном, ничего не выражающем лице мерцали крошечные глазки. Ключья коротких белых волос походили на дымку в зловещем свете дня. Она просто смотрела на него. Молодежь не обращала на нее никакого внимания.

Люк отшатнулся от Фенриса и заковылял вслед за Локи.

В отчаянии оглянулся вокруг.

– Дом! Дружище! Дом! – Ему отчаянно хотелось увидеть друга, понять, что это за жилище, где его держат взаперти, осмотреть территорию. Но он лишь растерянно брел по травяному участку перед крыльцом. А потом что-то попало ему на глаза – вверху, прямо перед ним, застрявшее в деревьях, словно обмякшее тело несчастного парашютиста.

Люк отвел глаза и ахнул. Потом резко повернул голову и посмотрел на истерзанную фигуру, висящую на деревьях напротив входной двери, как раз под его оконцем. Красновато-желтый цвет сырого мяса на месте глазниц и ярко-белый цвет кости дисгармонировал с фоном темной седой зелени.

– Мы призвали его нашей музыкой! Смотри! – закричал Фенрис откуда-то сзади.

Люк упал на колени. Посмотрел на траву и свои связанные руки. Снова поднял глаза.

Мертвенный свет проникал сквозь ветви деревьев. Испещренное тенями лицо Дома было совершенно неподвижным. Белое, как свечной воск, с испачканным темной кровью ртом, оно казалось странно невыразительным, словно он был безразличен к обстоятельствам собственной смерти.

Как у пьяного, обнимающего за плечи поддерживающих его друзей, бледные руки Дома были вытянуты и зажаты между двух ветвей примерно в восьми футах над землей. Тело и ноги висели в воздухе. Грудная клетка выпотрошена. Проблеск все еще влажного позвоночника был страшнее кровавой бороды вокруг разинутого рта. Кожа от пояса до бедер содрана. Словно кусок мяса в витрине мясника.

Перед глазами Люка все поплыло, стало иллюзорным, а потом и вовсе рассеялось. Он упал на бок и оглянулся на жилище. Увидел его

впервые. Это было деревянное, почерневшее от времени строение. Остроконечная темная крыша. Маленькие окна.

Две пары ботинок на толстой подошве, с носа до пят покрытые серебристыми заклепками, приблизились и встали у него перед глазами.

– Хватит. Хватит, – сказал Люк, хотя не был уверен, к кому обращается. – Нет Дома. Нет моего друга. Больше нет.

– Мы призвали его, и оно пришло. Наша музыка вызывает магию, – возбужденно воскликнул Фенрис. Когда эти слова наконец сложились для Люка в предложение, их смысл сбил его с толку. Он понял, что ничего не чувствует. Совсем ничего, будто каждый нерв был вырван из тела, как провод из полости стены. Поняв, что Фенрис говорит не о Доме, а существе, которое принесло сюда его останки, он закрыл глаза.

– Это самое отдаленное место в Скандинавии, Люк. – Сейчас с ним разговаривал Локи. – Где еще можно найти очень старые вещи, мой друг? Здесь другие правила. Другие энергии, понимаешь?

Люк продолжал смотреть на дом, лежа в траве в грязном нижнем белье, с запястьями, связанными пластмассовым хомутом из строительного магазина.

Рядом раздался голос Фенриса:

– Здесь они поддерживали ему жизнь. Не давали исчезнуть.

Потом снова заговорил Локи, глубоким, смягченным голосом, точно успокаивал напуганного ребенка:

– Нечто пробивается к поверхности мира, Люк. В нас тоже. Нечто страшное. Разрушительное. Я чувствую его и в тебе. Оно заманило тебя, да? И твоих друзей. Нас тоже. Мне жаль, но иногда невинные приносятся в жертву.

Фенрис тараторил, задыхаясь от радости:

– Думаешь, как они жили здесь? Жили так долго? Никто их не трогал. Живут, как им нравится. Это старейший лес в Европе. Он находится под защитой. Вот почему все это по-прежнему существует.

Голос Локи оставался бесстрастным. Его абсолютно не трогала смерть отца, мужа, друга, висящего на дереве.

– Это земля наших предков. Здесь по-прежнему живет Один. Ты должен проснуться и смириться с волей того, кто гораздо старше и сильнее, чем ты, Люк. Вот и все.

Потом он впервые услышал голос старухи.

– Det som en gang givits ar forsvunnet, det kommer att atertas.

Локи и Фенрис замолчали и повернулись к ней. Люк посмотрел на ее морщинистое, ничего не выражающее лицо. В безгубом рту виднелось несколько тонких серых зубов.

– Det som en gang givits ar forsvunnet, det kommer att atertas, – повторила она, будто констатируя факт. Ее голос был скрипучим от старости и в то же время странно мелодичным.

Локи присел, закинул прядь волос за плечо и наклонил к Люку свое грубо раскрашенное лицо.

– Она говорит, то, что когда-то было дано, утеряно, и некто придет вернуть это себе.

Тут Люк каким-то образом вскочил на ноги, и горизонт леса запрыгал у него перед глазами. Он бежал на онемевших, неуклюжих ногах. Убегал от всего этого прочь.

Он обогнул дом. Справа от него возвышалась темная деревянная стена, слева маячил лес. Позади здания стоял белый, заляпанный грязью пикап. За ним виднелся заросший сад с растущими в беспорядке деревьями. Некоторые ветви сгибались под тяжестью темно-зеленых яблок. Узкая, поросшая травой дорожка с продавленными до глины следами от колес огибала редкое скопление фруктовых деревьев и исчезала за поворотом.

Из-за спины доносились голоса. Фенрис то улюлюкал, то хохотал, как шакал. Локи спокойно, не спеша отдавал приказы.

Люк оглянулся через плечо. За ним бежала девчонка. Неуклюжие, короткие пухлые ноги в узких черных джинсах. Тяжелые груди, раскачивающиеся под великоватой толстовкой с какой-то надписью спереди. Босые, белые, топчущие ступни. Круглое, возбужденное лицо.

Инстинктивно Люк бросился к глинистой дорожке. Она явно куда-то вела. И земля там была не такой неровной, как в лесу. Он мог бы пробежать немного по дорожке, а потом свернуть в густые деревья и там залечь. Эта мысль гнала его вперед, усилия болью отзывались в голове. От каждого шага позвоночник гудел, а трещина в черепе, казалось, расширялась. Он ни за что не поверит, что ее там нет, пока снова не посмотрит в зеркало. Связанные руки замедляли движение.

С дикими глазами и стиснутыми зубами Фенрис бросился к нему сбоку, намереваясь отрезать путь к дорожке. Толстая девчонка и

дефективный подросток, загримированные то ли под трупы, то ли под демонов, неслись за ним по пятам.

Люк дернул хомут на запястьях. Ком бессильной ярости подступил к горлу. Даже в своих тяжелых ботинках Фенрис был достаточно быстрым. Придется с ним столкнуться.

Люк остановился, обернулся. Может, ударить его с ноги? Приближающаяся справа девчонка отвлекла его. Раздувающиеся щеки, вздымающаяся грудь, маленькие руки, сжатые в кулачки, широко раскрытые глаза. Пронзительный крик вырвался из ее маленького рта.

Фенрис вдруг резко остановился. Ухмыльнулся. Заплясал на месте. Закричал что-то нечленораздельное, пронзительное, торжествующее.

Возникла заминка. Люк повернулся к девчонке. Она почти настигла его. И тут он изо всех сил ударил ее ногой в живот.

Столкновение с движущейся фигурой сбilo его с ног, и он полетел на землю. На лице девчонки возникло выражение удивления и страха перед болью, она отшатнулась. Травянистый дерн словно подскочил вверх и ударил Люка в спину.

Фенрис рассмеялся. Хлопнул руками по ляжкам.

Согнувшись пополам, девчонка беззвучно ловила ртом воздух.

Люк быстро сел, перенес вес на одну ягодицу. Согнул левую ногу в колене, чтобы подтолкнуть себя вверх.

И тут носок фенрисовского ботинка ударил ему в висок. В черепе будто хрустнул лед. Заклепки рассекли скулу. Перед глазами вспыхнули красные огни.

Когда зрение стабилизировалось, он увидел перед собой мертвое серое небо. Он не мог закрыть рот или сжать челюсть. В ухе свистело, щека горела от боли.

Он снова попытался встать, но ему удалось лишь сесть, прежде чем пухлые пальцы девчонки вцепились ему в волосы. Она словно потеряла рассудок – Люк видел это по ее глазам. Из ее рта вырвалось какое-то агрессивное, похожее на рыдание причитание.

Засохшая рана на голове разошлась со звуком сдираемой клейкой ленты, макушку обдало жаром. Люк весь побелел от боли. Его словно окунули в холодную воду. Сознание померкло.

Девчонка снова толкнула его на землю, прижав спиной к холодной траве. Он очнулся, и тут же почувствовал, что его вот-вот стошнит. Он не мог дышать. Он вскинул вверх руки, сцепив пальцы, как в молитве.

Его костяшки вошли под ее маленький плоский подбородок. Она издала звук, похожий на свист воздуха, резко выпущенного из подушки безопасности, потом захлопнула рот.

Гофрированная подошва фенрисовского ботинка отпечаталась на лице Люка.

Хрустнул хрящ. Пронзительная боль в носу лишила остатков сил. Лицо было смято, изуродовано резиновой подошвой.

Люк знал, что битва закончена. Проиграна. Он выдохся.

Суртр заслонила собой свет. Уткнувшись Люку в плечи тяжелыми, круглыми коленями, села ему на лицо. Сквозь горячку боли он уловил ее запах. От нее пахло йогуртом, сквашенными сливками и чем-то жирным. Он чувствовал запах ее промежности своим расплюснутым носом.

Схватив Люка за волосы, девчонка с хрустом рванула его голову вверх, а потом ударила о землю. Снова подняла, и снова ударила.

Потом ее тело внезапно исчезло с него. Люк перекатился на бок и тут же подавился ржавым потоком крови из горла. Сплюнул кровавую слюну. Ее вид напугал его. Пытаясь собрать мысли воедино, он представил себе свое обезображенное лицо, раскроенный череп, обнажившийся, трепещущий мозг. Потрогал кончиками пальцев свое мокрое лицо. Кожа была жесткой. Яйцевидный ком, твердый как кость, уже вырос на виске, на месте удара. Легкое прикосновение к нему вызвало тошноту, поэтому он убрал руку.

Локи крепко держал подругу. Говорил что-то быстро и настойчиво в ее покрытое спутанными черными волосами лицо. Она по-прежнему косилась на Люка, словно ребенок, чья игра была прервана строгим родителем.

За плечом у Локи виднелось темное дерево приклада и тускло поблескивал ствол охотничьего ружья. Если бы эта дьявольская свора не уложила его, Локи его бы пристрелил. Ему не уйти отсюда. Люк лег и закрыл глаза на серый мир, не испытывающий к нему никакого сочувствия.

– Люк. Мне пришлось очень постараться, чтобы ты остался в живых. – Яркие голубые глаза Локи буквально светились весельем в луче пыльного света, падавшего сквозь маленькое окошко. Локи был в

игривом, хорошем настроении. Ухмыляясь, он отбросил гриву черных волос за плечо. Он уже не казался таким суровым и чрезмерно серьезным. Как будто появление выпотрошенного друга Люка сняло висевшее в воздухе напряжение. И он был пьян. Ружье прислонил к стене, рядом с закрытой дверью.

До прихода Локи Люк пролежал неподвижно несколько часов. Он не мог дышать носом, тот будто раза в четыре увеличился в размерах. Голова была расколота, как перезревший орех. Глаза заплыли, один из-за опухоли почти не видел. Он был буквально весь покрыт твердыми зудящими шишками от укусов жучков, которыми кишела его жуткая кровать. Лодыжки и предплечья были в порезах и царапинах. Он не мылся уже неделю. От него дурно пахло. Его мучила жажда. И голод. Он был сломлен. Понимал, что его уже мало что волнует.

Он ненавидел себя за то, что обрадовался хорошему настроению гиганта. За то, что испытывал к Локи какое-то чувство благодарности. С тех пор, как его вытащили из леса, Локи дважды спас его от той парочки.

Для чего он спас меня?

Люк устал от ощущения беспомощности. Устал от тошноты, этой комнаты, вонючей кровати, которая не высыхала и смердела теперь уже его собственной мочой. Он был измучен страхом, болью и отчаянием еще до того, как эта троица нашла его. Теперь хрупкая надежда, поддерживавшая его с момента пробуждения в этой комнате, умирала. Надежда, что молодые люди проявят к грязному, израненному человеку из леса гуманность. И отпустят его с миром. Другая, не менее жалкая и инфантильная надежда на помощь извне тоже умирала. Надежда утомляла больше, чем все остальное. Наряду с ужасной головной болью и постоянной потерей сознания, когда он метался между мирами, эта надежда была еще более болезненной и невыносимой, чем садизм юной шпаны.

Люку казалось, что он находится на грани.

Поэтому в какой-то момент ему стало все равно. И прежде чем он начал задумываться, чего ему будет не хватать в жизни и кому будет не хватать его самого, он довольно спокойно решил, что хочет со всем покончить. И как можно быстрее. Возможно, он даже ускорит конец.

Люк улыбнулся разбитыми губами.

– Твои татуировки – сплошное гребаное противоречие, Локи. – Его голос был глухой и какой-то чужой. Из разбитого носа в горло натекла кровь, и он выкашлял ее себе на грудь. Сел. Отплевался. Посмотрел на Локи и внезапно почувствовал к нему такую сильную и отчаянную ненависть, что когда она утихла, его разум прояснился.

Широкая ухмылка замерла на лице гиганта. Белое лицо болезненно застыло в притворном удивлении.

Люк продолжил:

– Ты презираешь христианство. Я прав? Твоя компания поджигает старые деревянные церкви. Потому что вы ненавидите Бога. У тебя на груди пентаграмма, еще одна на плече и перевернутый крест на животе. Кому-то еще нужны доказательства, что ты – лишь сраный дьяволопоклонник?

Локи рассмеялся, хлопнул себя по бедрам, потом отхлебнул из рога.

Люк не собирался молчать.

– Все это значит, что когда-то ты верил в дьявола. В Сатану, Локи. Но еще у тебя есть языческие татуировки. Руны и подобная хрень. Старые норвежские руны на костяшках пальцев, Локи. Я вижу еще

молот Тора. Это дохристианский символ, из другого вероисповедания. Поэтому, я полагаю, вы с Фенрисом сейчас интересуетесь Одним. Да? А значит, вы больше не верите ни в христианского Бога, ни в дьявола. Поэтому разрушать те церкви было пустой тратой времени. Места, воздвигнутые силой веры многие века назад. Сомневаюсь, что ты меня понимаешь, Локи. Я видел их в Норвегии с моим другом Хатчем. Его убил зверь, которому вы поклоняетесь. Те церкви прекрасны. Это символы религии, более прочной, чем ваши увлечения и мода, дружище. Потому что сейчас вы увлекаетесь чем-то другим. Но то были места, дававшие простым людям утешение. Это культура вашей страны, ваша собственная история. Извини, что говорю, как твоя гребаная мама, Локи, но ты вандал. И мудака.

– Люк, послушай...

– Так во что же ты веришь? Какова твоя истинная позиция? Зачем я здесь? Я уже перестал понимать тебя. Мне больше не интересно выяснять, что движет дебилами вроде тебя. Не думаю, что у тебя есть какая-то позиция, Локи. Ни у кого из вас. Вы просто кучка запутавшихся мелких засранцев. Вы такие ущербные, что даже друг друга не понимаете. Поэтому давай, сделай это. Кончай со мной, ты, долговязый мудака.

Локи задрал к потолку свое крупное лицо и улыбнулся. Кивнул.

– Мы говорим с тобой о мироощущении, Люк. Тебя ждут здесь неприятности. Но, знаешь, мне нравится твой стиль. Если честно, ты сильно э... заблуждаешься насчет моих верований. Это нормально. Видимо, ты – такая же слепая овца, как и остальные. Поэтому я делаю тебе скидку. Сейчас ты спишь. Но, думаю, скоро проснешься.

Локи оперся спиной о крашеную стену. На его лице расплылась мечтательная улыбка, абсолютно не гармонизировавшая с нарисованной гримасой. Потом он вздохнул.

– Понимаешь, Люк, я скучаю по борьбе с церковью. С христианами. По крайней мере, у истинных христиан хватит мужества судить меня. Либо ты с нами, либо обречен. Мы научились этому у них. Это правда. Быть абсолютистами. Это чистый фашизм. Мне нравится их стиль. – Он поднял свои гигантские руки и покачал головой, будто на него снизошло внезапное откровение. – И кое в чем ты прав. Насчет того, что мы жгли старые церкви. Я стараюсь ни о чем не жалеть, Люк, но это исключение. Я должен был сжечь все это новое

американское дерьмо. Сайентологию, например. Это куда худшее промывание мозгов для самых неискушенных людей. Но есть места, где живет истинная и более древняя религия, Люк. Например, здесь.

Локи медленно опустился на пол. Грустно улыбнулся.

– Я знал об этом всю жизнь, понимаешь? Я родился здесь. Чуть южнее, в Норвегии. Но недалеко. Здесь моя настоящая родина. И я вернулся сюда из внешнего мира. Убежал, понимаешь? Пришел сюда, где нет гребаных христиан, нет правил, нет социал-демократов, нет ублюдочных гуманистов. – Он сплюнул, потом отхлебнул из рога. Несмотря на сложный букет запахов, стоявших в комнате, и состояние носа Люк, даже лежа в кровати, уловил неприятный дрожжевой смрад изо рта Локи.

– Мы проснулись, Люк. И мы хотим, чтобы наши братья-викинги тоже проснулись, понимаешь? Мы покажем, как это сделать. Здесь. С помощью нашей музыки. Это будет нечто особенное, Люк. Мы очень интенсивно работаем кое над чем, мой друг. Мы пробудим голос старых богов. «Восстань. Восстань!» – скажет он.

Он указал рогом на Люка.

– Настоящая магия, понимаешь? Вот почему я пришел сюда. Решил показать другим, что такое настоящая магия. Я взял с собой лишь сильнейших, понимаешь? Тех, кто хорошо себя зарекомендовал. Они доказали, что достаточно злы. И... бескомпромиссны. Мне нравится это слово. Они доказали, что могут убивать и жечь. Те, кто создан из крови и почвы.

Локи вдруг рассмеялся.

– Может, хватит, а? Фенрис? Думаешь, он не очень толковый? Он уже убивал животных, когда я познакомился с ним в Осло, понимаешь? В его городе не осталось домашних животных. Я сказал: «Оскверни ту могилу, мой друг». И он сделал это. С легкостью. Церкви? – Локи издал звук, будто что-то взорвалось, и изобразил своими огромными руками в воздухе огонь. – «Убей священника», – однажды сказал я, когда мы напились. – Локи кивнул, ухмыляясь, словно рассказывал про нечто обыденное. – И, конечно, он это сделал.

Он вытянул лицо и принял властную позу.

– Чтобы стать викингом, ты должен научиться быть истинно злым, Люк. Должен суметь проявить себя в кровавом безумии. Знаешь, тебе

крупно повезло. Потому что ты первый, кто узнал о нас и о том, кто все еще жив. Понимаешь? Можешь не отвечать. Только представь себе.

– Мы убили девять человек. В том числе двух священников. – Локи ухмыльнулся, снова отхлебнул из рога. – Неплохо, да? Мы – худшие массовые убийцы в истории Норвегии, и никто об этом еще не знает. Это лучшая часть. Никто не верит, что такое может случиться в Норвегии, но мы проснулись одними из первых, понимаешь? Варг и Бард Фауст, это были блэк-металлические убийцы. Революционеры. Они проложили и осветили нам путь. Но мы пойдем гораздо дальше.

– И Один придет, мой друг. Можешь в этом не сомневаться. Будет убийство. Будет кровавая жертва. Мы отомстим. Ты увидишь. Вот увидишь. – Он сделал новый глоток.

В какой-то момент во время исповеди Локи Люк потерял внезапное жгучее желание спровоцировать этого человека. Он не знал, что думать об этой молодежи, и принимать ли все за чистую монету, но он сомневался, что Локи лжет насчет того, что его группа натворила до появления здесь.

Люк рассмеялся. Он должен был что-то делать, а смех помог справиться со страхом. Страх не помогал ему. Давно не помогал. Сейчас не время для страха. Страх бесполезен – лишь повторяющийся инстинкт самосохранения, когда выживать нет никакой возможности. Пора попробовать что-то совершенно другое.

Локи сердито посмотрел на него. Это была не та реакция, которую он ожидал или хотел видеть. Люк заметил это. Как все психически неуравновешенные подростки, они желали вызывать страх и почитание.

– Что случилось, Локи? Что случилось с тем милым блондинчиком, которым ты был раньше? Бьюсь об заклад, у тебя есть узорчатый джемперок. С северными оленями спереди.

– Не очень веселись, Люк. Ты ходишь по грани, дружок.

– Ты был здоровым образованным ребенком из семьи среднего класса, Локи. Ваша страна является предметом зависти всего мира. Из-за качества жизни. Какое твое оправдание? Ты – избалованный, изнывающий от скуки злой тип. И ты зашел слишком далеко. Посмотри на себя. Поджигатель. Вандал. Похититель. Убийца. И хрен знает кто еще.

– Люк. Люк. Люк. Все-таки ты овца. Ты спишь.

– А твоя подружка уже во что-то вляпалась до того, как ты познакомился с ней. Ей необходимо лечение, Локи. Она потеряла контроль над собой, дружище. Я думал, что поцапался с капризными идиотами, но та жирная сука из другой лиги. Фенрис, похоже, тоже был не в своем уме, когда ты с ним познакомился. Да, я так думаю. Эта парочка неудачников приняла тебя за мессию. Вряд ли вы тянете на революционеров. Какая грустная и бессмысленная, в конечном счете, история.

Локи разочарованно покачал головой.

– Люк, ты разговариваешь во сне.

– Потому что я не вижу всей картины, Локи. Потому что ты и та парочка выбрали садизм и безжалостные убийства невинных людей. Я являюсь спящей овцой лишь потому, что не вижу смысла в ваших преступных деяниях. Не понимаю их значения. И не пойму никогда, Локи. Когда ты наконец убьешь меня, я... Я буду мертв, а ты будешь убийцей. Вот, пожалуй, и все. В этом нет никакого смысла. Нет ничего магического или особенного. Это просто отвратительно, неправильно, мерзко и совершенно бесполезно, как ты и те мудаки, которые ходят за тобой следом с накрашенными будто у привидений лицами.

– Именно! Теперь ты попал не в бровь, а в глаз, – Локи ухмыльнулся, потом встал и подошел к кровати. Люк вздрогнул и тут же возненавидел себя за это.

Локи наклонил рог и вылил большую дозу зловонной жидкости Люку в рот. Тот почувствовал вкус апельсинового сока и чего-то вроде уайт-спирита или этанола, и закашлялся.

Локи вернулся на пыльный пол.

– Ну как, хорошо? Думаю, да. Теперь ты понимаешь, что все это – часть единого целого. Неважно, ненавидим мы христиан, иммигрантов или педиков. Это показывает, что мы серьезны. Но ты должен заглянуть глубже, мой друг. Вотан пробудился в нас. И мы ответили на его зов. Но вначале мы были как... э-э... да, как дети, которые хотели сделать что-то, но не знали как, поэтому делали что-то другое. Да?

– Нет.

Локи в отчаянии поднял руки, тщетно пытаясь подобрать нужные слова.

– Дьявол – это хорошее начало, Люк. У него учишься быть по-настоящему злым. Посылать на хер мораль. Я – зло. Я – сатанист. Я

оскверняю. Я жгу. Я убиваю. Этим отделяешь себя от остальных, от овец. Потом мы поняли, что нами движет Один. Великий Вотан. Кровь предков кипит в нас. Мы думали, это дьявол, но это не так. Один хотел, чтобы мы уничтожили гребаную еврейскую религию и все христианское дерьмо, которое чуждо этим местам. Что Ближний Восток сделал с Норвегией? Или Европой? Поэтому на хер его. На хер мусульман, на хер христиан. Мечети мы тоже должны были сжечь. И так будет, я обещаю. Мы – викинги! Нас обманом погрузили в сон в земле наших предков. Но теперь мы просыпаемся. Мы отправляемся вслед за Одним на дикую охоту. Мы жжем и убиваем, чтобы проснуться. Чтобы проснуться, понимаешь? Это открывает... э-э... дверь. Проход для кое-чего старого, давно погребенного. Мы установим новый порядок. Подадим сигнал другим, таким же, как мы. Понимаешь? Рагнарок настанет, Люк. Скоро. Поэтому мы должны начать осквернение мира.

– У тебя голова забита дерьмом, Локи.

Какое-то время Локи молчал, только смотрел в окно. Когда он снова заговорил, пьяный фанатик в нем отступил на второй план. Более склонный к размышлению Локи вернулся.

– Меня тянуло сюда, Люк. Как и всех вас. По особой причине. Ты не можешь это отрицать. Это судьба.

– Мы были в отпуске, Локи. Это не имеет ничего общего с Вотаном или Одним.

– Нет, ты неправ. – Он повернулся к Люку лицом. – Вас потянуло в лес в то же самое время, что и нас. Вы пришли сюда, на эту страшную скачку, сами того не зная. Но мы все здесь ради дикой охоты. Истинной охоты. Самой древней из всех. Ей нужны свидетели. И жертва, Люк. Поэтому она притягивает. Как уже было когда-то. Из всех тропинок вы выбрали именно эту. Вы совершили большую ошибку, мой друг.

– Однажды христиане положили конец здешним жертвоприношениям и обрядам. Это было очень давно. Но дикая охота никогда не прекращалась. То, что когда-то было утрачено, должно вернуться, понимаешь? Раньше охота случалась на Рождество, но в этом году пришла раньше. Думаю, это очень плохо для тебя и твоих друзей.

Локи хлопнул себя по груди.

– Мы пришли в то место, где когда-то велась дикая охота. Творилась настоящая магия, понимаешь? Я с детства слышал эти истории. Здесь поклонялись тому, что было в этих лесах до Христа. – Он снова повернулся и посмотрел на Люка. – Нам некуда больше идти. Мы сожгли все мосты, Люк. Нас ищут очень сердитые люди. Но это судьба. Судьба ведет нас домой. Судьба не оставила нам выбора, кроме как прийти сюда. И это правда.

Люк фыркнул, потом поморщился от боли в голове. Вытер с опухших глаз слезы.

– Это не судьба. Вы находитесь в бегах. И вас поймают. В конце концов. Моих друзей убило... нечто сверхъестественное. Допустим. Но это не бог.

Локи указал пальцем на пол.

– Ты ошибаешься, мой друг. Она знает. И она рассказала нам, что в этом году древняя охота началась раньше. Поэтому мы пришли сюда. Она показала нам нечто такое старое, что ты не поверишь. Бог вернулся. Тогда мы и нашли тебя. Здесь больше некому приносить жертву, Люк. Поэтому Бог сам забирает то, что ему необходимо, понимаешь? Просто забирает. Твоих друзей, например. Вы рано начали охоту. Но обряды должны соблюдаться, как и прежде. Она рассказала нам. Нужно кое-что дать, Люк. Снова. Дать истинному Богу Севера. Так было раньше. И так будет снова, поэтому мы здесь. Понимаешь? Она слишком стара, мой друг. Поэтому мы здесь. Чтобы дать. Как когда-то давали другие. Стать частью великой Истины. Древней Истины. Дать и приблизиться к Богу. Единственному, достойному нашей преданности. Это... э-э... такой жест. Как в Рождество важно что-то давать. – Локи рассмеялся над собственной шуткой. Люк промолчал.

– И ты будешь отдан. Может, даже сегодня вечером. Во всяком случае, мы на это надеемся. Мы стали гораздо ближе. Теперь у нас есть контакт. И ты неправ, потому что наш Бог знает, что мы здесь. Чтобы делать то, что уже делалось прежде. Никто, кроме нас, не сделает это. Мы бескомпромиссны как никто. И никто больше не придет сюда, чтобы позаботиться о Боге. Это судьба, Люк. И то, что нам нужно дать, тоже пришло. Ты. И ты, и мы пришли одновременно. Это знак.

Локи поднял руки, словно пытаясь охватить комнату, дом и лес за окном.

– Здесь жили первые поселенцы. Первые люди. А до них здесь обитали другие существа. Поселенцы платили изначальным жителям дань, чтобы остаться, охотиться, торговать шкурами, жить в лесу. Это было очень давно. Они давали Богу пищу и питье, процветали. Давали ему животных на заклание, лес рос и защищал их. Это был путь Древних. Их загнали в эти места, Люк. Загнали в углы. Христиане, иммигранты и социал-демократы. – Локи покачал головой в горьком отчаянии, потом посмотрел вверх. – Здесь его называли разными именами. В моей семье, когда я был ребенком, Черным Рождественским Козлом. Не такое хорошее имя, как я думаю. Но в этих лесах есть Бог. Самый настоящий. Можешь быть в этом уверен. Христиане называют его демоном. Но это – Бог. Просто не их Бог. – Он пожал плечами. – Это место священо. Здесь есть воскрешение. Мы пришли сделать из этого музыку. Принести жертву и получить благословение. Нести Его весть. Быть рядом с Богом, как когда-то наши предки. Ты – избранный, мой друг. Вот увидишь.

– Я уже видел.

Локи кивнул головой.

– Я завидую тебе, мой друг. И мы тоже увидим, когда он придет принять тебя. Скоро. Теперь у нас есть ты, Люк. У нас есть, что Ему дать. Понимаешь? Так должно быть. Так было раньше. Так хочет Один. И он придет к нам. Она обещала, Люк. Она для этого сохранила тебя. Это единственная причина, почему ты живешь чуть дольше. Поэтому ты будешь нашей данью. Нашей десятиной, Люк. Нашим введением в древние обычаи. Ты – доказательство нашей преданности.

– Это не Бог, Локи. Ты неправ. Христиане, возможно, были ближе к истине. Все, что вы сделали, напрасно. Тщетно. Бессмысленно. Я видел храм. Он лежит в руинах, дружище. Старые камни? Они заросли травой. За кладбищем никто не ухаживает. Все забыто, Локи. Все кончено. Вымерло. Осталась лишь старуха. И она долго не протянет, дружище. И вам, дуракам, скоро надоест торчать здесь. Поэтому все кончено. Нет больше поклонения старому, дикому, бешеному зверю, или кто он там. Нет больше жертв. Нет убийств. Существо, которое вы называете Богом, не имеет будущего.

Локи выпучил глаза. Теперь они были слишком большими даже для его широкого лица. Губы задрожали от нахлынувших пьяных эмоций. Неверие Люка возмутило его до глубины души.

– А вы окажетесь в тюрьме, дружище, – продолжал Люк. – По крайней мере, вы прославитесь. Ваша погоня за вниманием принесет свои плоды. Хочу только, чтобы у вас в стране действовала смертная казнь. Очень хочу. Потому что вы трое и та злобная тварь в лесу... вы все должны быть наказаны. Вы этого заслуживаете.

– Ты ошибаешься, Люк из Лондона. Я покажу тебе. Я докажу. И ты поймешь, почему должен здесь умереть.

58

Они снова шли за ним. Все вместе.

За стеной слышались болтовня Фенриса, шарканье по пыльному полу босых ступней Суртра, буханье огромных ботинок Локи и громкий стук крошечных ног старухи, возглавлявшей шествие по темному дому.

Кроме утренней прокламации у дома Люк не слышал от старухи ни слова. Но сейчас она была чем-то расстроена. Несмотря на свою немногословность, она довольно рьяно отстаивала в споре свое мнение, прежде чем повести наверх шумную компанию его хозяев.

Она журила молодежь. Ее странный певучий голос возносился к темным стропилам. Люк подозревал, а скорее горячо надеялся, что она просит их не делать чего-то. Например, не убивать его в этом доме, как он уже догадался, ее доме. Но потом, вспомнив маленькое непроницаемое личико, усомнился, что его жизнь имеет для этой мелкой твари хоть какое-то значение. Видимо, она спорит с Локи о чем-то другом. И это очень тревожило Люка.

Ее связь с молодежью вызывала любопытство. Она не была им ни родственницей, ни другом. Но их союзником тоже. Во время услышанного спора он начал интуитивно понимать или даже надеяться, – хотя надежде доверяться опасно, – что старуха выступает в роли вынужденного хозяина или пошедшего на компромисс сообщника. И, похоже, она была решительно против того, чтобы Люк видел то, что Локи хочет ему показать.

После утренней попытки побега, во избежание дальнейшего сопротивления, его запястья и лодыжки были связаны нейлоновыми

хомутами. У него отняли последнюю привилегию на самостоятельное передвижение.

Дверь в комнату открылась.

Стараясь сохранять бесстрастное лицо, Люк следил за глазами старухи. Она тоже смотрела на него. Ее маленький рот был угрюмо сжат.

На поясах у Локи и Фенриса висели зачехленные ножи, но ружья с ними не было. Чтобы он мог идти, Фенрис разрезал пластмассовый шнурок на лодыжках.

Люка подняли с кровати за связанные запястья, выволокли из комнаты и потащили по коридору направо, куда-то наверх, во тьму дома, а не вниз, на улицу.

В конце тесного прохода стояла, загородив собой подножие лестницы, старуха. Лестница была такой маленькой и узкой, что Люку показалось, будто она построена для детей. В янтарном свете лампы, которую нес Локи, ее глубоко посаженные глаза блестели черной злобой и страхом. Как у матери, боящейся за свое потомство.

Потом старушка резко развернулась и, громко стуча ногами, поспешила вперед, словно ей захотелось первой подняться по лестнице. Поняв, что болтливую и дерзкую молодежь не остановить, она двигалась на удивление быстро. Глядя на ее маленькое, заканчивающееся лохматой белой головой тельце, поспешно шевелящее скрытыми под длинным старым платьем конечностями, Люк с содроганием отметил ее сходство с жуткой, внезапно ожившей куклой.

Подталкиваемый сзади Фенрисом, Люк почувствовал запах древности. Он протискивался вслед за неуклюжим Локи по узкой темной лестнице, словно в чью-то жаркую, нечистую пасть. Чердак имел собственный дух. Холодный, пахнувший пылью воздух, собирающийся под покоробленными балками, спускался вниз, смешиваясь с густым смрадом мертвой плоти. Люк узнал этот запах. Так пахли давно высохшие тушки птиц и грызунов, чьи останки превратились в окаменелый налет. Такой же запах был, когда он обнаружил залежи дохлых крыс на чердаке своей съемной квартиры в Западном Хэмпстеде.

Его подтолкнули ближе к верху лестницы, и у него екнуло сердце. Глаза жгло от неспособности мигать. Что-то жило там – он слышал

ночью. Сам факт того, что оно живет среди этого ужасного смрада, напрочь отбил у Люка желание его увидеть.

Локи со своим ростом еле протискивался между древними балками, досками и стеной, покрытой сухой, покоробившейся штукатуркой. Янтарный свет от покачивающегося у Локи в руке масляного фонаря падал ему под ноги, и Люк иногда видел маленькие, сильно потертые ступени.

Девчонка осталась внизу. На ее пухлом лице застыло выражение тревоги или даже испуга. Бледно-голубые глаза выпучены в благоговейном страхе перед тем местом, куда толкали Люка ее компаньоны. Наверху было нечто, что она видела раньше, но не хотела видеть снова.

Люк продолжал подниматься вверх, упираясь и спотыкаясь. К порогу черного пространства, куда его толкали и тянули Фенрис с Локи.

За пределами ореола от фонаря царила тьма. Гигант вдруг прикрыл огромной рукой стеклянный абажур и убавил в нем огонь, словно стараясь защитить чьи-то чувствительные глаза.

Лишь тонкая полоска тусклого дневного света проникала сквозь дырку в низкой черепичной крыше. Это была верхняя точка дома. Кульминация всех его ужасов и тайн. Стены, лестницы и балки не только поддерживали старое строение, но и скрывали то, что жило в нем. Изолировали и оберегали его самого и его долговременное предназначение. Люк буквально чувствовал предстоящее откровение, которого предпочел бы избежать. Он не мог даже глотать от страха. Тщетно пытался не думать о том, что еще можно найти в этих старых местах, среди древнейших лесов Европы.

Очутившись внутри чердачного пространства, Локи и Фенрис впали в безмолвное благоговение.

Чья-то вонючая ладонь скользнула по лицу и прикрыла Люку рот, чтобы тот тоже соблюдал почтительную тишину. Это был Фенрис. Тощая грязная рука плотно зажала ему губы. Костлявое плечо и грудь уперлись в спину, толкая дальше во тьму. Люк посмотрел себе под ноги.

Откуда-то слева лился янтарный свет. Старый масляный фонарь был поставлен на пол. Локи сгорбился рядом, прислонившись плечом к покатой крыше. Он взглянул мельком в дикие глаза Люка, затем

повернул голову и поднял фонарь, направив тусклый свет так, чтобы тот увидел. Увидел все.

Грязный свет залил пространство, и Люку захотелось закрыть глаза и больше их не открывать. Фонарь высветил длинную прямоугольную мансарду со скошенными стенами, проходившую вдоль всего верхнего этажа. Из-под центральной балки под откос спускался низкий потолок, под которым Люк едва мог стоять в полный рост. Дальний край чердачного пространства оставался в тени. Но слева и справа от себя Люк видел отлично.

Та жуткая лесная церковь не годилась для них. По какой-то причине эти мертвецы были принесены в дом и хранились здесь.

Маленькие, тощие тела стояли или сидели вдоль стен, скрестив поблескивающие костлявыми коленями ноги и склонив безволосые головы. Раскрытые рты придавали пергаментным лицам рассеянное, сонное выражение.

Это были маленькие люди. Их одежды либо почернели и прилипли к тощим остовам, либо полностью выцвели и висели пыльными балахонами на хрупких тельцах.

Некоторые фигуры были связаны по рукам лохмотьями. Чуть дальше стояли грубые деревянные ящики, набитые пыльными костями и луковицеобразными черепами. От других обитателей усыпальницы остались лишь пирамиды из костей, пыли и мусора. В маленьких ящиках ютились другие тела. Их останки хорошо сохранились. Кожа была темная и жесткая. Безволосые головы упирались в резные стенки древних гробов. Еще одна пятнистая фигура была посажена во что-то вроде березовой кадки, из которой она ухмылялась, глядя в вечность.

Фенрис настойчиво подтолкнул Люка вперед, и тот увидел еще с десяток вертикально установленных желтоватых фигур. Казалось, их безгубые рты вот-вот заговорят. В темноте Люку показалось, будто их незрячие бумажные глаза чуть повернулись на свет. Проглядывающая из-под затвердевшей темной ткани плоть еще не окаменела. Блеск кожи выдавал ее эластичность, но Люк не хотел этого замечать.

В конце чердака он увидел старуху. Ее лицо было непроницаемо. Она стояла, полускрытая тенью, рядом с двумя маленькими, съежившимися фигурками, облаченными в подобие пыльных черных риз или халатов. Они сидели на маленьких деревянных стульях.

Древних стульях. Детских стульях. Бок о бок, как маленькие король и королева, запертые в возведенной в их честь гробнице.

Люк вспомнил фрагменты недавнего сна. Вспомнил звуки, исходившие к нему ночью сквозь потолок. Его рассудок помутился еще сильнее. Мысли в панике заметались.

А потом послышался шепот. Позади, за спиной. Вокруг него. Он то возвышался, то затихал. Был не громче, чем царапанье крысиных когтей по полу. Но самое невероятное, что этот еле слышный хор доносился из высохших ртов.

– Det som en gang givits ar forsvunnet, det kommer att atertas, – послышался из угла голос Локи.

– Det som en gang givits ar forsvunnet, det kommer att atertas, – повторил Фенрис ему в ухо.

Не веря своим глазам, Люк заметил на маленьких стульях движение.

Он взгляделся в сумрак чердака. Движение повторилось. Одна сухая голова шевельнулась. Острый подбородок приподнялся. Раздался шорох старой бумаги. Вздох.

Фенрис подтолкнул его ближе. Люк качнулся вперед, не чувствуя ног.

Рваные силуэты костлявых предков наблюдали за ним со всех сторон. Словно листья, потревоженные слабым сквозняком, они зашевелились вокруг. Чтобы не закричать, Люк попытался объяснить себе, что это жуткое оживление вызвано мерцанием света от покачивающегося фонаря. Но не смел повернуть голову, чтобы убедить себя, что это едва уловимое движение высохших, мумифицированных тел было лишь игрой света или воздуха, пробивающегося сквозь старые балки крыши. Вскоре догадки исчезли, потому что внезапно его внимание приковали сидящие на маленьких тронах фигуры.

Маленький рот открылся, обнажив беззубые, тонкие как хрящи, десны. Дрогнув, разжались в глубоких глазницах веки. В свете фонаря слабо блеснули черные глаза.

Рука второй фигуры соскользнула с подлокотника на высохшие колени. Пальцы щелкнули, будто сжав игральные кости. Голова резко упала, затем поднялась, словно фигура с трудом пробуждалась от глубокого сна. Одна из тонких костлявых ножек шевельнулась. Она

была обута в остроносый башмак из сморщенной, почерневшей от времени кожи.

Они были живые.

– Это Древние, – пробормотал Локи.

На мгновение мысли Люка прояснились. Собственные мертвецы и умирающие представляли для них большую ценность. Жизнь незнакомцев, однако, не имела никакого смысла. На них охотились, убивали как оленей в лесу, потом бросали в заваленный мусором склеп заброшенной церкви, в то время как эти хрупкие останки с почтением хранили здесь.

– Прошлое и настоящее здесь едино, – прошептал Локи.

Фенрис убрал руку со рта Люка. Тот вздрогнул и издал звук, словно ступил в холодную воду. Вдруг он понял, что для этой старой женщины, живущей здесь, в лесу, ничто не было так важно, как близость к своим предкам. Они были здесь всегда. Она жила бок о бок с мертвыми. Поддерживала связь с жуткими вещами из прошлого. Церковь и кладбище были местом жертвоприношения, в то время как древние слуги старой религии почивали здесь. Это было отвратительно.

Люк снова застонал, осознав реальность увиденного. Это был скорее шок, чем страх. Выдохнув из легких воздух, он почувствовал, что жизнь покидает и его.

Реакция Люка не осталась без внимания. Он заметил, как высохший рот прижатой к стене слева от него фигуры приоткрылся, словно в зевке. А потом она и два других, соседних тела осторожно наклонились в его сторону.

Люк опустил глаза, стараясь отогнать беспокойство, но в тусклом коричневатом свете увидел, что ноги выстроившихся вдоль стен фигур заканчиваются копытами. И что их колени вывернуты в другую сторону. Будто вместо ног у них были пришиты конечности животных. Люк вспомнил тонкие передние лапы существа с другого богохульного чердака, и маленькие черные мумифицированные руки, прикрепленные к костлявым запястьям.

Он заскулил. Захныкал.

В спину уперлось плечо Фенриса. Люку казалось, что он балансирует на краю обрыва или стоит перед опасным, загнанным в

угол животным. Упершись пятками в пол, Фенрис снова попытался подтолкнуть Люка ближе.

– Нет, – сказала старуха.

– Нет, нет, – сказал Локи.

Но Фенрис, не слушая их, толкнул Люка так сильно, что тот чуть не упал. Чтобы удержать равновесие, Люк выставил одну ногу вперед. Его лицо оказалось вблизи сидящих на маленьких стульях фигур.

Впереди раздался звук, похожий на вздох. Он вырвался из высохшей груди. С отчетливым скрипом шевельнулась на пятнистом лице нижняя челюсть.

Голова второй фигуры, казалось, дернулась в замешательстве. Потом на обтянутом коричневой кожей черепе открылся глаз. Он был голубоватым в середине, молочно-белым по краям и влажным.

Люк втянул в себя воздух.

Рот фигуры раскрылся. Внутри мелькнуло что-то, похожее на язык, размером с хвост маленькой рыбешки.

Обе фигуры заерзали на стульях. Слабое подрагивание сменилось резкими, беспорядочными движениями. Он услышал скрип старой ткани, щелканье костей в суставах. Фигуры чего-то боялись. Или они двигались так от волнения?

И тут перед двумя сидящими на стульях фигурками возникла старуха. Загородив их собой, она протянула вперед маленькие твердые ручки, оттолкнула Люка и Фенриса назад. Ее черные глаза смотрели через плечо Люка на Фенриса, и в них было столько ненависти, что долго выдерживать этот взгляд было невозможно.

Потом она отвела от живота Люка одну руку, резко сунула ее за грязный фартук и что-то выхватила оттуда. Нечто тонкое и острое поблескивало в ее пятнистом кулачке. Люк посмотрел вниз и увидел в дюйме от своего голого живота почерневшее лезвие старого ножа. Он был узкий, как карандаш, и напоминал музейный экспонат или реликвию с натюрморта голландского мастера. Старуха снова сделала угрожающий жест.

За спиной Люка раздался стук тяжелых ботинок и резкий окрик Локи. Фенрис начал оправдываться перед Локи на норвежском. Потом с руганью накинулся на старуху, которая, в свою очередь, обнажив черные десны и темные зубы, зарычала на Фенриса как маленький медведь.

Внезапно Люка потащили назад к выходу. Он дрыгал ногами, пытаясь удержать равновесие на грязном деревянном полу. Свет фонаря скакал у него за спиной, то и дело выхватывая из тени нижнюю часть древней крыши. Этот маячащий свет создавал впечатление, что тощие фигуры, выстроившиеся вдоль правой стены, все одновременно подались вперед, словно умоляя Люка остаться.

Потом Локи развернул Люка к лестнице, обхватив огромной рукой его затылок, и толкнул вниз. Но Люку не требовалась помощь. Он прыгнул вперед и кубарем скатился к подножию лестницы, приземлившись на колени.

Он что-то бормотал себе под нос, сам того не осознавая.

Перед ним стояла Суртр, с таким же, как у него, испуганным видом.

Он попытался встать, но в панике упал лицом вниз. Ударился лбом, коснулся пола кончиком распухшего носа. Фрагменты сломанной кости сместились в воспаленной ткани. Глаза закатились, и желудок вывернуло наизнанку. На несколько секунд он потерял сознание, ударился губами об пол, потом очнулся и, словно в мольбе, схватился за лицо пальцами связанных, бесполезных рук.

Где-то далеко над ним кричали Локи и Фенрис. И был еще другой звук, который беспокоил его намного сильнее. Низкий гортанный рык, переходящий в блеяние. Непохоже, что его издавал человек. Такой звук не могли издавать человеческие уста. А потом он смешался с потоком слов, в которых чувствовалось столько боли, что говорящий явно был близок к истерике. Наверное, это был голос старухи.

59

– Может, теперь воспримешь нас всерьез, а? – Локи стоял над Люком, сердито покачивая головой.

Люк смотрел из кровати одним здоровым глазом. Во рту чувствовался песок. Это были осколки зубов после удара лицом об пол. Но, как ни странно, зубы не болели.

Фенрису Локи выгнал, чтобы тот успокоился. Когда они спустились с чердака, Локи накричал на Фенрису. Даже влепил ему за дверь пощечину, а потом столкнул с лестницы. Суртр покорно последовала за обиженным Фенрисом на лужайку перед домом. Было слышно, как она читает ему под окном наставления.

Склонившись над кроватью, в которую Люк заполз после падения с чердачной лестницы, Локи связал ему лодыжки новым нейлоновым хомутом. Люк не сопротивлялся. Ему было достаточно кулаков, ботинок, тычков и рывков. Интересно, эти хомуты они нашли здесь или привезли с собой и применяли уже на других людях? От этой мысли он снова ощутил головокружение и нервозность. Ему показалось, что он задыхается.

Жуткая тошнота, появившаяся после травмы головы, слегка отступила. И это единственное, что могло радовать в его подавленном и жалком состоянии.

Локи сел на край кровати. Гигант тяжело дышал. Он говорил с трудом, хриплым голосом, словно у него была астма, как у Фила.

Бедный Фил.

– Теперь ты знаешь, Люк из Лондона. Знаешь, что ты ничтожество. Червь по сравнению с тем, что здесь находится. – Он указал длинным пальцем на потолок. Потом посмотрел на маленькое окно, проверил часы, надетые на руку между двумя шипованными браслетами. Снова посмотрел на Люка. Его льдисто-голубые глаза в черных глазницах горели от возбуждения. – Она умеет вызывать это, понимаешь? Мы знаем, что умеет. А она знает, что мы очень серьезные люди. Она пообещала вызвать это. Для нас. И для тебя, Люк. Поэтому сегодня мы попробуем еще раз.

Локи скорчил демоническую гримасу и высунул темно-красный язык. Ухмыльнулся. – Ты – счастливчик. Сегодня ты встретишь Бога, и узнаешь истинное значение кровавого безумия, Люк. Ты доставил мне кучу неприятностей, но когда это закончится, мы все будем очень счастливы. Примирись со своим мертвым Богом. Может, скоро ты снова увидишь своих друзей, а?

Локи оставил его одного.

Люк еще долго смотрел в пространство, не в силах сфокусировать взгляд на чем-то одном. С чердака то и дело раздавались громкие шаги старухи. После стычки она не спустилась вниз. То место было ей дорого. Но Люк знал, что лучше умереть, чем увидеть его снова.

Через некоторое время послышался ее плач. Сквозь всхлипы она разговаривала на своем старом ритмичном языке с теми, кто окружал ее в пыльном мраке. Люк, сам не зная почему, проникся к ней большой симпатией. Вскоре слезы потекли и по его щекам.

Ветер бился в маленькое окно, облака заслонили слабый солнечный свет. Вокруг потемнело, и в его мыслях тоже сгустились тени. Он оплакивал себя и своих друзей. Поток слез, казалось, лился из самого сердца и впадал в реку вселенской скорби, омывающую весь мир.

В те короткие промежутки времени, когда он приходил в себя в своей смердящей кровати, ему казалось, что некоторые люди живут свободными от трагедий и боли, но эти передышки кратковременны. Во все времена они были лишь аномалиями в бесконечном потоке отчаяния, боли, скорби и ужаса, который рано или поздно уносил с собой каждого.

Впервые после окончания школы Люк стал молиться. Чудовищность увиденного заставила его мыслить другими категориями. То был эпический язык богов и демонов, язык магии и великой непостижимой старины, захлестнувшей это место своими ужасами. Молитва принесла облегчение, а жгучие слезы очистили изуродованное, распухшее лицо. Растопили лед холодного отчаяния.

Под окном из старого плеера гремела музыка, голоса старухи уже не было слышно. Время от времени Фенрис и Локи драли глотки, имитируя блэк-металлический вокал. Они снова пили. Это было понятно по идиотскому шакальему хихиканью, издаваемому Фенрисом время от времени. Их веселье продолжалось, скучное в своей предсказуемости. Зло, как Люк уже понял, было неизбежным, безжалостным и предсказуемым. Образно говоря, оно было бездушным.

Он попытался осторожно промокнуть ноздри тыльной стороной грязной руки. Тщетно. Он даже не мог вытереть себе нос, из которого текли сопли с кровью. Откинув голову на серую подушку, он закрыл единственный здоровый глаз. Другой давно заплыл. Он неподвижно лежал в тишине, на вонючей овчине, и ждал, когда дневной свет исчезнет, а небо потемнеет. Чтобы все наконец кончилось.

В те долгие часы ожидания, находясь наедине со своими мыслями, Люк мучительно проигрывал в памяти свои попытки побега. Когда он ударил Фенриса кувшином, ему нужно было сбить Сурттр с ног, пока она не ударила его по раненой голове. Следовало быть проворнее. Он представил себе, как проделывает все заново, на этот раз более успешно, а потом бежит вниз и находит нож или ружье.

Либо ему нужно было сразу, как только показали труп бедного Дома, бежать в лес. А не к дорожке у сада. О чем он думал? Если бы он убежал в лес, смог бы спрятаться, а потом уползти. Возможность проковырять в стене дыру он тоже упустил. Вместо этого уснул и увидел во сне собственную смерть. Теперь его запястья и лодыжки связаны. Ситуация была похожа на часть какого-то ужасного плана. Словно злой рок привел его сюда, чтобы сделать жертвой. Как и сказал Локи.

– Да пошел ты, – пробормотал он себе под нос.

Но даже если бы ему удалось сбежать, выбраться из этого дома – что тогда?

Он обругал себя. Шмыгнул носом. Поморщился.

Вот так сейчас обстояли дела. Эта мысль тяжелым бременем легла на него, но, смирившись с горькой, неизбежной истиной, Люк испытал облегчение. Наконец можно отбросить в сторону амбиции, намерения и стремления. Это бесполезная трата умственных усилий. Нет больше ни желаний, ни тревог. Скоро все будет кончено.

Он просто застрял на одной из безумных окраин мира и был смыт волной трагических событий. То, что случилось с другими, случилось и с ним, но в более экстремальной форме. В другом мире, где он потерпел неудачу и куда ему уже нет возврата, он разрушался бы постепенно. Здесь же происходило то же самое, только иначе. Жертвой насилия можно стать не только здесь. Везде, где он жил. Эгоцентризм, патологические амбиции, злоба, наслаждение чужой гибелью – все это присутствовало и дома. Это было везде, но здесь проявлялось наиболее ярко. Это у людей в крови. Стихийные бедствия, недалёковидные политики, вышедшие из-под контроля войны, плохая экология, сокращение запасов воды и пищи... а потом снова захрустят раздавленные черепа. Снова и снова. Рагнарок. Хаос, которого хотел Локи. И чем раньше, тем лучше. Он лишь желал скрасить свое унылое, бессмысленное существование.

Если подумать, он тоже всегда поддерживал изгоев. Дружил с неудачниками и аутсайдерами. Он был последним, кого должны прикончить эти парни. Просто лузерам всегда хочется возвыситься над другими. От этой мысли собственная жизнь показалась Люку еще более бессмысленной.

– На хер!

Его собственная слабость, ошибки и недостатки казались жалкими по сравнению с «Блад Френзи». У него даже не получалось быть по-настоящему плохим, а эти парни, по крайней мере, сознательно шли к этому. Люку захотелось смеяться. Он понял, что сходит с ума. Наконец-то. Давно пора. Хуже уже не будет.

Может, его действительно привела сюда какая-то страшная карма. Чтобы он прочувствовал все на собственной шкуре.

Люк ухмыльнулся, обнажив окровавленные зубы.

– Я хотел забыться здесь. Хотя бы ненадолго. Хотел провести пару дней с друзьями. Только и всего! – воскликнул он, обращаясь к Богу, к существам на чердаке, ко всем, кто его слышал. Он просто хотел вырваться из мира, в котором не ужился. Его работа, убогая квартира, постоянные ежедневные разочарования, старение – он погряз в этом, хотел перемены и получил ее.

Люк улыбнулся и захихикал, на губах запузырилась кровь. Внезапно он почувствовал, что сошел с ума. Стал диким и свободным от бремени собственного «я».

За дверью раздался стук тяжелых ботинок Локи. Спасибо, что Локи его еще не убил. У него есть немного времени, чтобы привести голову в порядок. Он снова обратил на себя внимание и взял себя в руки.

Дверь открылась. Вошел Локи. Он был весь в поту. Грим стекал на бороду и капал на футболку «Сатирикон». Руки были красного цвета.

– Локи. У тебя тушь течет, дружище.

За гигантом в комнату проследовала старуха. Она несла поднос. На нем стоял другой деревянный кувшин и деревянная миска с дымящимся содержимым. От запаха мяса и подливки у Люка перехватило дыхание.

Локи ухмыльнулся.

– Скоро из тебя тоже потечет, мой друг. Я с нетерпением жду этого момента. Вот будет шоу! Может, даже снимем на видео.

– Вызови уже свой Рагнарок! Вызови! Вы же это можете, Локи. Только вам не повернуть время вспять. Гребаные дикари. Варвары.

– Спасибо, Люк. Теперь ты начинаешь понимать, как викинги поступают с иноземцами, которые не жалуют Одина.

– Знаешь, я тут подумал, пока лежал. Нехорошо будет, если ваша семейка распадется. Вы же неспроста живете вместе. Тогда не было бы

никаких «Блад Френзи», да? Похоже, тебя с раннего возраста имели в задницу, Локи.

– Мистер психолог, ты несешь полную чушь.

– Ты банален, дружище. Весь ваш Рагнарк – это поймать пару туристов. Или какого-нибудь бедного священника. Ты большой кусок дерьма, Локи.

– Люк, я напоминаю тебе, что ты здесь гость. – Локи помахал пальцем перед лицом у Люка. – Очень скоро я отдам тебя лесному Богу. Ему расскажешь свою теорию. Пока он будет рвать из тебя кишки. А потом забросит на дерево, как животное.

Локи ухмыльнулся.

Люк расхохотался. И смеялся, пока все покалеченное лицо не заболело.

– Говоришь, вы – самая злая группа в мире? Серийные убийцы, вызывающие демона. Очень по рок-н-рольному, Локи. Ничего не скажешь. Но все это – дерьмо. Ты – фантазер. Все это чушь, достойная игры «Подземелья и Драконы», дружище. Ты вторичен.

– А ты ходячий труп, Люк. Или, точнее, лежащий.

Старуха поставила поднос рядом с кроватью. Рот Люка наполнился слюной.

– Тебе пора поесть, Люк. И хватит болтать. – Локи посмотрел на тарелку и поморщил нос. – Я хочу, чтобы тебе было лучше, мой друг. Потому что это твоя последняя трапеза.

– Можешь остановить все прямо сейчас.

– Это невозможно.

– Локи. Дай мне убежать. Дай мне шанс выбраться отсюда.

Он ухмыльнулся.

– Пожалуйста, ешь. Не усложняй все. Я не такой говнюк, как Фенрис, и не стану над тобой... хм... подтрунивать.

– У моих друзей остались семьи. Я хочу снова увидеть свою собаку. Вот и все. Большого не прошу.

Локи улыбнулся.

– Ты ешь. Потом мы тебя подготовим. Сейчас я оставлю тебя одного. – Он направился к двери, потом остановился и обернулся. – Эй, Люк. Если попытаешься выбраться отсюда или выкинешь какую-нибудь глупость, я разрешу Суртр резать тебя, как она хочет. Ей не терпится пустить тебе кровь, Люк. Поэтому мы с ней договорились. Я

сказал ей: «Если Люк снова попробует сбежать, можешь отрезать ему все пальцы на ногах. Можешь уделать его в хлам». И знаешь еще что, Люк? Люк?

– Что?

– Я не шучу.

Локи оставил его наедине со старухой.

60

Старуха занималась приготовлениями. Люк чувствовал нежное прикосновение ее маленьких рук. Наблюдал, как игрушечные пальцы срезают с него грязное нижнее белье, обнажая глубоко въевшуюся в тело грязь. Когда он вздрагивал от близости больших старых ножниц к гениталиям, она успокаивающе ворковала. Подушечки ее пальцев были грубыми и жесткими, как и лицо, но само прикосновение нежным, пока она обмывала ему щеки и распухший нос, гладила покрывшийся кровавой коркой лоб.

Она осторожно и аккуратно кормила его, засовывая старой деревянной ложкой теплую тушенку в распухший рот. Затем, придерживая за затылок, помогла проглотить вареную свеклу. Все порезы на лице и голове смазала какой-то черной мазью, пахнущей мхом и дождем.

Ее маленькие, похожие на обсидиановые камешки глаза смотрели из глубины невероятно морщинистого лица. Казалось, они все время улыбались, пока она обрабатывала его связанное в смердящей кровати тело. А еще в ее глазах было тепло. Подлинное тепло, и он чувствовал это. Хотя с такой же симпатией она могла относиться к любимой курице, барану или поросенку. Он значил для нее не больше домашнего животного. Он был важен и ценен, но лишь для утоления голода другого, более древнего существа.

Она вспоминала старые добрые времена. Обмывала его словно труп. Как когда-то другие старые женщины с нежными руками обмывали и одевали тела ее родных. Она жила бок о бок с мертвыми. Возможно, научилась этому ритуалу у своих, еще живых, но уже обратившихся в прах предков с чердака. А может, ей доводилось готовить и других бедолаг. Прежде чем отдать их тому могущественному, противоестественному существу, правящему в этих черных лесах. Отдать.

У Люка участилось дыхание. Он вспомнил другой чердак и черную морду с влажными бычьими ноздрями. Вспомнил изношенные, но крепкие и длинные как мечи рога. Как давно жило оно в той сырой тьме?

– Боже. Боже мой. Пожалуйста, – выдохнул он и попытался сесть.

Старуха подошла ближе и удержала его, нежно коснувшись лба, словно успокаивая ребенка, которому приснился кошмар.

Проглотив панику, он с радостью встретил ее руки и тихие слова, смысла которых не понимал. Ее тельце под пыльным, черным, натянутым под самое морщинистое горло платьем было очень твердым. Но он доверчиво уткнулся ей в грудь и разрыдался.

Кости людей и зверей, остовы заброшенных домов, забытые места поклонения, все было взаимосвязано. Он пришел сюда теплокровным и полным жизни, а теперь должен стать частью этого мира. И другого места для него не было. Больше не было.

Здесь, среди стоячих камней, чье назначение и посыл были давно утрачены, в самой почве этого мрачного места, нечто преследовало цель, о которой не помнила уже ни одна живая душа. Он чувствовал его, пытался убежать, но оно победило. От одной этой мысли у Люка перехватило дыхание и кровь стыла в жилах.

– О боже. О боже.

Старуха улыбнулась. Казалось, она знала, какое сокрушительное прозрение сейчас он переживает, лежа на жалкой кровати из старых шкур и грязного сена.

Страшная воля этого места требовала возобновления старых обрядов. Первобытные силы все еще существовали. Здесь. Названные древними именами, они вернулись к жизни. Вернулись за ним. Его прежняя жизнь и тот далекий мир, где он жил, здесь ничего не значили. Совсем ничего. Вот такие дела.

Тихий внутренний голос подсказывал, что если он не перестанет думать о своих утратах, будет хуже.

В этой глуши люди пропадали всегда. Умирили в честь того, что давно покоилось здесь, в своем вечном убежище. В начале этого года оно выбралось на поверхность мира. Прервало древнюю спячку ради однообразия кровавых ритуалов. Его разбудили, и оно убило его друзей, наслаждаясь дикой охотой. Но теперь ждало подношения. Связанного, извивающегося тела. Пресытившись дряхлым чердачным обществом, оно хотело, чтобы его помнили и чтили. Как всех Богов.

Люк судорожно глотнул воздух. На теле выступил холодный пот. Он вздрогнул. Старуха, воркуя, крепко обняла его, как ягненка.

– Это секрет, – прошептал он ей.

Она улыбнулась. Он тоже улыбнулся ей, глядя умоляющими глазами. Даже засаленная старая подушка, наброшенная на лицо, была бы милосердием, по сравнению с тем, что скоро придет за ним из доисторических лесов. – Пожалуйста. Останови это.

Старуха продолжала заниматься своими делами. Она служила звеном в длинной цепочке. Всегда была здесь. Являлась посредником этого темного, вечного леса.

– Боже, нет. Боже, нет.

Люк вспомнил про бурые кости в склепе разрушенной церкви. Спасения нет. И сделки не будет. Лежа в своей маленькой кровати, он чуть не задохнулся от ощущения старости этого места, его размера и равнодушия к его жизни. Ему хотелось умереть, вместо того чтобы пытаться его постичь.

– Пожалуйста. Я хочу умереть.

Это место будто имело свою редкую флору и фауну, не поддающуюся изучению, не терпящую вторжения и скармливаемую лишь посвященным.

– Ты им безразлична. Они тебя используют. – Он посмотрел в ее крошечные черные глазки. – Они тебя тоже уничтожат. Понимаешь?

«Блад Френзи» были вандалами. Беспокойными, злыми преступниками. Отщепенцами, желающими плюнуть в лицо Богу, правительству, обществу, порядочности, всему, что претило им или просто надоело. Они были здесь такими же непрошеными гостями, как и он. Старуха не боялась их, просто терпела. Он был уверен в этом. У него появилась безумная надежда, что вместе со старухой они смогут помочь молодежи прийти к естественному саморазрушительному финалу.

– Давай избавимся от них. Ты и я. Клянусь. Обещаю. Я не расскажу ни одной душе о тебе... и твоей семье. – Он посмотрел на нее, потом на потолок.

Она зашикала на него, погладив по липкому лбу.

– Несмотря на невероятную древность существа, обитающего в этой северной глуши, которого видели лишь испуганные глаза немногочисленных жертв, – шептал старухе Люк, – оно не вызовет конец света, как жаждет Локи. И это не тот Бог, которого они хотят увидеть. Его смерть была бы бессмысленной.

Хотя его жизнь тоже не имела никакого смысла. По странному совпадению она закончится в этом ужасном выдуманном мире ущербных подростков.

Он смотрел в потолок и чувствовал, будто отделяется от собственного тела. Несмотря на благоговейный страх и нарастающее постижение таинственного ужаса, обитающего здесь, он догадывался, что и этому миру осталось недолго. Удивительно, что это существо сумело дожить до наших дней. Но его правление кончилось.

Исчезающий вид. Изолированный Бог, забытый и давно сошедший с ума. Изгнанный христианами идол, чей культ гниет сейчас на заброшенных чердаках, в окружении лжепророков и мессий-оборванцев.

Наконец, когда свет за окном померк, волны вызванного страхом безумия утихли и медленно покинули его истерзанный разум. Люк чувствовал чуть ли не умиротворение. Теперь уже скоро.

Старуха поднялась с кровати. Ее маленькие ножки громко застучали по старому полу. Она взяла с приставного столика то, что он сперва принял за полотенце. Но это оказалось платье. Старое белое платье, замысловато расшитое вокруг высокой горловины серебряной нитью, и от талии до подола покрытое какими-то жуткими пятнами. От многократной стирки оно сильно вылиняло. Некоторые пятна так и остались на нем, а ветхая ткань в тех местах была черной и жесткой от давно впитавшейся крови. Старуха с благоговением возложила платье в ноги кровати.

В Мексике для Бога солнца вырывали сердца. В древней Британии слуг ритуально душили и хоронили вместе с хозяевами. Простолюдинов, обвиненных в колдовстве, давили большими камнями и сжигали на кострах. В токийском метро людей травил газом. Под завязку заправленные топливом самолеты с пассажирами врезались в небоскребы. Если бы мы только могли восстать. Все мы, несправедливо погибшие ради безумных Богов. Нас было бы очень много.

Потом старуха с трепетом подняла с прикроватного столика гирлянду сухих цветов, которую он должен был надеть перед смертью.

То, что когда-то отдавалось, должно быть отдано снова. И кое-кто идет, чтобы забрать свое.

Под окном Фенрис и Локи кричали друг на друга. Их голоса звучали напряженно, словно они прилагали физические усилия. А потом снова зазвучала музыка, и Люк больше не слышал голосов.

Старуха подняла с кровати платье и венок из мертвых цветов. Потом наклонилась над Люком и почему-то поднесла к губам кривой, узловатый палец, словно велев молчать, хотя он и так не произнес ни слова.

Когда старуха ушла, забрав поднос, тарелку, кувшин, платье и венок, Люк спустил ноги с кровати. Встал, упершись икрами в каркас. Задумался, сможет ли сохранять равновесие, передвигаясь со связанными лодыжками.

Не получилось. Попытался прыгать, но тут же рухнул на пол, ударившись плечом. Выругался про себя, лежа на деревянном полу, вниз лицом. Подождал, когда пройдет потливость. Ему казалось, что на лестнице вот-вот раздадутся шаги и кто-нибудь ворвется в комнату, посмотреть что происходит.

Но никто не пришел. Он пошевелил пальцами ног. Еще на месте. Мрачно ухмыльнулся.

Лежа на боку, совершенно голый, он подполз к окну. Поднялся на ноги, опираясь спиной о стену. Снова весь грязный, выпрямился и, развернувшись, выглянул в окно.

«Блад Френзи» не бездействовали. Примерно в двадцати футах от опушки леса был сложен большой костер. На этот раз гораздо дальше от дома. Суртр засовывала в его основание маленькие ветки хвороста. У ее ног стояла красная пластмассовая канистра с бензином. Рядом с костром была вырыта яма – опора для большого креста, грубо сколоченного из двух толстых старых досок.

Фенрис и Локи принялись устанавливать крест в вырытую в дерне яму. Они вставляли распятие верхней частью вниз.

Фенрис что-то крикнул Суртр, та повернула к нему жутко накрашенное лицо и улыбнулась. На этот раз она нарисовала вокруг носа и рта больше кровавых подтеков, чем обычно. Она снова была голая, ее длинные черные волосы ниспадали на плечи кремового цвета. Подняв из травы маленькую серебристую фотокамеру, она пошла фотографировать Локи и Фенриса, позировавших на фоне перевернутого распятия. Словно это было частью какой-то игры. Столь легкомысленное отношение к его смерти вызвало у Люка внезапную вспышку ярости.

Потом, увидев одинокий черный крест, стоявший чуть косо на фоне темного неба, он ощутил такую слабость, что сполз на пол и стал раскачиваться из стороны в сторону.

Когда Люка забирали из комнаты, на нем не было ничего кроме хомутов на запястьях и лодыжках. Локи и Фенрис были пьяные и неуклюжие.

Он не сопротивлялся, когда его проталкивали сквозь узкий проход, а потом тащили по тесной неустойчивой лестнице вниз, потому что не хотел, чтобы его уронили. Риск свалиться с трехфутовой высоты и неспособность самостоятельно избегать острых кромок и углов заставляли нервничать.

Лишь когда его вытащили из дома на холодный сырой воздух, под почерневшее небо, он оказал сопротивление. Лежа на небольшой поляне, в угловатой тени старого черного дома, Люк резко выдернул ноги из рук Фенриса, поддерживавшего его, словно свернутый ковер. Потом вывернулся из длинных белых ручищ Локи и тут же упал вниз лицом на мокрую траву.

Подтянув под себя колени, попытался встать и тут же рухнул на бок. В холодной сырой траве он на секунду замер, обдумывая следующий шаг.

Фенрис громко рассмеялся, его тонкий смех растворился в сумерках.

– Куда ты пойдешь, Люк? – задумчиво спросил Локи, тяжело дыша.

Большой костер потрескивал и плевался искрами, выбрасывая оранжевые языки пламени высоко в небо. Сноп горящих пористых листьев поднимались с потоками горячего воздуха вверх, скручиваясь и уменьшаясь до размеров красных светящихся точек.

Звучала яростная музыка. Земля приглушала звук, но силы этого какофонического скрежета хватало, чтобы достичь холодного темного леса и ушей того, что ползало по этой страшной черной земле.

К перилам крыльца было прислонено ружье, возможно, на тот случай, если Один не сумеет отличить жертву от избранных. В тени крыльца, на маленьком деревянном стуле, сидела старуха и наблюдала за Люком. В черных глазах на бесстрастном лице играли отблески костра.

Чтобы повесить его на крест, им придется разрезать нейлоновые хомуты на запястьях. Это будет последний шанс. Люк набрал полные легкие воздуха и содрогнулся всем телом. Он изо всех сил пытался сдержать позывы мочевого пузыря, но не смог. Теплая, как сама жизнь, жидкость хлынула из него, орошая тело.

Темнеющее распятие выглядело тонким и хрупким. Интересно, выдержит ли оно его вес? Какой абсурдной и банальной будет его смерть на покосившемся и перевернутом кресте.

– О боже, – невольно воскликнул Люк, подумав о длинных гвоздях и молотке в тонких татуированных руках Фенриса.

Но рядом с распятием он увидел мотки старой волокнистой веревки, похожей на бельевую, и с облегчением понял, что они приготовлены для него.

На фоне темнеющих деревьев, погружающихся во мрак древних корней и зарослей папоротника символ перевернутого креста выглядел чересчур наивно. Как реквизит из дешевого фильма ужасов с плохо загримированными, бездарными актерами. Как фальшивый артефакт, приобретший незаслуженный культовый статус и разочаровавший, когда правда вскрылась. Разве можно так умирать? Это было бы смешно, если бы не было так грустно.

– Теперь, Люк, ты никуда не убежишь, – сказал Локи, отдышавшись. – Ноги у тебя будут связаны. Поэтому тебе не скрыться. Если будешь сопротивляться, нам придется... э...

– Выбить из тебя все дерьмо, – взвизгнул Фенрис.

– Ну, как-то так, – согласился Локи. – Что я могу сделать для тебя, так это дать выпить напоследок, мой друг.

Локи вытащил из-за серебристого патронташа рог и опрокинул у него над лицом. Люк с радостью подставил рот под струю кислой обжигающей жидкости. Выдвинул вперед челюсть, чтобы направить тошнотворный поток себе в глотку. Но прежде чем щедрое тепло разлилось по кишкам, ему захотелось блевать. Голова закружилась, словно он впервые в жизни попробовал алкоголь. Это был чистый спирт, разбавленный подслащенным апельсиновым соком. Люк перекатился на бок и выкашлял из горла то, что не успел проглотить.

Сегодня «Блад Френзи» особенно постарались. Не так часто они вступали в контакт с древним лесным божеством. Локи и Фенрис украсили свои талии множеством цепей, а бледные руки до самых плеч закрыли шипастыми нарукавниками. Их бицепсы щетинились острыми гвоздями. На каждом была футболка с красным колючим логотипом группы и с изображением мрачного озера. Лица покрыты толстым слоем белого грима. Глазницы закрашены черной краской, а подрисованные уголками вниз рты придавали лицам надменное

выражение. Только Суртр оставалась голой. На ее коротком пухлом теле не было татуировок, лишь половые органы были украшены серебристым пирсингом.

Подошвой ботинка Фенрис перевернул Люка на спину, а Локи схватил за лодыжки и потащил по сырой траве к подножию распятия.

Несмотря на кажущуюся хрупкость креста, молодым людям потребовалась вся сила, чтобы вытащить его из ямы и опустить на землю. Они хотя бы догадались вырыть глубокую опору.

Фенрис поймал взгляд наблюдавшего за ними Люка.

– Красивая вещь, а? Блэк-метал старой школы!

Когда распятие было всего в паре футов от земли, они отпустили его, и оно с глухим стуком упало рядом с Люком. Они подкатали его тело к кресту, потом Фенрис схватил его за ноги и пододвинул к подножию длинной доски.

Локи подозвал Суртр. Она побежала к ним, неслышно ступая по траве. Когда она приблизилась, Люк увидел, что ее лицо раскрашено черной, белой и красной краской. В этой нарисованной гримасе было столько злобы и жестокости, сколько она смогла вложить. Хотя Люк и без грима чувствовал исходящую от нее ненависть. Особенно если вспомнить глаза, с которыми она напала на него. От ее близости у него внутри все сжалось.

Да что с ними? С ними всеми?

У Люка внутри все оборвалось, когда он вспомнил, что совсем их не знает. Абсолютно.

Он ненавидел их.

Его лодыжки были привязаны к деревянному кресту. Необработанное дерево ужасно кололо икры и пятки. Суртр села ему на грудь, лицом к лицу, прижав руки своими ягодицами. Локи наступил ему на горло своим огромным ботинком. Они действовали быстро и методично. Это были убийцы. Убийцы. Это слово снова прозвучало в голове Люка, и все его тело похолодело.

Перед глазами замелькало все, что у него отнимали: улыбающееся лицо матери; его собачка, Монти, склонившая набок голову перед прогулкой; сестра, отец, красотка Шарлотта в высоких сапогах, чей глубокий прикус был таким сексуальным, что он не смог перед ним устоять; коллекция компакт-дисков, стеллаж «Билли» из «Икеа» со всеми его книгами, стоящими в два ряда; настоящий эль в таверне

«Фицрой»... Он остановил эту кинолентку одним громким всхлипом. Зажмурился и зарычал от отчаяния.

Его лодыжки были крепко-накрепко привязаны бельевой веревкой к жесткой деревянной доске.

Под тяжестью Суртр он едва мог дышать. Металл в ее голых гениталиях охлаждал живот.

– Херня ваша группа! – крикнул он, когда понял, что не сможет драться руками.

Суртр уткнулась пятками ему в подмышки. Поэтому, когда Локи перерезал нейлоновый шнур на запястьях, они с Фенрисом с легкостью развели ему руки в стороны и натянули через голову смердящее платье. Суртр освободила Люка от своего сокрушительного веса и помогла парням одеть его. Они облачили его в эту страшную ткань, запятнанную кровью прежних несчастных жертв.

Продев руки Люка в узкие отверстия платья, Локи и Фенрис развели их в стороны и положили его тело на распятие. Когда дело дошло до привязывания запястий, девчонка перенесла весь свой вес на колени, упершись ими Люку в плечи. Его тут же пронзила вспышка боли, как бывает перед вывихом. Накатили слабость, головокружение и тошнота. У него не было другого выбора, кроме как замереть и не сопротивляться.

В тот момент ему захотелось плакать, просить и умолять. Но вместо этого, чтобы взять себя в руки, он пронзительно закричал.

Локи закрепил ему одно запястье, Фенрис – другое. Жесткая тонкая веревка врезалась в мясо. Люк лежал, привязанный к кресту, на мокрой траве под быстро темнеющим небом.

Когда Суртр неуклюже убрала с его плеч свои большие колени, Люк понял, что последней драки не получится. А так хотелось оставить им что-нибудь после себя на память.

Фенрис ухмыльнулся, Локи нахмурился. Собравшись с силами, они стали поднимать распятие с крепко привязанным к нему Люком. Тот бился и дергался из стороны в сторону, упираясь в грубое дерево. Маленькое смердящее платье спало на лицо, а из-за обнажившихся гениталий он чувствовал себя вдвойне уязвимым. Он ощущал себя ребенком. Перед смертью его лишили всякого достоинства. Он ненавидел их такой лютой ненавистью, что хотел умереть от инсульта, лишь бы не дать насладиться его предсмертными криками ужаса.

Потом Люк оказался подвешенным головой вниз. Посмотрел на свое замотанное в окровавленную ткань тело. За грязными ногами увидел черное небо. Снова уронил голову на дерево. Посмотрел на траву у лица. Увидел ноги в шипованных ботинках. В мозг резко ударило кровяное давление. И тут ему на голову натянули тот колючий венок из цветов. Сделали из него мученика с нимбом из мертвых лепестков.

Потом все начали вопить. Запели свои непонятные визгливые песни. Стали пить из рогов. Вскидывать тощие руки к небу, которое он видел сейчас у себя под ногами.

– Ты умрешь на кресте лже-мессии, Люк! Это так здорово, гребаный назарей! – прокричал Фенрис ему в лицо.

Люк невольно сморщил лицо. Он чувствовал, что вот-вот сломается. Но пересилил себя. Потом попробовал освободиться. Но, осознав глупость затеи, разрыдался. Потом закричал. И тут рассудок покинул его. Он увидел, как оно идет, нечто жидкое, похожее на пар. Потом все окрасилось в черные и красные цвета. Он услышал собственные крики. Он был рад утратить разум. Лишиться рассудка. Это не дало бы в полной мере постичь то, что скоро придет из темного леса за ним, висящим головой вниз на черном кресте.

– Ваша группа – гребаный отстой! – снова прокричал он и рассмеялся как сумасшедший. – Вы – бездарные придурки! – Ручей алкоголя побежал по животу ему в рот, обжигая словно аккумуляторная кислота. Люк выплюнул жидкость.

Перевернутый мир кружился вокруг. Огонь падал в небо. Древние деревья цеплялись корнями за землю, чтобы не сорваться в вечный купол облачной тьмы. Люк чувствовал, будто висит над огромным безбрежным океаном и вот-вот рухнет в него. Он знал, что если они отрежут веревки, он упадет прямо в небо.

Фенрис пытался его перекричать. Он снова задел Фенриса, и знал это. Тощий глупый мальчик не любил, когда жертвы оказывают сопротивление.

– Эй, Суртр, – крикнул он фигуре, возбужденно скачущей вокруг костра с накрашенным лицом. – Я умру, а ты останешься толстой и уродливой. Ты похожа на лягушку, жирная блядь! У тебя самая вонючая манда на свете! – кричал он до хрипоты.

Потом Локи пытался усмирить Фенрису, который своим накрашенным белым лицом походил на обезьяну бонобо, обезумевшую после какого-то эксперимента.

Люк кричал в небо, в землю, в бесконечные деревья. Он хотел сойти с ума и просто кричать, когда оно придет за ним. Низко пригнувшись к земле, быстрое и страждущее. Он звал его.

– Давай, иди сюда, вонючка! Давай! – Он вцепится ему зубами в морду из последних сил.

Вскоре сознание Люка стало меркнуть, он почувствовал слабость. Распухшую, горячую голову нестерпимо кололо.

Локи что-то кричал старухе. Он был явно зол на нее. Но та с равнодушным видом молча сидела на своем маленьком стуле. Локи отпустил Фенрису. Тот подбежал к крыльцу, тыча пальцем в старуху, и тоже стал кричать и размахивать перед ней кулаками. Локи же принялся ее умолять. Потом он что-то крикнул Фенрису, повернувшись к нему лицом. Между ними возникла потасовка. К сцепившимся парням подбежала Суртр и закричала на Фенрису.

Старуха встала и покинула крыльцо. Вернулась в дом и закрыла дверь, оставив спорящих снаружи.

Наконец их голоса стихли. Локи что-то тихо сказал Суртр. Та торжественно подошла к проигрывателю и выключила музыку. Даже огонь костра не казался уже таким сильным. Все просто стояли на улице, остывая на сыром темном воздухе. Лес тоже затих. Как старуха, он был молчаливым, старым и равнодушным.

Но только не безжизненным. От страшного давления у Люка в глазах потемнело, и последнее, что он увидел, были их лица. Бледные лица и розоватые глаза, в которых отражалось пламя костра. Маленькие белые люди наблюдали за ним. Наблюдали, а потом растворились среди деревьев.

63

Светит полная луна, и лес за окном изменился. Он стал больше, чем раньше. Сейчас он покрывает всю страну до берегов холодного моря. Сияющий. Величественный. Эпохальный. Вечный. Люк чувствует себя перед ним совсем крошечным.

Сверху вновь слышатся голоса. Теперь он понимает этот шепот.
– Посмотри. Посмотри, – шепчут они. – Посмотри вниз.

На лугу, под небом, заполненным огромной луной, он видит белую фигуру в венке из цветов. Она сидит в телеге, груженной окровавленной дичью. Фигура раскачивается на сиденье как кукла. Или, может, сопротивляется чему-либо.

За телегой следует процессия. В пробивающемся сквозь тьму серебристом свете он видит скачущие тощие фигуры в древних лохмотьях. Они резвятся и дурачатся рядом с телегой. Их путь лежит в место, такое старое, что даже голоса на чердаке сказали, что забыли его истинный возраст. Возможно, последнее из всех старых мест.

Когда придет время, будет ли он взывать к небу вместе с ними? – спрашивают они. – Будет ли произносить старые имена вместе с ними? Услышав имя, он должен произносить его вместе с ними, затаив дыхание.

Фигуру в белом одеянии и венке из мертвых весенних цветов вытаскивают из телеги. Фигурой внезапно оказывается он сам. Теперь он стоит среди камней. Вокруг него на больших камнях лежат его мертвые друзья с застывшими в предсмертных муках лицами. Голые и обглоданные до черных от крови костей, они привязаны к камням с высеченными забытыми письменами. И он тоже водружен на один из камней, среди друзей. То, что когда-то отдавалось, будет отдано снова.

Из-за деревьев за ним наблюдают маленькие, неясные фигуры. Они разговаривают и издают звуки, напоминающие смех. Их шепчущие голоса проникают ему в глаза и уши, словно мухи.

Он видит другое место. Чувствует в нем запах жира, дыма и грязной соломы. Он находится то ли в темном амбаре, то ли в церкви. Простое строение из старого дерева, стены которого мерцают от красноватого света огня.

Где-то здесь, в темноте, стонет в предродовых муках женщина. Ноги сами несут его к ней, хотя внутренний голос кричит, чтобы он бежал прочь.

Вскоре к стонам присоединяется крик новорожденного. Он стоит в толпе маленьких фигур, рядом с темной, наполненной сеном, кормушкой. В ней лежит мокрое плачущее существо. И неясно, человек ли это. Его вытащили из раздвинутых безжизненных бедер за задние копыта. Достали из дымящейся, опустошенной утробы мертвой матери длинные пальцы свидетелей таинства.

Люк с криком вырывается из сна. Оглядывает темную комнату, чтобы разглядеть лица людей, что-то быстро ему бормочущих. Но голоса стихают, отступают куда-то вверх, на чердак.

Он снова стоит перед светящимся белым окном своей маленькой комнаты, содрогаясь от жуткого сна, и смотрит на лес, купающийся в фосфоресцирующем свете. На краю леса резвятся маленькие белые фигуры, тощие и волосатые. Он жмурится, и они тут же исчезают.

Он оборачивается и видит приближающуюся старуху. Ее маленькие ножки больше не стучат, потому что обмотаны тканью. Она протягивает ему нож. Длинный тонкий черный нож, который он видел раньше.

Острые лезвия словно гасит в нем все чувства, кроме ненависти, все воспоминания, кроме душащей злобы. Сейчас им управляют лишь инстинкты, как теми существами в лесу, умеющими выживать среди хитрых хищников.

С чердака доносится топот маленьких ног. Они стучат по старым бревнам, требуя крови.

Он опускает глаза на старуху, но она уже исчезла. Дом трескается вокруг него, словно старая рука, сжимающаяся в кулак. Он стоит среди щепок и пыли, с ножом в руке.

Когда лучи солнца пробились сквозь тонкие облака, Люк проснулся.

Вновь.

Задышавшись, он сел в кровати. Холодный колющий воздух тут же окутал голое тело, и Люк понял, что на этот раз проснулся по-настоящему.

Чтобы облегчить боли в лодыжках, он изменил положение. Потер воспаленные запястья. Развел ноги в стороны. Сны отпустили его.

У Люка перехватило дыхание.

Его узы исчезли.

Осознание этого факта на мгновение лишило его дара речи и способности двигаться. Он посмотрел на сдвинутое в конец кровати одеяло. Между ног, на потрепанной овчине лежал красный швейцарский армейский нож, с выдвинутым главным лезвием. Это был его нож.

На край кровати было накинуто забрызганное старой кровью платье, а сверху лежал маленький венок из цветов.

Люк сидел на полу своей комнаты голый и смотрел на дверь. Было еще рано. За окном из-за облаков пробивались яркие, стального цвета лучи солнца. Дождь перестал.

Люк успокоил мечущиеся в голове мысли. Их разноголосье мешало осознать появившееся преимущество. Вместо этого он попытался понять свое новое положение в мире, который целиком превратился для него в место смятения и страха.

Старуха. Она явилась ему во сне, пока он спал в своей убогой кровати, связанный как пленник, как жертва. Но теперь он свободен, и в его руках нож. Значит, она приходила ночью, освободила от уз и оставила оружие?

Люк широко ухмыльнулся.

Прошлой ночью старуха очень разозлила молодежь. Она отказалась вызывать то существо из черного леса. Не подчинилась Локи. Отказалась вызвать демона, Бога, чтобы тот забрал его с креста. И теперь она хотела, чтобы он убежал либо избавился от молодежи в ее доме. Он не был уверен, чего именно, но у него были веские причины сделать и то, и другое.

От мысли, что есть шанс прожить гораздо дольше, чем пару часов, у Люка перехватило дыхание. Он даже потерял равновесие, и ему пришлось упереться одной рукой в грязный пол.

Ситуация резко изменилась, и, осознав это, он содрогнулся. Словно электрический ток пробежал под кожей. Веки дрогнули, мышцы напряглись. Он почувствовал себя легким как гелий и быстрым как заяц.

Люк не мог припомнить, когда у него были подобные ощущения. Будто на земле уже не было такого места, куда бы не мог добраться его разум, и куда бы его не могли донести ноги. Он был сильным. И свободным.

Казалось, что до сего момента он и не просыпался по-настоящему. Голый, грязный, израненный и уставший жить от мига к мигу. И тут он понял, что давно сдался. Люк плыл по течению. Сбитый с толку. Инертный. Беспольный. Его прежнее «я» было хрупким и иллюзорным, старый мир – серым. В критические моменты он колебался, испытывал неуверенность в себе. Деморализованный, давно

зачах, и навсегда. Он понял это. Осознание пришло очень быстро. Вся его жизнь до сего момента была нелепой и абсурдной.

Но теперь он хотел жить.

Если он проживет еще несколько минут, каждый миг его жизни будет наполнен ликованием. Каждое произнесенное слово будет иметь значение. Каждый съеденный кусок и сделанный глоток будет даром. Его спасение и станет настоящей жизнью.

Люк улыбнулся сам себе. Он не собирался сдаваться. Снова вспомнил тех, кого любил, кого не хотел больше разочаровывать, тех, ради кого хотел жить. Память вернулась к нему, только сильнее и яснее, чем когда-либо. Перед ним возник образ его собаки. Маленькое доверчивое существо смотрело на него, моргая белоснежными ресницами, из прохода мрачной крошечной кухни. Он улыбался и беззвучно плакал одновременно.

Он снова для себя что-то значил. Наблюдать за приближением собственного конца, испытывая постоянный страх, было невыносимо. У него были руки и ноги, которыми он мог двигать. Чувства, благодаря которым он переживал чудо своего существования, каждый его миг. Он тихо рассмеялся сквозь слезы.

Эта троица думала, что сможет отнять у него жизнь. Люк вспомнил про ружье и кинжалы. Это же подростки. Дети. Наверное, их даже не посадят, в силу возраста. Сможет ли он причинить им вред, если дело дойдет до этого? Внезапный укол совести вызвал у него стон. Но для совести было не то время и не то место.

Люк встал, подошел к окну и посмотрел на перевернутый крест, упавший на траву.

Просто это был мир, в котором одни превалировали над другими. Бескомпромиссная эра. Чужие настойчивые желания разъедали его и подавляли, так было всегда. По воле тех, кто мучил его всю жизнь, он пришел за расплатой сюда, в мир, созданный ущербными для ущербных, в великую эпоху патологии. Он поклялся себе, что если переживет это утро, всю жизнь посвятит борьбе.

Больше он не будет ни на кого полагаться. В этом мире каждый за себя. Не он сделал его таким. Он сопротивлялся, но устал быть жертвой.

– Жертва, – прошептал Люк. – Жертва.

Произнести его было все равно, что лизнуть батарею. Он стал жертвой самого себя. И с него довольно. Он умрет здесь, если не уничтожит их всех. Теперь он жил настоящим и знал, что это значит.

«Смогу ли я убить? – спросил он себя, и внутри все перевернулось. – Узнаю ли я себя после этого?» Это не фильм ужасов. Ему действительно придется вонзить нож в человеческую плоть.

Люка затрясло. Может, он должен просто бежать и прятаться, бежать и прятаться, и надеяться?

Нет. Они бросятся за ним в погоню.

Люк посмотрел на потолок. Он должен посыпать солью обиталище этих тварей. Ему придется отправиться в красное, жаркое, безумное место внутри себя. Место, где он обитал, когда напал на пассажира в метро, когда сбил бедного Дома с ног. Ему нужно найти место внутри себя, где можно бить, крушить, ломать. Показывать средний палец водителям, не притормаживающим перед пешеходами на перекрестках. До зубного скрежета ненавидеть социопатов, с которыми приходится работать. Жалкая ярость, уничтожившая его имущество и мебель, обернувшаяся против хамства и грубости в общественных местах, всегда кипела внутри, готовая вырваться наружу. Надо нажать на газ. Прямо сейчас. От этого зависит его жизнь. И он должен оставаться внутри этого жаркого красного обиталища инстинктов и ярости, пока либо он, либо они не будут мертвы.

Это невысказано, но другого выбора нет.

Но этого не произойдет. Он не представлял, как можно поменяться с ними местами. Внезапно стать жестоким и непреклонным.

Люк закрыл глаза. Представил их жуткие накрашенные лица. Торжествующие, умышленно идиотские улыбки этих сильных, целеустремленных, жестоких людей. Они были недоступны его пониманию. Но почему они должны жить, а он нет? Почему?

Они заслуживали смерти. Он хотел, чтобы они умерли. Хотел, чтобы их молодая, но уже отравленная кровь пролилась, и эта мерзкая часть мира была стерта с лица земли. Кровь и почва. Да, они были правы. Рагнарок наступал быстро, но не так, как они того ожидали. Они получают свою кровь и почву.

Люк прикрыл наготу маленьким грязным платьем. Оно пахло ржавчиной. Потом надел венки, как того хотела старуха.

Но если он их одолеет... Он вспомнил страшный лес и то, что бродило в нем. Люк содрогнулся и закрыл глаза.

Подкрался к двери. Все по порядку.

– Все по порядку, мой друг, – сказал другой, внутренний голос.

65

Дверь была не заперта. Открывая ее, Люк ожидал, что кто-нибудь с накрашенным лицом ворвется, ухмыляясь, в комнату. Или, по крайней мере, будет ждать в тени коридора. Но там никого не было.

Осторожно ступая, он вышел в темноту дома. Стал закрывать за собой дверь, но старые петли заскрипели, и пришлось оставить ее приоткрытой.

Прислушался. Где-то что-то капало, монотонно и еле слышно. С крыши донесся далекий скрип, под грязными ногами застонала деревянная половица. Старый дом постоянно находился в движении. Его остов нес на себе всю тяжесть лет.

В конце узкого прохода была маленькая дверь на чердак. Слева от него, в другом конце коридора, находилась лестница, по которой его таскали туда-сюда уже два дня. Между ним и лестницей, ведущей на первый этаж, была еще одна деревянная дверь. Он вспомнил ночные шаги: в той комнате спали двое.

Пригнув голову и стараясь ступать по краю неровного пола, Люк двинулся к лестнице. Это было все равно что идти по трюму старого корабля. Он шел осторожно, но пол все равно скрипел. Один раз, под масляным фонарем, Люк чуть не потерял равновесие.

У двери в спальню он задержался и прислушался, мысленно проникая в комнату и прощупывая ее, как слепой.

Тишина и покой.

Наверху лестницы он позволил себе сглотнуть и перевести дух. Голова заныла, тупая боль ударила в глаза.

Когда он стал спускаться, кожа покрылась мурашками, словно он входил в холодное море. И чем дальше он удалялся от комнаты, тем сильнее боролся с желанием кинуться бежать. По непонятной причине его лодыжки пронзила сильная боль. Ноги охватила такая дрожь, что он чуть не рухнул с лестницы. Люк стиснул зубы. Почему его тело пытается предать его?

Вот и подножие лестницы. Глаза и уши напряжены до предела.

Старуха не дала бы ему убежать. Она хотела, чтобы работа была сделана. И если он убежит в лес, куда потом пойдет? На ее зов придет оно.

Грузовик. Ключи. Грузовик.

Если бы она хотела, чтобы он убежал, утром в его кровати вместе с ножом лежали бы ключи от машины. Но он не может просто так войти в спальню и зарезать спящего человека. От этой мысли Люка затошнило. Он прислонился к стене маленькой прихожей. Дерево здесь было то ли испачкано древесным дымом, то ли просто почернело от старости.

Двигаясь на пятках, он обогнул еще один пыльный масляный фонарь, прошел в гостиную и оказался словно в другой эпохе. Темные деревянные стены под неровным потолком отсырели и были покрыты древней плесенью. Газообразный желтоватый свет проникал сквозь два грязных, выходящих на лужайку оконца. Люк почувствовал запах сырого дерева, пропитанного дымом.

Почти все стены были завешаны пыльными артефактами. Лошадиные копыта. Кости животных. Еще один склеп с останками из леса. Черепа куниц или белок, олени рога, медвежий череп, похожий на морду динозавра, кошмарный оскал лосиной головы. Невидящие, высохшие глаза.

Мебель была самодельная, простая. На полках тяжелого шкафа выстроились охотничьи инструменты. Почерневший обух плотницкого топора. Большой щит. Наконечники копий, стрел, лезвия ножей. Какие-то ржавые, похожие на крючки железки. Люк увидел овальную брошь, украшенную изображением какого-то скачущего животного. Разноцветные стеклянные бусы. Маленькая медная тарелка, украшенная волнистым узором из синей, красной, белой и желтой мозаики. Груда круглых плоских камней, судя по потертому виду, служивших для заточки ножей. Другие орудия, чье предназначение осталось для него загадкой. Сделанные из кости или камня, они были такими старыми и выбеленными, что походили на прибитые к морскому берегу коряги. Глаза Люка рыскали по полу, стенам и маленькому столику в поисках ружья.

На пыльном полу, поверх грязной соломы лежали потертые и трухлявые олени шкуры. Их рваные остатки вызвали недоброе воспоминание о том, что он видел на деревьях.

В гостиной не оказалось ничего полезного. Ни одежды, ни ружья. Развернувшись на пятках, Люк вышел в коридор. Внезапно испугавшись темной лестницы, посмотрел налево. Пересек переднюю и шмыгнул на кухню.

Там он увидел Фенриса. Комната оказалась больше, чем он себе представлял. И длинная. Пол жесткий, холодный, покрытый неровной сланцевой плиткой. На темном столе, в похожей на ящик кровати, в красном спальном мешке лежал Фенрис. Рядом находился длинный деревянный лист, напоминающий крышку. Он служил рабочей поверхностью стола, когда ящик не использовали в качестве кровати. Из-под покрывала выглядывало заостренное, измазанное гримом лицо Фенриса. Голубые глаза были широко раскрыты.

Они смотрели вниз, на зажатый в руке Люка нож, затем переместились на его лицо. Уставились как-то печально, словно в ожидании. Но чего?

У деревянной скамьи рядом с кроватью стояли шипованные ботинки Фенриса. Люк снова окинул быстрым взглядом комнату. Железная печь с черной трубой, темно-коричневый шкаф, несколько кастрюль, деревянные тарелки, черный ход. И крошечная детская кроватка ручной работы, в которой, как кошка у очага, сидела одетая в свое пыльное черное платье старуха. Она тоже выжидающе смотрела на Люка. Чего хотели от него эти люди?

И тут он увидел ружье. Оно стояло, прислоненное к стене рядом с дверью, в которую он вошел. Фенрис перехватил его взгляд. Потом мир вокруг смазлся, завибрировал. Время словно ускорилося.

Фенрис рывком выпрыгнул из стола-кровати и встал на ноги. Спальный мешок сполз красной гармошкой до коленей.

– Доброе утро, Люк. Может, вернешься в Лондон, а? В этом наряде педика. Тебе идет.

На нем были кожаные джинсы и футболка с логотипом «Бэттори». В его руке блеснул кинжал. Он оказался в этой тонкой женственной руке так быстро, что Люк понял: юноша непременно пустит его в ход. Так уже было. Фенрис не расставался с ним даже во сне.

У Люка внутри будто что-то оборвалось, желудок сжался. У него уже почти получилось, а они снова тут как тут, встали на его пути.

Он бросился с ножом на Фенриса. Потом на долю секунды замешкался. Он не знал, каково это, ударить ножом живого человека.

Даже после всего, через что он прошел, это было чуждо его натуре. Но Фенрису хватило мгновенной задержки. Он с ухмылкой вскинул тощую белую руку.

Люк вздрогнул. Дернулся в сторону. Дыхание перехватило. Он почувствовал, как его бедро вскрылось, словно сырой пирог. Рассеченное под платьем тело пронзила острая, жгучая боль. Опустив глаза, он увидел, что нога вся красная и мокрая до колена. Он истекал кровью.

Фенрис ухмыльнулся и развернул нож в руке так, чтобы тот был направлен лезвием вниз. Люк посмотрел в жесткие голубые глаза мальчишки, и от злобы у него перехватило дыхание. Как бы ему этого ни не хотелось, но из-за своей порядочности ему придется сдохнуть на какой-то грязной кухне.

– Ублюдок, – сказал он и сплюнул.

Фенрис моргнул. Потом тощая татуированная рука мальчишки взмыла в воздух и быстро опустилась вниз.

Люк нырнул ему под локоть. Одной рукой перехватил девичье запястье. Это было все равно что поймать в воздухе мяч для крикета. Потом ударил снизу вверх зажатым в другой руке ножом в тощее тело мальчишки. Кулак уперся костяшками в плоский живот Фенриса, и Люк отступил назад.

Фенрис ахнул. Удивленно посмотрел на себя. Потом сморщил измазанное лицо, будто собираясь заплакать от обиды.

Люк направился за ружьем. Он слышал лишь крики Фенриса и собственное дыхание. От вида крови кружилась голова. Кровь покрывала всю его ногу. Сочилась между длинными тонкими пальцами Фенриса, зажимавшими рану в боку.

Ружье было тяжелым. И громоздким. Люк с трудом поднял его и чуть не уронил. От дрожи в руках он даже не мог держать оружие ровно, не то что вставить палец в спусковую скобу.

Фенрис выл. На его лице смешалось выражение ярости, скорби и паники. Старуха выглядывала из своей маленькой деревянной коробки со странным, скучающим видом.

Фенрис выбрался из спального мешка и двинулся на Люка. Тот с трудом вставил дрожащий палец в спусковую скобу. Навел ружье на Фенриса.

Фенрис продолжал идти.

Люк нажал на спусковой крючок. Тот не поддавался. Он попытался развернуть ружье, чтобы ударить Фенрису прикладом, но длинное дуло уперлось в стену за головой. Собственная неуклюжесть и нарушенная координация движений разозлили его. Руки были каким-то ватными.

Взмахнув ружьем, он отбил обрушившуюся на него костлявую руку Фенрису с зажатым в ней охотничьим ножом. Острие чиркнуло по бицепсу Люка и рассекло грудь чуть выше соска. Этот порез словно разбудил его. Пяткой правой ноги он ударил Фенрису в раненый бок.

Мальчишка упал, держась за талию обеими мокрыми от крови руками. Люк бросился в сторону, к шкафам у окна, где было больше свободного места. Немного отдышавшись, посмотрел на ружье. Однажды, во время учебы в морском кадетском корпусе, он стрелял из винтовки 22-го калибра. Ружье было однозарядным. Он передернул затвор в надежде, что дослал патрон в патронник. Снова навел ружье на Фенрису и нажал на спусковой крючок. Тщетно.

– Вот черт!

Он прислонил ружье к стене. Оно тут же соскользнуло по пятнистой штукатурке и громко ударилось об пол.

Теперь Фенрис опирался на деревянный ящик, внутри которого спал. Бросив нож, он зажимал рану обеими руками. И плакал. Глядя на потолок, дважды позвал Локи. Потом застонал от боли. Вид собственной крови поверг его в ужас. Она текла у него по рукам и рукоятке все еще торчащего из него швейцарского армейского ножа. Ножа, который Люк только что вогнал ногой еще глубже.

Наверху раздались шаги – громкий топот и торопливое шарканье.

Люк направился к Фенрису. Поднял кинжал, лежащий у юноши в ногах.

– Пожалуйста, Люк, – простонал Фенрис.

Люк с размаху всадил кинжал в горло мальчишке. На всю длину, пока ручка не уткнулась в кадык.

Потом отступил назад, тяжело дыша.

– Мне очень жаль. Черт, черт! – Люк хотел, чтобы все закончилось. Прямо сейчас.

Старуха что-то лопотала по-шведски. Кивала маленькой белой головкой в знак одобрения. Смотрела на него через плечо Фенрису улыбающимися глазами.

У мальчишки из горла вырвался ужасный клокочущий звук. Не в состоянии стоять на месте, он шатался по всей кухне. Потом вывалился из комнаты, словно ища помощи.

Тяжелые ботинки застучали по узкому коридору второго этажа, затем по лестнице. Локи.

Фенрис свернул в темный проход и побежал к входной двери, словно ему не хватало воздуха.

Люк взял ружье и внимательно посмотрел на него. Увидел стальной рычажок над спусковой скобой. Упер ствол в пол и снял ружье с предохранителя.

Большие ботинки простучали по двум последним ступеням лестницы и загремели по тесному коридору первого этажа. Локи старался вести себя спокойно, но он явно нервничал. Это было слышно по голосу, когда он обратился к Фенрису по-норвежски, увидев того на лужайке перед домом. Уперев ружье в плечо, Люк нацелил ствол на дверной проем. Ружье было очень тяжелым и длинным, держать его ровно оказалось нелегко. Руки словно лишились сил.

И тут в кухню нырнул Локи, пригнувшись, чтобы не удариться головой о раму. Он слишком поздно заметил Люка. На какое-то мгновение их глаза встретились. Локи был опухшим от сна и по уши в туши. Его трясло от шока. Он нахмурился в замешательстве, и тут Люк выстрелил.

Ружье дернулось не слишком сильно. Но звук выстрела был оглушительным. Казалось, он взломал сланцевый пол и выбил все стекла, будто рев реактивного самолета, пролетевшего низко над землей. Локи исчез из проема. В ушах у Люка звенело. Старуха испуганно кричала, зажав уши маленькими узловатыми ручками. Перед глазами все прыгало. Из-за звона в ушах Люк ничего не соображал.

Он толкнул затвор вверх, вперед, назад и вниз. Латунная гильза упала, отскочив от сланцевой плитки и выпустив дымок. Люк почувствовал себя лучше. Ощущение дискомфорта почти исчезло. В воздухе пахло пиротехникой.

Локи стоял в грязном коридоре на четвереньках, опустив голову. Лицо было скрыто волосами, огромная спина содрогалась от

судорожных вздохов. Как ни странно, он тоже двигался в сторону входной двери, которая была раскрыта настежь.

Люк поскользнулся. Посмотрел вниз: его ноги были мокрыми от крови. Оказывается, он поскользнулся на луже, натекающей из раны в бедре. Боль была несильной, но от вида крови в глазах побелело. В коридоре он попытался срыгнуть, но ничего, кроме мокроты и отрыжки, не выходило. Он оглянулся через плечо на лестницу. Суртр не спускалась. Наверху было тихо.

Локи дополз до дверного проема и перевернулся на спину. Он лежал наполовину на крыльце, наполовину в коридоре. Они посмотрели друг другу в глаза. Оба тяжело дышали, обессиленные и не способные какое-то время говорить. Люк не понял, что в момент выстрела опустил ствол ружья слишком низко. Пуля попала Локи куда-то в область таза, и тот сейчас зажимал расплывшееся в паху темное пятно своими огромными ручищами.

– Люк. Остановись! – скомандовал Локи низким голосом. Даже под потрескавшимся слоем белой краски было видно, как сильно он побледнел.

Люк покачал головой. Сглотнул, но не смог обрести дар речи.

– Люк, не надо. Прошу тебя.

Тут Люка словно прорвало:

– Где ключи от грузовика?

Локи молчал, морщась от боли.

– Ключи, Локи? – Он оглянулся через плечо. Суртр по-прежнему не было видно.

– Наверху. В куртке.

– Там, где твоя жирная сука? Неплохо придумано!

Локи снова посмотрел на него. Он был напуган и про ключи явно не врал. Люк уставился на лежащую перед ним длинную дрожащую фигуру. Парню было не больше двадцати. Локи заплакал. Люк не смог долго смотреть ему в глаза и, не сдержавшись, тоже заплакал. Его мучили угрызения совести за то, что он сделал с Фенрисом и Локи. Он был готов остановиться в любой момент.

Вдруг рассердившись на себя, Люк перестал плакать. Он с трудом сглотнул.

– Мои друзья хотели жить, Локи. Хотели увидеть своих детей. – Он откашлялся, сплюнул мокроту на пол. – Милосердие является здесь

привилегией, а не правом. Вы придумали эти правила. По ним и умрете. Люк снова откашлялся и выпалил:

– К черту! – Он направил ствол ружья в широкое лицо Локи. – Вот к чему все свелось, Локи.

– Нет, Люк, – сказал Локи, уже не таким низким голосом. Он поднял свою ручищу и выставил перед Люком вперед ладонью. Она была ярко-красной и мокрой от крови.

Люк выстрелил в него сквозь пальцы. Голова Локи откинулась на доски крыльца. За ней тут же расплылась большая лужа темной жидкости, в которой плавали какие-то твердые кусочки. Люк с отвращением отвернулся. Кровь вытекала из головы Локи с омерзительным звуком. Ничего хуже Люк в жизни не слышал.

Люк толкнул затвор вверх, вперед, назад и вниз. Перешагнул через все еще подрагивающее тело Локи. Он не беспокоился, что тот снова поднимется.

Люк шмыгнул носом. Весь рот и подбородок были в слизи. Он вытер предплечьем глаза, потом рот.

Футах в двадцати от дома заметил Фенриса. Тот полз на боку, с помощью одной руки, в сторону деревьев. Лишь бы убраться подальше. Люк двинулся за ним. В траве было много крови.

Затем Люк остановился и обернулся на дом. Из маленького окна его комнаты на него смотрело бледное испуганное лицо Суртр. Их взгляды встретились, и она отступила от окна.

– Эй, – окликнул он Фенриса. – Эй.

Фенрис смотрел на него снизу вверх выпученными глазами. Жуткие пятна крови покрывали его подбородок и руку, сжимавшую рукоятку застрявшего в горле ножа.

Люк перевел взгляд на деревья. Его тошнило. Он просто хотел сесть на траву, но не мог слышать издаваемые Фенрисом звуки.

– Я мог бы завести грузовик. Положить тебя в кузов. И рвануть в... не знаю, куда, но та дорога должна куда-то вести.

Фенрис приподнялся на локте. Он задыхался, ловя ртом воздух. При каждом вдохе-выдохе из горла, как из аэрозоля, фонтанчиком брызгала кровь.

Люк оглянулся на дом, гадая, нет ли там второго ружья. В старом черном здании не наблюдалось никакого движения, но Суртр должна была скоро спуститься. Через открытую дверь ему был виден весь коридор до дальней стены дома. Никакого движения.

Люк снова посмотрел на Фенриса. Он понимал, что должен что-то сказать. Чтобы хоть как-то разобраться в себе. Он действовал, словно не думая ни о чем. Оперировал инстинктами. Но откуда взялись эти инстинкты?

– Уже слишком поздно, – сказал Люк, удивившись невесть откуда взявшейся твердости в голосе. – Не думаю, что у тебя на что-то еще есть время, Фенрис. Слишком поздно, понимаешь? Все зашло слишком далеко. Ты не сможешь больше убеждать кого-то или перевоспитывать. У каждого – свои взгляды на жизнь.

Но Фенрис, похоже, не слушал. Он полз к ногам Люка.

– Ты похититель и убийца. Разве ты можешь рассчитывать на милосердие? Вот к чему все свелось. Я сказал Локи то же самое. Ты никогда не думал о последствиях. Да? Даже если бы тебя поймали, ты все равно бы рассчитывал на особое отношение. Вот что бесит меня больше всего. И ты бы его получил. На хер такое дерьмо, Фенрис. На хер!

Фенрис хватал ртом воздух. Он снова протянул руку к ноге Люка и содрогнулся в конвульсиях. Люк в упор выстрелил ему в правый глаз.

Потом развернулся и направился обратно к дому. Задержался на крыльце. Встал рядом с Локи, слева от двери, и заглянул в коричневатый коридор. Локи перестал двигаться, но кровь продолжала заливать неровный настил крыльца. Люк пожалел, что не спросил Локи или Фенриса, куда они положили его табак. В голове стало необычайно легко, и Люку захотелось, чтобы все быстрее кончилось.

– Суртр!

Темный дом молчал.

Что делать? Что делать? Что делать?

Патроны. Сколько их? Перед спусковой скобой был магазин. Но он не знал, как его отсоединить, чтобы проверить боеприпасы. И даже если у него получится, он боялся, что не сможет вставить магазин обратно. Не так все просто. Как запасной вариант, ему нужен нож.

– Суртр! Локи больше нет. Твоих друзей больше нет. Слышишь меня?

Тишина.

Он задрал подол платья и посмотрел на бедро. Рана напоминала безгубый рот, подол платья пропитался кровью. Свежая кровь на старой. Он не мог смотреть на нее. Кожа на груди была рассечена до мышц. Он заглянул под вырез платья. От близкого вида раны его бросило в озноб и затошнило. Он согнулся пополам и осмелился закрыть глаза. Сделал глубокий вдох. Затем выпрямился, перешагнул через Локи и вернулся в кухню.

Посмотрел на старуху. Та посмотрела на него. Она так и сидела в своей маленькой колыбели рядом с печкой. И, казалось, чего-то ждала, явно недовольная им. Он не закончил то, что должен был сделать. Но как? Он хотел спросить ее, но она не говорила по-английски и не могла ему ответить. Ему так не хотелось подниматься по узкой лестнице и снова идти в крошечные комнаты с низким потолком. Это не место для человека, потерявшего столько крови и с ружьем в трясущихся руках. Похоже, девчонка ждет наверху, в темноте, сжимая в пухлом кулачке нож. Сука.

И что ему делать с этими ранами? Он собирался было показать старухе бедро, когда та посмотрела на стену напротив печи и кивнула морщинистой головой. Люк нахмурился. Она кивнула снова и подняла верхнюю губу, оскалив темные зубы.

Он посмотрел на стену и в тот же миг услышал, как легонько скрипнула дверь напротив. Люк вскинул ружье. Суртр тихо спустилась по лестнице и ждала в гостиной. Локи она тоже видела.

Люк сглотнул и медленно двинулся к выходу из кухни. Потом замер в нерешительности. Нужно ли ему идти в гостиную? Суртр могла стоять прямо за дверью. И точно, дверь сдвинулась. Он был уверен, что не оставлял ее полуприкрытой. Может, она открылась сама по себе, а Суртр по-прежнему прячется где-то наверху?

Затаив дыхание, он присел и двинулся по коридору к входной двери. Перешагнул через Локи и опустился в траву. Потом поднялся и

заглянул в маленькие грязные окна гостиной. Слишком темно.

Приблизился к старому коричневому стеклу, поставил одну ногу на провисшую веранду крыльца и вдруг увидел перед собой Суртр. Это произошло так неожиданно, что он чуть не нажал на спусковой крючок.

Суртр стояла, наклонившись вперед и уставившись в пол. Вот почему она не увидела его в окне. На ней были джинсы и черная футболка. Она внимательно слушала, прижавшись к старой двери гостиной. Готовая напасть с разворота, как только он зайдет в комнату. Или выбить у него дверью винтовку. А может, выползти и наброситься на него сзади, когда он будет проходить мимо. Умно. Она хотела его. Всегда хотела. Ни одна женщина не хотела его так сильно – точнее его смерти.

Он буквально кипел, холодный пот заливал лицо. До боли стиснув зубы, он поднял ружье. Направил в окно.

И выстрелил.

Все оконное стекло вылетело. Суртр подпрыгнула, словно ее ударило током. На секунду мелькнули ее растрепанные черные волосы и большие белые глаза. Что-то разбилось. Она вскрикнула.

Интересно, попал ли он в нее?

Затвор вверх, вперед, назад и вниз. Когда Люк поднял глаза, девчонки в гостиной уже не было, а дверь была закрыта.

Люк проковылял вдоль дома через лужайку и заглянул в прихожую. Откуда-то из темноты донесся топот ног. Но она не могла добраться до лестницы, поэтому, видимо, забежала на кухню. Люк продолжил обходить дом с ружьем наперевес. Он застрелит эту суку через кухонное окно. Рвение, граничащее с возбуждением, вызвало покалывание во всем теле. Пот лил градом.

Он увидел девчонку в прицеле ружья через грязные окна. Она выходила из кухни через крошечную заднюю дверь.

Не опуская ружье, Люк неуклюже побежал к другой стороне дома. Из горла вырывался хрип, кровь стучала в ушах. Ему не терпелось еще раз выстрелить, но он осторожно зашел за угол и оказался на задней лужайке перед садом. Огляделся, готовый броситься в погоню.

В траве никого.

Какое-то движение в саду. Позади грузовика. Она уходила, довольно быстро для своей комплекции, петляя между деревьями,

растущими вдоль разбитой дорожки.

Прицел ружья поплыл, потом сместился перед глазами. Руки ходили ходуном от волнения. Люк сморгнул пот, застилавший глаза. Повторно сфокусировался. Заметил ее. Потом снова потерял, когда она вильнула в сторону, работая толстыми ногами как поршнями.

Наконец увидел ее силуэт между двумя темными стволами, поймал в прицел и выстрелил.

Слишком высоко. Или попал? Девчонка исчезла.

Кордит опалил лицо, глаза, горло и нос. В ушах звенело.

Нет, не попал, потому что она снова вскочила на ноги и побежала через дорожку в сторону леса. Когда Люк снова поднял ружье, она уже скрылась среди деревьев.

Разочарованный, он посмотрел на белый грузовик. Направился к нему. Через пассажирское окно увидел на полу кабины конфетные обертки и старый дорожный атлас на шведском. Машина была с правым рулем. Он открыл дверь. В нос ударили запахи резины, масла, мокрого металла и застарелого сигаретного дыма. Запахи старого мира. Мира, куда этот автомобиль может его доставить. Внутри было очень грязно. Все коврики и сиденья были покрыты пылью. Пол кузова – из голого металла. Резиновые прокладки на педалях отсутствовали. Обивка на сиденьях порвана. На зеркале заднего вида висела ярко-бирюзовая рыбацкая приманка. В открытой планшетной сумке для инструментов – пустые красные пластмассовые контейнеры из-под еды, дюжина смятых пивных банок. Это была не их машина. Они приехали сюда на ней, но взяли у кого-то и где-то в другом месте.

Люк положил ружье на траву. Затем нагнулся и потрогал рулевую колонку. С надеждой коснулся пальцем ячейки для ключа зажигания. Пусто.

Ключи, ключи, гребаные ключи.

Он решил убираться отсюда, причем как можно быстрее. Повернулся и осторожно двинулся к дому, зажимая рукой рану на бедре.

Остановился, развернулся и пошел назад за ружьем, которое оставил в траве.

– Черт.

Мысли путались. Голова кружилась от голода, внутри все пылало от жажды. Накатывающее волнами возбуждение выматывало. Ноги

словно налились свинцом. В глазах мелькали темные точки. Люк сплюнул и двинулся дальше.

Когда он вернулся в кухню, старухи там не было. Он позвал ее.

– Эй! Эй! – Но никто не ответил и не пришел.

На кухне не было ни крана, ни раковины. В этом доме никогда не было канализации. Но он нашел шесть литровых бутылок, в которых носили воду из колодца. Открыв одну бутылку, он стал жадно глотать теплую жидкость, пока острая боль в боку не заставила его остановиться. Он наклонился вперед, пытаясь отдышаться.

Заглянул в чулан. Внутри было темно и холодно. Отрезал от черствого каравая кусок и набил им рот. Больше посасывал его, чем жевал. Хлеб был жестким и по вкусу напоминал кровь. Еще там был засоленный окорок. Два мешка свеклы. На четырех длинных полках выстроились банки с соленьями и вареньем. Пыльные яблоки. Соль. Репа, морковь, старый кофе. Но ничего годного. Похоже, «Блад Френзи» приехали сюда, на край земли, с пустыми руками. Это были скудные старушечьи запасы. Позже, он поест позже. Когда выберется отсюда.

Ключи, ключи, гребаные ключи.

Медленно, спиной вперед, Люк поднялся по лестнице, зажимая рану на бедре. Нужно промыть ее и перевязать. Наверху лестницы он развернулся и двинулся во тьму, выставив вперед ружье. Что если Суртр вернулась в дом и прокралась сюда? Он прогнал эту мысль, но почувствовал, что от напряжения может сломаться при малейшем звуке, выдавшем ее присутствие.

Прошел по коридору. Заглянул в первую комнату. На полу лежали два спальных мешка. Один синий, другой желтый. Комната Локи и Суртр. Повсюду разбросана одежда. Неопрятные, грязные, озлобленные люди. Он вошел, поискал глазами куртку Локи. Потом повернулся и обомлел. Он чуть не выстрелил с бедра, когда увидел три звериные маски, которые они надевали в первый день его плена. Все три выстроились в ряд и смотрели с деревянного стола, относящегося, по-видимому, к эпохе викингов. Они привезли эти звериные головы с собой или нашли здесь?

От одежды несло потом и немывтыми волосами. В куче барахла на полу Люк обнаружил кожаную байкерскую куртку. Плечи были усеяны шипами. На талии и локтях – стальные заклепки. На спине аккуратно

выведены белой краской названия групп: «Келтик Фрост», «Сатирикон», «Горгорот», «Бегемот», «Ов Хелл», «Мэйхем», «Блад Френзи». В кармане что-то звякнуло. Шесть ключей, прикрепленных к перевернутому стальному распятию. Что еще?

Достав ключи, Люк по какой-то причине застегнул карман. Потом спросил себя:

– Зачем?

Помотал головой. Он двигался словно в патоке. Неужели в доме так жарко? Насколько он помнил, раньше здесь было очень холодно. Здание накренилось, как лодка в шквал. Тяжелая винтовка цеплялась везде стволом. Он выругался. Сырое от пота лицо горело.

Вернувшись в коридор, он мельком заглянул в свою бывшую комнату. Потом посмотрел на маленькую дверь, ведущую к чердачной лестнице. Услышал чей-то голос. Нахмурился. Подошел к двери, но голос стал тише. Посмотрел на потолок. И тут он понял, что голос исходит не сверху, а с улицы. Кто-то пел.

Он вернулся в комнату Локи и Суртр и посмотрел сквозь грязное оконное стекло. В саду никого. Он остановился, снова прислушался. Голос звучал с другой стороны дома. Не сумев заставить себя войти в комнату, в которой его держали взаперти, Люк затаил дыхание и, словно в тумане, спустился по лестнице. Намокшие раны горели огнем.

В прихожей он поднял ружье, уперев его прикладом в плечо, и двинулся к входной двери. Дверь гостиной была все еще закрыта. Кухня, как он успел быстро проверить, пуста. Задняя дверь открыта.

Перешагнув через Локи, он вышел на улицу.

Рядом со вторым кострищем, у самого края выжженной травы он увидел старуху. Крошечная фигура, до самого горла затянутая в черное, стояла лицом к деревьям, не обращая внимание на тело Фенриса, неподвижно лежащее на лужайке. Для такого маленького человека она обладала удивительно притягательным голосом. Издаваемые ею звуки напоминали арабские завывания. Еще Люку вспомнились песнопения североамериканских индейцев. Она напевала что-то очень ритмичное на шведском языке, прихлопывая в такт маленькими ручками. Что-то простое и повторяющееся, как детский стишок. Одни и те же строки, снова и снова. Люк начал различать одно слово «Moder».

Она постоянно повторяла его, в конце каждого трехстишия. «Moder».

Мать.

– Нет, – в ужасе пробормотал он. – Пожалуйста, не надо.

Осознание пришло быстро, словно окатив ледяной водой из ведра. Он затряс головой, как усталая лошадь. Ни один человек не смог бы выдержать такое. А может, он в аду? Может, он умер в том лесу вместе со своими друзьями и теперь обречен наблюдать эту бесконечную хронику зверств?

Он обмотал брелок вокруг среднего пальца и прицелился.

– Мэм! Я сказал, нет!

Она пела как дитя, как маленькая девочка, вскидывая вверх крошечные ручки. Смотрела в небо и произносила старое имя.

Когда придет время, ты будешь петь с нами?

Пару раз у Люка возникало подозрение, что она его использует, но он гнал его прочь. Это казалось слишком невероятным и нелепым для такой маленькой причудливой женщины в домотканом платье, которая варит тушенку и громко топает по полу своими ножками. Но она использовала его. Чтобы убрать непрошенных гостей из своего дома. Чтобы они истекали кровью на лужайке. Они явились без приглашения, командовали и не уходили. Она была старой и нуждалась в помощи, чтобы избавить дом от грызунов. Проныре Фенрису она давно хотела свернуть шею. Это было видно по ее черным глазам. Поэтому она позволила Люку пожить еще немного, чтобы «Блад Френзи» думали, что они тут главные, а она работает на них, прислуживает. Но потом она дала жертве освободиться и выполнить для нее кое-какую работу. Он выжил в лесу и в этом доме, потому что должен был сделать кое-что для нее. Он был злым и жестоким. Из четырех человек, которые пришли сюда умереть, он не сильно отличался от накрашенной молодежи. Какое-то время он мог быть полезен. Он всегда чувствовал, что его судьба здесь предрешена. Что здесь у него есть цель. И это оказалось правдой.

Она играла с ним с первого дня. Его все равно должно было забрать то, что живет среди скал, деревьев, ручьев и доисторических троп. Теперь работа сделана, и маленькая девочка звала мать домой. Он по-прежнему был жертвой. Даже одет был подобающе. Это же она принесла ему платье и венок.

– Боже, нет.

Он навел дрожащий прицел между лопатками крошечной фигуры. И завис в нерешительности.

Этого не должно быть. Он подумал о Хатче, бледном, забрызганном грязью и висящем между еловых ветвей. Вспомнил руки Дома на своих плечах, незадолго до того, как тот тоже был выпотрошен, словно кролик. Подумал о бедном Филе, чье мертвое лицо осталось сухим из-за накинутого на голову капюшона, в отличие от промокнувшего под дождем, истерзанного тела. Вспомнил шуршание тощих бурых тел во тьме чердака, которого не должно существовать. Стиснул зубы, прикусив язык от ужаса. И нажал на спусковой крючок.

Старушка издала удивленный, похожий на выдох звук, будто кто-то толкнул ее в спину. Покачнувшись, рухнула лицом вниз и больше не двигалась. Он прострелил ей сердце.

Мир вокруг затих. Лес затаил дыхание. Облака застыли в своем газообразном вихре. Птицы сомкнули клювы, звери склонили головы.

Люк подошел к ней и опустил глаза.

Подол пыльного платья задрался до самых колен. Голые тощие ноги были покрыты жесткими белыми волосами, под которыми просвечивала розоватая кожа. Коленные суставы были вывернуты в обратную сторону. Козлиные ножки заканчивались маленькими белыми копытцами. Ее крошечные, громко стучащие ножки.

66

Люк присел на корточки, положил ружье на голые колени и закрыл глаза. Он сидел в траве между Фенрисом и старухой.

Сможет ли он снова встать? Он должен. Ему нужны одежда и вода. Еще новая повязка или что-нибудь мягкое и чистое, чтобы перевязать бедро и грудь. Он был уверен, что при ходьбе раны могут разойтись. Левая рука онемела, и он едва мог поднять ее выше пояса. Силы были на исходе. В легких практически не осталось воздуха. Сигарета могла бы его убить, но он сам сейчас убил бы за нее.

Люк повернул голову и посмотрел на дом, на его заостренную крышу. Он еще не закончил. Поморщившись, он встал. Нужно положить конец череде бессмысленных жертвований. Дверь должна быть закрыта. Люк узнал об этом месте, и другие могли узнать. Барьер

между мирами здесь гораздо тоньше, чем где-либо. Сущности сновали через него туда-сюда, и он понял это.

Его друзья убиты, как дичь в охотничий сезон. Зарезаны, будто домашний скот. Загнаны, прикончены, выпотрошены и вывешены на деревьях. Нужно уравнивать счет. Ради них. Сейчас он должен все делать ради них.

Почему старуха не вызвала то существо, чтобы очистить дом от нарушителей? Люк закрыл глаза. По коже забегали мурашки, голова заболела. Не было никого, кто мог бы ему что-то рассказать. Никого. И тут он понял, вздрогнув как маленький зверек.

Из-за ружья. И кинжалов. Потому что оно могло пострадать. Она защищала его. Защищала свою «мать». Защищала древнюю семью на чердаке. Для этого нужен был кто-то свой, и он был таким. Наверное.

Но Люк знал, что некоторые виды должны исчезнуть с лица земли. Он открыл глаза.

Царству «матери» и ее жалкой пастве надо положить конец. «Мать» была тем самым изолированным Богом, последним черным козлом из лесов. Люк понял, что старуха, ее самая младшая и самая достойная дочь, старалась сохранить здесь все в прежнем виде. Дочь, оставшаяся присматривать за матерью. Люк не знал точно. Он лишь предполагал. Но был уверен, что все это необходимо остановить. Сыновья, отцы и друзья больше не должны гибнуть в этом лесу. Никогда.

Люк вернулся к дому. Каждый сантиметр тела ныл от боли. Люк сомневался, что когда-нибудь сможет вылечить свои раны. Верхушки деревьев скакали перед глазами. Небо почему-то было совершенно белым, но он был благодарен, что начался дождь. Шел холодный ливень. Похоже, он никогда здесь не кончался. Лишь менялся местами со снегом. Снова и снова, и так было всегда.

Люк посмотрел на Фенрису. Наклонился, схватил швейцарский армейский нож за липкую рукоятку и выдернул. Фенрис сел, качнув головой вперед, словно Люк потянул его за руку, потом снова упал на окровавленную землю. Люк дважды вонзил лезвие в дерн, чтобы очистить его.

На крыльце он положил ружье и нож, снял с себя маленькое белое платье. Накинул его на страшное лицо Локи. Но венец из мертвых листьев оставил на голове – тот словно собирал его мысли воедино. А затем посмотрел на лестницу в конце коридора.

Он поднимался на чердак так медленно и неуклюже, что все они, наверное, слышали его приближение. Там наверху, в теплом пыльном мраке безвременья, они знали, что он идет за ними.

Голый и окровавленный, словно новорожденный, он пробирался на ощупь в кромешной тьме. Света у него не было. Он так и не смог заставить себя найти масляный фонарь и спички. Он шел по памяти туда, где сидели маленькие фигурки. Он знал, что все они слишком стары и слабы, могут лишь бормотать себе под нос.

Стук дождя по крыше усиливался чердачным пространством. И все же Люк их слышал. Напоминавшие шелест или треск из старого радиоприемника, пониженные до шепота голоса. На этот раз они не смеялись. Они походили на растерянное бормотание стариков, проснувшихся и забывших, где находятся.

Люк шел, пригнув голову и прислушиваясь. В дальнем конце чердака он опустился на колени. Положил ружье на пол. Пошарил дрожащими руками вокруг маленьких стульев, коснулся сухих, как старый хлеб, одежд, потом хрупких, тонких конечностей, пока не нащупал первую голову.

– Вы убили их среди камней, – прошептал он. – Да, вы показали мне. Привезли их умирать в повозках.

Он прижал пальцем медленно шевелящуюся голову, высоко поднял нож и опустил вниз.

Лезвие прошло сквозь кожу, не жестче пергамента, и сквозь птичий череп, не толще яичной скорлупы, в остаток живого мозга. Старая магия, может, и поддерживала в нем жизнь, но новая сталь закончила его долгое и жалкое существование. Жизнь, зародившуюся еще тогда, когда великие деревья в лесу были саженцами.

Сидящая рядом фигура зашуршала в темноте, пытаясь укусить Люка за пальцы. Он слышал сухое щелканье челюстей.

– Я видел ваш старый дом. Я был там. Вы показали мне, как вешали их над тазом. Вы вскармливали своего Бога кровью?

Вторая фигура была женщиной. Он чувствовал это, несмотря на царившую на чердаке кромешную тьму. Хотя они были так стары, когда он впервые увидел их, что не мог быть точно уверен. Но он с удивлением обнаружил, насколько точны могут быть его инстинкты, когда кроме них ничего не осталось.

Нащупав в темноте ее голову, он услышал, как скрипнул хрящевой клюв, и почувствовал, что сухие десны сомкнулись на пальце. Было не больно, но Люк с трудом сдержал крик. Она сопротивлялась до последнего, как умирающее насекомое, жала его своим жалом.

Он быстро разделался с ней, пробив череп ножом и одновременно сжав высохшую шею. Почувствовал, как голова рассыпалась в прах. Вдохнув немного пыли, закашлялся и сплюнул.

Потом встал и направился туда, где шумели и роптали вдоль стен тронной залы остальные ископаемые. Нащупывая старые пыльные, ухмыляющиеся высохшими ртами черепа, он бил их ножом. Всех по очереди. Одного за другим. Каждую голову обращал в пыль. Пока не смолкли шорохи и шепот.

Закончив со всеми, Люк наклонился и поднял ружье. Он начал задумываться, где найти одежду, как вдруг далеко в лесу раздался звук, такой ужасный, что он потерял равновесие и сел голым задом на пол.

Это был жуткий бычий кашель. Тявканье дьявольской собаки.

Мокрое небо, древние стволы спящих деревьев и холодная, бесчувственная земля сработали как акустическая камера. Оглушительный крик боли пронзил его и все живое в пределах слышимости до мозга костей. Крик «матери».

Спустя несколько мгновений, он услышал крик Суртр. И понял, что та встретила внезапный и мучительный конец в когтях или зубах существа, гораздо более крупного, чем она сама. Теперь «мать» шла домой. Движимая горем от потери своих детей.

Выбираясь с чердака на ощупь, Люк чуть не свалился с лестницы. Он бросился в комнату Локи и Суртр, посмотрел из окна на лес. Солнце будто сжалось от страха и спряталось за низкие серые тучи.

Снова бычий кашель. Он не видел ее, но знал, что она гораздо ближе. Где-то рядом. Он буквально чувствовал, как черные бока «матери» содрогаются от яростного лая. Она обезумела от злости. Слепла от переполняющего ее чувства мести.

Грузовик. Грузовик. Гребаный грузовик.

С ножом в одной руке и ружьем в другой, голый и покрытый сажей, Люк проворно сбежал по лестнице и ввалился в кухню. Выглянул в окно.

Крошечное тельце старухи исчезло из травы.

У него мелькнула мысль вставить дуло ружья себе в рот, а потом большим пальцем ноги нажать на спусковой крючок.

Он чувствовал это древнее, черное присутствие, незримое, но всеобъемлющее. Чувствовал, как оно выросло и накрыло весь дом. Сжало его мысли, превратив их в алмазы страха – бессмысленного, чистого и абсолютного. Он широко разинул рот, по грязным ногам заструилась моча. Одна рука затряслась так сильно, что ему пришлось сжать ее другой. Из него вырвался какой-то странный стон. Он даже не узнал свой голос.

Грузовик.

Люк прижался к столу, учащенно дыша и содрогаясь всем телом.

У него столько вещей, что не хватит рук. Ружье, нож, ключи.

Ключи он взял в зубы, закусив с ними все звуки, которые рвались наружу. От металлического привкуса рот наполнился слюной.

Уперев ружье прикладом в плечо и зажав нож в поддерживающей ствол руке, Люк вернулся в серебристое утро старого мира.

68

Оно двигалось быстро, Люк знал об этом. В последний раз он слышал его крик с другой стороны здания. Кажется, спереди. Поэтому он попытался убедить себя, что ускользнет через кухонную дверь в задней части дома. Доберется до грузовика и уедет, пока оно будет визжать и метаться с другой стороны.

Но не успел Люк сделать и пяти шагов от задней двери, как услышал его снова. Впереди, справа от сада, где начинался океан леса. Будто оно тоже спешило к грузовику, предугадав его намерения. Похоже, оно преодолело пятьдесят ярдов за мгновения.

Опустившись на одно колено, Люк поводит прицелом вдоль лесной границы, ожидая появления длинной, черной, прижимающейся к земле фигуры.

Но там ничего не было. Темные деревья неподвижно стояли под дождем. Интересно, скрывает ли погода его запах? Люк понял всю бесполезность вопроса, потому что оно всегда знало местоположение своих жертв. И он знал, что за ним сейчас наблюдают.

Осторожно ступая, не в силах подавить громкий хрип, вырывающийся из горла, как у старого усталого пса, Люк двинулся к

грузовику. Белый силуэт машины он видел лишь краем глаза, потому что не сводил взгляда с деревьев.

Сад с редкими фруктовыми деревьями и грунтовая дорожка хорошо просматривались, но Люк многое бы отдал, чтобы грузовик стоял подальше от леса.

Он решил забраться в кабину через водительскую дверь, до последнего момента держа лес под прицелом. У него будет время всего на один выстрел, если оно решит броситься из-за деревьев, пока он будет садиться в машину. Двадцать футов за один скачок.

Водительская дверь открыта. Не смея даже моргать, Люк опустился на широкое сиденье перед рулевым колесом. Закрыв свою дверь, опустил пассажирское окно и выставил в него ружье. Так он сможет стрелять на ходу.

Положив нож на пластмассовую приборную панель, Люк достал изо рта ключи и попытался вставить ключ зажигания в гнездо на рулевой колонке. Руки ходили ходуном. Та, которой он зажимал бедро, почернела от крови. От ее вида его снова затошнило. С третьей попытки он попал ключом в гнездо.

Повернул его. Раздался щелчок. Индикаторы масла и температуры вспыхнули зеленым светом. Янтарные огоньки зажглись вокруг спидометра и бензинометра. Грязной босой ногой он нажал сцепление. Педаль не поддавалась. Снова повернул ключ зажигания.

Кабина завибрировала. Грузовик тут же завелся, что странно. Но бензина в баке быть не должно. Что-то не так с двигателем. Люк знал, что ему никогда не везло. Это в порядке вещей.

Он отогнал от себя навязчивый поток мыслей.

Двигатель заглох. Намертво. Люк повернул ключ снова. Двигатель ожил. Опять заглох. Люк проверил уровень топлива. Примерно одна десятая бака. Они слили его для своих дурацких костров. Как далеко он сможет уехать с таким количеством бензина? Достаточно далеко.

Он повернул ключ в третий раз, боясь залить двигатель. Тот, взревев, ожил. Люк нажал на газ. Из двигателя раздавался какой-то нехороший кашель. Грузовик был старый, долго стоял под дождем. Сколько ему нужно для прогрева? Есть ли у него время на это?

Он оглянулся в сторону леса, проклиная себя за то, что отвлекся. Умереть здесь можно в любой момент. Фил узнал это на собственной шкуре.

Никакого движения.

Через грязное лобовое стекло ничего не видно. На колонке индикации он нашел переключатель «дворников». Включил их, противотуманные фары и «аварийку».

– Черт. Нет, оставлю их включенными.

Ручной тормоз отпущен. Сцепление вниз, на первую передачу. Правая рука на руле. Левая держит ружье дулом в пассажирское окно, палец на спусковом крючке.

Грузовик рванул вперед и покатил по траве к узкой дорожке. Слишком быстро. Люк сбросил обороты. Очень сложно управлять автомобилем с непривычки. Последний раз он садился за руль пять лет назад, когда переезжал из одного темного уголка Лондона в другой.

Грузовик съехал с лужайки и, нащупав колесами старую колею, покатил по дорожке. Слишком все просто.

Глаза Люка метались между лесной опушкой, дорожкой и редким садом. Нигде никакого движения. В Люке вспыхнула надежда. Он даже нечаянно рыгнул. Открыл водительское окно, чтобы вдохнуть воздуха.

Люк впервые посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Перед глазами все плыло. Лицо было в красных разводах, там, где он вытирал пот и слезы липкими от крови руками. Своей грязной бородой он походил на пещерного человека. Глаза красные, как у безумца. Вдоль линии волос, под венком из мертвых листьев – засохший рубец. Он походил на корку корнуэльского пирожка и заканчивался у левой брови. В глубокие морщины в уголках глаз и рта забились грязь.

Сад остался позади. Темный дом исчез из зеркала заднего вида. Люк услышал собственное пение:

– Вперед. Вперед. Вперед. Вперед.

Вдруг он замолчал и похолодел от страха, увидев, что впереди над грязной тропинкой склонились деревья. Как только он миновал сад, вокруг все потемнело, и Люк оказался в природном туннеле. В воронке из густой листвы. Ветви хлестали и царапали борта грузовика. Проникали сквозь открытое водительское окно и пытались выцарапать глаза. Он затащил ствол ружья в салон. Начал поднимать окна. Ему не хватало координации. Вдруг автомобиль дернулся и остановился.

– Вот дерьмо! – рассердился Люк.

Приклад во что-то уперся, не давая втянуть ружье в кабину. Оно мешало ему полностью закрыть пассажирское окно. Люк чувствовал,

что превратился в неуклюжее трясущееся существо. Мысли отчаянно метались в тяжелой распухшей голове. Он ненавидел себя, ненавидел эти деревья, эту землю, все вокруг. Он верил в злых духов и сверхъестественные силы, которые удерживали его здесь. Лишили душевного равновесия и способности принимать правильные решения. Он был истекающим кровью шутом.

– Прекрати! Прекрати! – закричал внутренний голос. У тебя уже получилось. Ты сделал все, чтобы у тебя получилось.

Он перевел дыхание. Посмотрел направо. Медленно вытащил приклад ружья из дыры в виниловой подушке сиденья. Полностью закрыл пассажирское окно, запечатавшись от холодного сырого дыхания леса, пугающей близости деревьев. Сделал глубокий вдох, стабилизируя дыхание.

Снова завел двигатель. Инстинктивно проверил зеркало заднего вида. Прищурился. Какая-то длинная ветка упала в кузов? Точно. Похоже, задние колеса слегка просели или завязли в глине.

Он затаил дыхание.

Быстро обернулся.

Посмотрел через заднее стекло.

Краем глаза заметил, что черная фигура спрыгнула с кузова.

И исчезла в деревьях.

Но она что-то оставила.

Люк заглянул в кузов. Оттуда на него смотрела Суртр. В бледно-голубых глазах застыло удивление. Безгубый рот раскрыт, словно спрашивая:

– Помнишь меня?

Грудная клетка разорвана, словно картонная коробка. К просвечивающему позвоночнику прилипли розовые лепестки плоти. Она была выпотрошена полностью, но сидела прямо, упираясь спиной в задний борт кузова. Какая-то невероятная сила разорвала ее сухожилия, мышцы и кости, буквально вывернув наизнанку.

«Я все еще здесь, – словно говорило оно ему. – Все еще с тобой, каждый дюйм пути».

Он неуклюже схватился за ружье, но размеры салона мешали ему. Двигатель заглох.

– Прекрати! – закричал он сам себе. Какая разница, куда нацелено ружье? В салоне оно почти бесполезно. Им невозможно

маневрировать. Что ему нужно, так это скорость.

Он с силой повернул ключ, так что стартер завизжал. Двигатель снова неохотно ожил, салон завибрировал. За считанные секунды он перешел с первой на третью передачу и, перебрасывая ногу с педали газа на тормоз и крутя руль в разные стороны, рванул по дорожке. Даже сквозь металлический пол чувствовалось, как пробуксовывают колеса, изо всех сил стараясь вырваться из этого места.

Люка бросало то в жар, то в холод. Он дважды чуть не слетел с дороги. Ремня безопасности не было.

– Вот дерьмо! – В зеркале заднего вида болталась Суртр. Ее подбрасывало и швыряло в разные стороны, но она не сводила с него глаз.

Вдруг позади нее что-то мелькнуло.

Стальные лучи света лишь изредка прорывались сквозь полог листвы и ветви скрывавших дорогу деревьев. Но за болтающейся головой «пассажирки» Люк успел разглядеть нечто, несущееся на четырех лапах за грузовиком. Но мельком, на какое-то мгновение. Он успел лишь выдохнуть:

– О боже.

Он проверил дорогу перед собой, потом снова посмотрел в зеркало. Не успел моргнуть глазом, как за автомобилем во весь рост поднялась долговязая тьма и отступила в заросли леса. Фигура была всего в двадцати ярдах от заднего бампера: высокая, с черными и тонкими, как ходули, сгибающимися в обратную сторону ногами.

Люк торопливо зажег фары и переключился на дальний свет. Стробирующий импульс белого света мгновенно принес облегчение. Он озарил кокон из отяжелевших от дождя листьев, колотивших по ветровому стеклу, словно дряблые руки протестующих, пытающихся задержать машину дипломата.

Оно бежало за ним по дороге, не останавливаясь. Темное существо. С тонкими задними ногами. И без хвоста. На короткое время свет выхватил из темноты мускулистый бок.

– Боже, мать твою!

Люк шел на скорости пятьдесят километров в час, когда машину вдруг подбросило на выбоине, и он сильно ударился головой о стальную крышу кабины. Пришлось сбавить ход. Один глаз

зажмурился от боли. Старую рану обожгло огнем. Похоже, она снова открылась.

Грузовик полз вперед, виляя из стороны в сторону. Люк больше смотрел в зеркало заднего вида, чем перед собой.

Вот почему, когда что-то мелькнуло впереди, он резко дал по тормозам. Ударился грудью в рулевую колонку, заставив клаксон взорваться воем. Лоб впечатался в холодное ветровое стекло.

Какое-то время Люк не понимал, в какую сторону смотрит, пока наконец не пришел в чувство и не сориентировался. Он с силой откинулся на сиденье.

Опустив глаза, мельком заметил, как нечто, прижавшись к земле, скользнуло за деревья. Существо было худым и мускулистым.

Если бы он не остановился, сбил бы его.

– Черт!

Двигатель снова заглох. Если это случится снова, Люк поклялся, что выйдет из кабины и пустит пулю в капот этого тарахтящего куска железа.

Он снова завел его. Зубы стучали от страха, как от холода.

Неужели задние колеса застряли в колее? Теперь грузовик двигался рывками, будто поставленный на ручник. Двигатель гудел и дымил. Потом автомобиль вдруг дернулся вперед, чуть не слетев с дороги.

Что-то удерживало грузовик сзади.

Люк посмотрел в зеркало заднего вида. Внезапно возникшая черная фигура взмыла вверх, оттолкнувшись от земли длинными, словно ходули, ногами.

В следующий момент она оказалась на крыше и замелькала в окнах со всех сторон. Люк услышал собственный крик. Тусклый свет померк.

По крыше словно кто-то колотил молотками. Стук копыт по металлу жгучей болью отдавался в его чувствительных ушах. Ветровое стекло заслонило огромное, с розовыми сосками брюхо, покрытое черными, как у собаки, волосами. Справа мелькнул янтарный, размером с яблоко, глаз.

Люк посмотрел в этот глаз.

Но вместо него увидел гигантскую разинутую пасть. С черными деснами и желтыми, длинными, как средний человеческий палец, клыками. Стекло запотело от жаркого дыхания, потом пасть исчезла.

А он так и сидел, вдавив педаль газа в металлический пол. Мысли кружились вокруг в жутком вихре, а ветви деревьев царапали боковые панели и стекло, словно хотели выцарапать его своими когтями, как устрицу из панциря.

Бам! Бам! Бам! Нечто снова застучало по крыше кабины лошадиными копытами, потом пробежало по кузову и исчезло, утащив бедную Суртр за ногу, как выпотрошенную куклу.

Люк продолжал кричать, когда грузовик вдруг развернуло и на несколько футов занесло в лес. Одна фара разбилась. Бампер оторвался, и колеса проехали по нему с хрустом, который Люк скорее почувствовал, чем услышал.

Он нажал на тормоз, чтобы восстановить управление. Грузовик проскользил вперед. Потом резко остановился. Люк снова ударился лбом о ветровое стекло.

Он откинулся назад, разинув рот. Автомобиль застрял под углом к дороге. Впереди туннель из нависающих деревьев сужался, полностью перекрывая доступ свету.

Задний ход. Первая передача. Задний ход. Первая передача... После десятой попытки вырваться Люк перестал считать и заскулил.

Он решил выйти и воспользоваться ружьем. Потом у него снова появилось желание вставить ствол в рот и покончить с отсрочкой кончины. Она все равно была неизбежна.

Сейчас он являл собой сплошной сгусток страха.

Руки и ноги тряслись. Люк смотрел на свое колено не больше секунды, но его дрожание встревожило его. Конечности будто покалывало маленькими иголками, пока он не заставил их снова работать, пошарив между ног в поисках ножа, куда тот свалился с приборной панели. Он зажал его рукоятку между ладонью правой руки и рулевым колесом. У основания тусклого лезвия запеклась кровь. Присутствие ножа в кабине придало ему сил.

Медленно, на первой передаче, Люк вырулил обратно на дорожку и двинулся дальше, в сгущающуюся тьму, куда никогда не проникал дневной свет. О том, чтобы ехать быстро, не могло быть и речи. Всю дорогу он шел на второй передаче. В машине вроде бы ничего не сломалось. Вроде бы. Как нервный автомобилист со спущенной шиной в сафари-парке, он уверял себя, что как-нибудь вырвется.

Прошло несколько минут... Люк не знал, сколько точно. Но когда каждое колесо совершило полный оборот и грузовик снова покатиł вперед, вдоль тонкой трещины в поверхности величайшего леса в Европе, Люк пообещал себе, что непременно выберется из этого жуткого черного туннеля, а его преследователь останется ни с чем...

Сбросив скорость, он миновал крутой поворот. Единственная работающая фара осветила длинный участок узкой и прямой дорожки. Еще свет выхватил из тьмы притаившуюся длинноногую фигуру.

Нечто высокое, тощее, с лохматыми бедрами и костлявыми руками, длинными, как передние ноги жеребца, встало, изготовившись к действию. Огромная косматая голова приподнялась, будто принюхиваясь или прислушиваясь к ветру. Оно ждало. Ждало его.

Потом голова снова втянулась в напрягшееся перед броском тело. Отблеск фары мелькнул в янтарно-красных роговицах глаз.

На мгновение Люку показалось, что это невероятно высокий человек. Или обезьяна, большая и тощая, приготовившаяся к прыжку как большая кошка. Но в тот момент, когда оно присело на корточки перед броском, согнув огромные мускулистые ноги, Люк разглядел мимолетные черты других существ, что заставило его буквально захлебнуться ужасом.

Он успел рассмотреть покрытую густой черной шерстью голову, с влажным бычьим рылом. Почти человеческие глаза захватили все его мысли. Они были необычайно разумными и не предвещали ничего хорошего. Лишь мельком увидев их, Люк захныкал. В тот короткий миг ему показалось, что голова, сидевшая на бычьей шее, больше напоминала козлиную. А его длинные желтые клыки должны были расти из пасти другого, давно вымершего хищника. Возвышающиеся сверху величайшие из рогов тоже, казалось, принадлежали иной реальности. Они двигались навстречу друг другу.

Двигатель ревел на пределе первой передачи, но у Люка не хватало самообладания переключиться на вторую. Сквозь этот рев он закричал с такой силой, что во рту появился привкус крови, а в глазах потемнело.

Оно кинулось на него через капот.

Под ударом старых копыт лобовое стекло разлетелось на кусочки. Руль треснул пополам. Следом в кабину вошло полчерепа, величиной с

небольшой стол. Осколки стекла осыпали Люка, как кристаллики сахара. Люк услышал звук, будто лопнул гигантский воздушный шар. По обе стороны от шеи прошли рога, пробив спинку сиденья и листовой металл кабины. Лицо Люка оказалось прижато к жирной щетине, пахнущей старым мясом и обгаженной соломой. Между глаз что-то хрустнуло, как пластмасса. Его уже сломанный нос.

Клубы вырывающегося из пасти едкого пара, пахнущего гнилой рыбой и свиным навозом, заполнили кабину. Люка вывернуло прямо на этот огромный лохматый череп. В следующий момент существо начало яростно мотать головой.

Люк оказался буквально вдавлен в сиденье. Грузовик качнуло так, будто в него врезался скоростной автобус. Передние колеса оторвались от земли. Задняя стенка кабины вогнулась внутрь. Раздался страшный скрежет. Рога еще сильнее углубились в сталь кабины. Крыша застонала и смялась, как бумажный пакет. Существо застряло. И было готово разорвать мир на части, чтобы высвободиться.

В живот Люку уткнулся нос, влажный, как морепродукты, и подрагивающий, как детское сердце. Это ощущение, испытанное им, пока он сидел в темноте, вдавленный в сиденье, было худшим в жизни. Под носом находилась беспокойная, слюнявая пасть, ищущая, что бы ухватить и порвать словно кальку.

В последнее мгновение Люк почувствовал, как какой-то импульс, словно посланный из глубины веков предками, павшими от этих же рогов, проник ему в правую руку. Руку, сжимающую швейцарский армейский нож.

Правая была повреждена рогом, пробившим ветровое стекло. Но Люк смог, скрипя зубами, согнуть ее в локте. Потом, разжав челюсти, закричал. Закричал изо всех сил и вонзил крошечное лезвие в огромное черное горло.

Рев, вырвавшийся из пасти, оглушил его. Раздался звук, похожий на лязг двух мечей, и Люка швырнуло вперед.

Тварь исчезла. В разбитое ветровое окно ворвался сырой воздух, выветривая запах скотобойни.

Настала тишина.

А потом там, в темной сырой бесконечности деревьев, вдруг послышался кашель. Будто кто-то прочищал горло от застрявшей косточки. Люк посмотрел на свою правую руку. В ней было пусто.

Двигатель заглох. Руль исчез.

Люк закрыл глаза. Потом открыл. Рот был влажным от крови. Нос разбит.

Люк вытащил ружье и положил на капот. Потом вылез сам, совершенно голый.

69

Он больше не слышал ни кашля, ни лая, ни шакальего тьяканья. Но он был не один в этом лесу, нависшем над ним и заслонившем серый солнечный свет. Ветви деревьев роняли тяжелые ароматные капли дождя. Люк чувствовал себя словно в известковой пещере – сверкающей, вневременной и ужасной.

Нет, больше он не слышал и не видел твари. Но его сопровождали другие существа.

Он непрерывно сглатывал, стараясь облегчить страшную сухость в опаленном кордитом горле. Его бросало то в жар, то в холод. Он видел вещи и слышал голоса людей, которых там не было. Он переходил из одного мира в другой. Он все шел и шел.

За пределами видимости сновали белые человечки. Они галдели как маленькие обезьянки. Он видел их краем глаза. Они походили на голых детей.

Находясь в бреду, он дважды разворачивался, вставал на колени и стрелял в деревья, где, как ему казалось, видел что-то маленькое, бледное и щебечущее. А потом наступала тишина. Жуткая тишина, полная ожидания и смутных надежд. Пока все не начиналось снова: топот маленьких ног по сырому полу леса и крики в далеких зарослях.

У нее был приличный выводок. Молодняк злился на него за раненую «мать». Если бы он упал и потерял сознание от усталости, они бы непременно утащили его из грез и жидкой грязи в лес. Поэтому он продолжал идти, разговаривая сам с собой, чтобы отогнать их от себя.

Судя по всему, был ранний вечер, когда Люк дошел до конца дорожки и увидел небо, словно впервые за многие годы. Дорожка просто закончилась, а когда он обернулся, перед ним была лишь сплошная стена деревьев. Он словно оказался в прибрежной бухте, куда попал, выйдя из расселины в скале, или хорошо скрытой меж двух полуостровов пещеры. Он больше не видел ни конца тропы, по

которой шел полдня, ни бреши в густых зарослях подлеска, высотой с человеческий рост.

Он вышел на каменистую равнину, открытую всем ветрам и туманную после дождя. Серые, зеленые от мха и белесые камни простирались в бесконечность. Если не считать редких маленьких берез, равнина была бесплодной и пустынной, как дно огромного высохшего океана.

В этой гнетущей тишине Люка охватило бескрайнее, удушающее чувство одиночества. Таким одиноким он еще никогда себя не чувствовал. В то же время он испытывал безумное желание брести дальше в бесконечность, мимо этих гигантских валунов. Место казалось странно знакомым, словно он вернулся туда, откуда пришел давным-давно. Когда рядом с ним были три его лучших друга.

Отойдя от опушки леса на некоторое расстояние, Люк сел передохнуть. Вздрагивая всякий раз, когда голова падала на грудь, он провалился в темно-красный сон. Он не знал, сколько прошло времени. Может, несколько секунд. Или пара часов. В конце концов, когда дрожь стала невыносимой, он встал на ноги, повесил ружье на плечо и двинулся дальше, прочь от леса.

За широким гребнем леса, похожим на чью-то вытянутую руку, Люк нашел другую дорожку. Узкую, каменистую, заросшую травой, но явно неспроста протоптанную кем-то в ландшафте из камня и серого оленьего мха. Кем-то, кто однажды уходил из этого страшного леса.

Люк не знал, где север, а где юг. Не знал, куда ведет дорожка, но от одного ее вида разрыдался, содрогаясь всем телом.

Он шел во тьме, дрожа от холода и не чувствуя под собой ног. В небе зажглись тонкие очертания луны и облаков. Он часто подносил к глазам руку, пока они не перестали ее различать. Забвение не длилось долго. Небо из черного стало синим, потом розовым, а потом бледно-серым.

В какие-то моменты разум прояснялся, и Люку становилось тепло. К нему приходили настолько отчетливые воспоминания, что он сознательным усилием воли убеждал себя, что он сейчас не на работе, не в Лондоне и не разговаривает с Хатчем в стокгольмском баре о книгах.

Но, топая затекшими ногами в циклическом, утомительном бреду, в какой-то нелепый момент истины Люк осознал, что работа за 863

фунта в месяц в тридцатилетнем возрасте не имеет смысла. И оставшийся невыплаченным «Нат-Вест Банку» двадцатипяти тысячный кредит на развитие бизнеса, давным-давно потерпевшего крах, тоже неактуален. Не имело значения и то, что он не любит свою работу, ненавидит обоих своих коллег, что он беден как иммигранты из Финсбери-парка и боится Рождества, потому что ему скоро будет негде его справлять, и что у него всего три пары обуви. Все это осталось позади. Теперь взгляд Люка был устремлен куда-то за горизонт и внутрь себя одновременно. Он знал, что это чувство никогда не вернется. Но это тоже не имело значения. Главное – он чувствует это сейчас. Он знал, что вещи, которые удерживали его, напоминали о прошлой жизни, сортировали по определенным признакам окружающих, те вещи, к которым нужно было стремиться в прежнем мире, утратили смысл.

Он был весь искалечен, покрыт грязью и кровью, а его голову все еще венчали мертвые цветы, словно удерживая разбитый на куски череп. Но даже несмотря на это Люк испытывал необычайную легкость и эйфорию. Он был голый, а его голова светилась ярким белым светом на фоне серого, дождливого неба.

Ничто здесь не имело значения. Кроме него самого. В нем еще теплилась жизнь. Сердце билось. Воздух поступал в легкие. Ноги шли. Зная, насколько быстро и неожиданно может закончиться жизнь, как ничтожна она перед этой Вселенной пространства и времени, насколько безразлична она для ее настоящих, прошлых и будущих обитателей, Люк чувствовал себя свободным. Он был одинок, но свободен. Свободен от всего и вся. Хотя бы ненадолго. И он знал, что на самом деле ничего больше у человека нет.

Благодарности

Скорбен, уныл и несчастен тот писатель, что идет в одиночку. И потому я глубоко признателен Хью «Херши» Симмонсу, который не только тщательно вычитал эту книгу (причем не один раз), но и организовал немало походов. Особенно за один из них, тот самый, что подарил мне идею этого романа, когда нам пришлось разбить лагерь прямо в снегу после того, как мы нашли двух мертвых овец, висящих на дереве. Я девятнадцать лет помнил об этом, прежде чем понял, куда пристроить эту историю.

Я безмерно благодарен Энн за ее любовь, поддержку, терпение и советы, а также моему отцу за тщательную вычитку.

Следующие книги очень помогли мне при работе над романом: «Национальные парки Швеции: последние дикие места Европы» Клэса Грюндстена, «Дольмены и ранние могилы Швеции» Кристофера Тилли, «Археологические находки Северной Швеции» Инггара Закриссана, «Земля полуночного солнца» Пола Беллони дю Чайлу. Немалым я обязан увлекательной и поучительной книге «Князь Хаоса: восход андеграундного движения сатанинского металла» Дидрика Сёдерланда и Майкла Мойнихана, без которой «Блад Френзи» никогда не появилась бы. Я проявил вольность с концепцией из текстов «Дарк Трона» о «кулаке в лицо Бога», взятой из песни «To Walk The Infernal Fields», и переделал ее на «плевок в лицо Бога», чтобы отразить подражание «Блад Френзи» революционным идеям раннего блэк-метала. Жуткие реальные истории Джона Кракауэра, Саймона Йейтса, Джо Симпсона и Ника Нила, а также творчество Эджернона Блэкуда, Артура Мейчена, Скотта Смита, Кормака Маккарти и Джеймса Дики побудили меня написать историю о жизни и смерти в диких лесах.

Особая благодарность моему агенту Джону Джерролду и редактору Джули Крисп за их поддержку и советы. Также спасибо Хлое Хили, Эми Лайнс и Лиз Джонсон, а также всей команде издательства «Pan Macmillan» за то, что дали мне шанс, а потом возвести обо мне граду и миру.

Спасибо Стиву Сэвиллу и его жене за то, что проверили мое заклинание на шведском. И я хочу поднять вверх когти за всех блогеров, рецензентов и читателей «Номера 16», которые открыли дверь для книги и ее автора. И наконец, долгий и продолжительный салют в честь «Horror Reanimated», Мэтью Райли, Джозефа Делэйси, Питера Теннанта, Эндрю Кокса и журнала «Black Static» за их неослабевающий интерес и поддержку.